КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

СЕНТЯБРЬ

1902 г.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

СОДЕРЖАНІЕ

Отдѣлъ I.

I. ПОЛТАВА ВЪ НАЧАЛѢ XIX ВѢКА. (Окончаніе). *И. Ф. Павловскаго* . . . . . 293—318
II. „ЛИКЫ“ МОЕГО СЕЛА. *В. К.* . . . . . 319—342
III. КРАЙ ПЕЩЕРЫ ДВА ДУБОЧКЫ. Соч. *С. В. Р.* . . 343—357
IV. БОРЬБА ШКОЛЬНЫХЪ ВЛІЯНІЙ ВЪ ДО-ПЕТРОВСКОЙ РУСИ. (Продолженіе). *К. Харламповича.* . . . . 358—394
V. ПИДЪ ПОХЫЛОЮ ВЕРБОЮ. *М. Чернявського.* . . . . 395—400
VI. НѢКОТОРЫЯ ДѢТСКІЯ ИГРЫ ВЪ МАЯКАХЪ, ХЕРСОНСКОЙ ГУБ. (Матеріалы къ изученію игръ). *П. П.* 401—407
VII. ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ СО ДНЯ СМЕРТИ О. М. БОДЯНСКАГО. (6 сент. 1877 г.—6 сент. 1902 г.). *Н. В.* . . 408—410
VIII. А. А. АНДРІЕВСКІЙ. (Некрологъ). *И. Каманина* . . . 411—432

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Свѣдѣнія о четвероевангеліи въ переводѣ на малорусскій языкъ Ф. С. Морачевскаго; б) Изъ прошлаго Полтавщины. Сообщ. *И. Фр. Павловскій*; в) Изъ области народныхъ вѣрованій о выходцахъ съ того свѣта. Сообщ. *И. Бѣлъковскій*; г) Указъ объ обязательномъ обученіи дѣтей священнослужителей въ школахъ латинскому языку. Сообщ. *С. Рклицкій*; д) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. *А. Мёрдеръ*; е) Отрывокъ изъ письма В. В. Порскалова къ Н. В. Шугурову. Сообщ. *В. Н.*; ж) Украинофильство Гоголя; з) А. А. Савичъ. (Некрологъ). . . . . 93—119

КЪ XII АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ СЪѢЗДУ ВЪ ХАРЬКОВѢ . . . . . 120—133

ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ. . . . . 133—144

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) 1. Въ чаду мрій. Вирщи и писни Ив. Федорченка и 2. Г. Е. Сурмаченко. Нисенитныци. *С. Е—мова*; б) Ю. А. Яворскій. Изъ этнографической тетрадки 1830 годовъ. *В. Д.*; в) В. Н. Мочульскій. Малороссійскія и петербургскія повѣсти Н. В. Гоголя. *В. Н.*; г) Отчетъ благотворительнаго Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ за 1901 годъ. *В. Д.*; д) Записки Наукового Товариства імени Шевченка тт. XLVII и XLVIII. *В. Д.*; е) Обзоръ журналовъ текущаго года; ж) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . .

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 78-го:

ІЮЛЬ-АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ, 1902 г.

Книга первая и вторая—іюль-августъ.

Отдѣлъ I.

I. БОРЬБА ШКОЛЬНЫХЪ ВЛІЯНІЙ ВЪ ДО-ПЕТРОВСКОЙ РУСИ. *К. Харламповича.* . . 1—76

II. ПИСЬМА Н. В. ЗАКРЕВСКАГО КЪ ПРОТ. П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВУ. Съ пред. свящ. *І. Гордіевскаго* 77—94

III. КЪ ИСТОРІИ ТЕКСТА „МЕРТВЫХЪ ДУШЪ“. *В. Шенрока* . . 95—110

IV. ПОЛТАВА ВЪ НАЧАЛѢ XIX ВѢКА. (Очерки по архивнымъ даннымъ съ рисунками). *И. Ф. Павловскаго.* 111—164

V. ИСТОРІЯ КІЕВСКОЙ ВТОРОЙ ГИМНАЗІИ 165—192

VI. ЖЕРТВЫ ПЕРЕХОДНОЙ ЭПОХИ. (Анатоль Свыдницкый. „Люборацьки“. Семейна хроника). *Ф. Матушевскаго* . . . . . 193—226

VII. СЫЛА И КРАСА. Оповидання. *В. Винниченка.* . 227—281

VIII. ПАМЯТИ В. В. ТАРНОВСКАГО, А. М. ЛАЗАРЕВСКАГО И Н. В. ШУГУРОВА (Къ рисунку). . . . . 282—292

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Какъ вводилось оспопрививаніе въ Уманскомъ уѣздѣ сто лѣтъ назадъ. *В. Доманицкаго;* б) Священникъ, преданный суду за возмущеніе крестьянъ гр. Разумовскаго. Сообщ. *П. Китицынъ;* в) Изъ прошлаго Полтавщины. Сообщ. *И. Ф. Павловскій;* г) Прошеніе нѣжинскихъ

купцовъ и мѣщанъ о воспрещеніи польскимъ и австрійскимъ евреямъ розничной торговли на ярмаркахъ въ Малороссіи, 1797 г. въ іюлѣ; д) Посѣщеніе Кіева императрицею Александрою Ѳеодоровною въ сентябрѣ 1828 г. Сообщ. *А. Мёрдеръ*; е) Описаніе встрѣчи Ея И. В. Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны и Ея Имп. Высоч. великія княжны Маріи Николаевны. Сообщ *А. Мёрдеръ*; ж) По поводу „Новаго народнаго обычая". *Г. Ков.-Кол.*; з) „Изъ харьковскаго прошлаго".

ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ. 25—35

КЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ СЪѢЗДУ ВЪ ХАРЬКОВѢ. 36—43

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Александръ Яблоновскій. Очеркъ исторіи Кіево-могилянской академіи въ связи съ общимъ развитіемъ западной цивилизаціи на Руси *К. Харламповича*; б) Статистическое Бюро Полтавскаго Губернскаго Земства. Статистическій ежегодникъ Полтавскаго Губернскаго Земства. *Л. С. Л.*; в) Статистическое Бюро Полт. Губ. Земства. Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губ. за 1900 г. (по сообщеніямъ корреспондентовъ). *Л. С. Л.*; г) В. Т. Ляскоронскій. Гильомъ Левассеръ-де-Боплант и его историко-географическіе труды относительно Южной Россіи. *В. К. Б;* Обзоръ журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 44—92

Книга третья—сентябрь.

Отдѣлъ I.

I. ПОЛТАВА ВЪ НАЧАЛѢ XIX ВѢКА. (Окончаніе). *И. Ф. Павловскаго* . . . . . 293—318

II. „ЛИКЫ" МОЕГО СЕЛА. *В. К.* . . . . . 319—342

III. КРАЙ ПЕЩЕРЫ ДВА ДУБОЧКЫ. Соч. *С. В. Р.* . . 343—357

IV. БОРЬБА ШКОЛЬНЫХЪ ВЛІЯНІЙ ВЪ ДО-ПЕТРОВСКОЙ РУСИ. (Продолженіе). *К. Харламповича.* . . . . 358—394

V. ПИДЪ ПОХЫЛОЮ ВЕРБОЮ. *М. Чернявського* . . . . 395—400

VI. НѢКОТОРЫЯ ДѢТСКІЯ ИГРЫ ВЪ МАЯКАХЪ, ХЕРСОНСКОЙ ГУБ. (Матеріалы къ изученію игръ). *П. П.* 401—407

VII. ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ СО ДНЯ СМЕРТИ О. М. БОДЯНСКАГО. (6 сент. 1877 г.—6 сент. 1902 г.). *Н. В.* . . 408—410

VIII. А. А. АНДРІЕВСКІЙ. (Некрологъ). *И. Каманина* . . . 411—432

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Свѣдѣнія о четвероевангеліи въ переводѣ на малорусскій языкъ

Ф. С. Морачевскаго; б) Изъ прошлаго Полтавщины. Сообщ. *И. Фр. Павловскій*; в) Изъ области народныхъ вѣрованій о выходцахъ съ того свѣта. Сообщ. *И. Бѣньковскій*; г) Указъ объ обязательномъ обученіи дѣтей священнослужителей въ школахъ латинскому языку. Сообщ. *С. Рклицкій*; д) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ *А. Мёрдеръ*; е) Отрывокъ изъ письма В. В. Порскалова къ Н. В. Шугурову. Сообщ. *В. Н*; ж) Украинофильство Гоголя; з) А. А. Савичъ. (Некрологъ). . . . . 93—119

КЪ XII АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ СЪѢЗДУ ВЪ ХАРЬКОВѢ . . . . . 120—133

ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ. . . . . 133—144

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) 1. Въ чаду мрій. Вирши и писни Ив. Федорченка и 2. Г. Е. Сурмаченко. Нисенитныци. *С. Е—мова*; б) Ю. А. Яворскій Изъ этнографической тетрадки 1830 годовъ. *В. Д.*; в) В Н. Мочульскій. Малороссійскія и петербургскія повѣсти Н. В. Гоголя. *В. Н*; г) Отчетъ благотворительнаго Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ за 1901 годъ. *В. Д.*; д) Записки Наукового Товариства імени Шевченка тт. XLVII и XLVIII. *В. Д;* е) Обзоръ журналовъ текущаго года; ж) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 145—174

Полтава въ началѣ XIX вѣка.

(Окончаніе [1]).

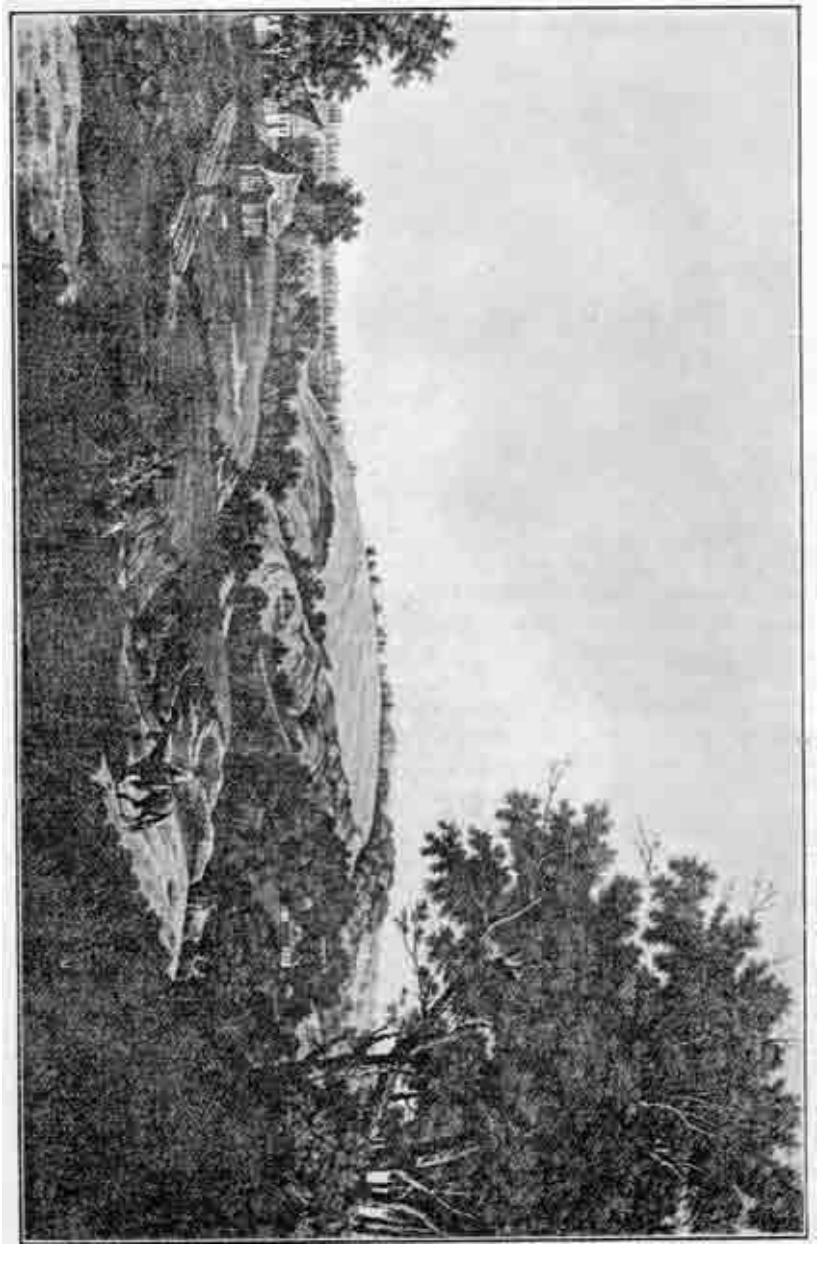
VI.

Забота Куракина о расширеніи городской черты и объ устройствѣ домовъ. Стоимость земли. Планы города. Дороговизна квартиръ и мѣра, принятая губ. Сонцевымъ. Дороговизна соли и мяса. Цѣны на продукты того времени. Войско въ Полтавѣ. Вступленіе полка въ городъ и заботы думы. Пожарный обозъ. Полиція. Доходы города. Арендныя статьи: винный откупъ, лавки, герберги и проч. Съѣзжія избы, смирительные и рабочіе дома. Заботы кн. Куракина о благоустройствѣ города—устройство мостовыхъ, бульваровъ и проч. Стихотвореніе князя Вяземскаго, воспѣвшаго полтавскую грязь.

Мы видѣли, какъ невелика была площадь, занимаемая городомъ въ 1802 г. Князь Куракинъ, по вступленіи въ должность, приступилъ къ расширенію городской черты. Покупались земли, главнымъ образомъ, у козаковъ, казенныхъ крестьянъ и у мелкопомѣстныхъ дворянъ, но рѣдко у крупныхъ. Изъ послѣднихъ только Чарныш имѣлъ землю въ предмѣстьи Полтавы, Павленкахъ. Имѣвшіе земли ближе къ центру города получали въ замѣнъ ея гдѣ-нибудь ближе къ окраинѣ, если этого желали, или получали деньги. Земли эти затѣмъ продавались тѣмъ, кто давалъ обязательство строить дома въ теченіе двухъ, трехъ лѣтъ. Продавались, по преимуществу, дворянамъ и чиновникамъ, какъ болѣе зажиточнымъ. [2])

[1]) См. Кіев. Ст. № 7—8.

[2]) Арх. Гор. 1802—4 г.г.



Видъ окрестностей Полтавы изъ городскаго сада, въ 1804 году. Съ гравюры Стадлера.

Сажень земли продавали по 3 или $3^3/_4$ коп. Самъ кн. Куракинъ пріобрѣлъ для себя 2 дес. 660 саженей, которые въ 1808 году продалъ городу черезъ своего повѣреннаго, бывшаго городничаго, Значко-Яворскаго, за 6380 р. вмѣстѣ съ постройками.

Домъ, длиною 8 арш., шириною $6^1/_2$, рубленый, но, конечно, крытый соломой, былъ оцѣненъ въ 35 р., каменный погребъ въ 200 р. Продажею и куплею земли завѣдывала городская Дума. Послѣ покупки и промѣна земель былъ составленъ планъ города и планы въ отдѣльности усадебъ, при томъ, какъ говорили тогда, «въ тройцѣ», т. е. въ трехъ экземплярахъ. Первый планъ города былъ сдѣланъ въ 1803 году, а затѣмъ въ 1811 г.; въ послѣдній планъ были включены всѣ земли, вошедшія въ новую городскую черту [1]). По проекту кн. Куракина, всѣ улицы получили наименованія, а дома номера. Нумерацію домовъ Полтава возобновила только три года назадъ, да и то не на всѣхъ улицахъ. Названіе улицъ было даваемо по учрежденіямъ, мимо которыхъ онѣ были проложены; напр., острожная, монастырская, ведшая къ монастырю, ярмарочная, ведшая къ ярмарочной площади и. т. под. Но названій въ честь лицъ мы не встрѣчаемъ, за исключеніемъ Александровской улицы, въ честь императора Александра I.

Съ перваго же года, по открытіи губерніи, началась усиленная постройка домовъ. Въ квартирахъ ощущался большой недостатокъ въ виду прибытія многихъ чиновниковъ на службу въ разныя учрежденія. Да и квартиры были очень дороги, на что обратилъ вниманіе губернаторъ Сонцевъ, давшій по этому поводу въ 1802 г. очень интересное предписаніе Думѣ: «По новому устроенію полтавской губерніи, опредѣлившіеся къ должностямъ по гражданской части разныхъ чиновъ люди, не имѣя здѣсь своихъ домовъ, нуждаются крайне въ квартирахъ, болѣе и по причинѣ той, что большая часть оныхъ занята для квартирующаго тутъ мушкатерскаго полку. И какъ не можно полагать того, чтобы оные чины могли имѣть скоро свои собственные дома, а дотолѣ будутъ претерпѣвать ощутительно невыгоду, такъ и жители города, по необходимости уже помѣщеніемъ ихъ въ своихъ домахъ, стѣснятся», то въ виду этого онъ, губернаторъ, по долгу своему, зяботясь «о пользѣ и выгодѣ всѣхъ и каждаго», и предписалъ Думѣ: «войдя обще съ магистратомъ въ разсмотрѣніе вышеписан-

---

[1]) Арх. Г. Земства № 98.

ныхъ обстоятельствъ, сдѣлать со стороны своей положеніе на такомъ основаніи, дабы жители, получая плату, пользовались отъ домовъ выгодою, а постояльцы не были излишне за плату отягощены, назнача оную по обширности построекъ и прочихъ избъ». Здѣсь мы встрѣчаемся съ интересной попыткой нормированія платы за квартиру соотвѣтственно объему занимаемой ею площади,—фактъ для того времени очень интересный. Теперь лучшіе наши статистики пользуются этой нормой, какъ наиболѣе справедливой, при оцѣнкѣ недвижимости для взиманія, напр., городского налога. Дума вмѣстѣ съ магистратомъ, разсматривала предложеніе губернатора и порѣшила: «Въ сходство его превосходительства повелѣнію, положить примѣрныя цѣны жилымъ, подвѣдомственныхъ магистрату людей, покоямъ (комнатамъ), кромѣ службъ, т. е. кухни и погребовъ, яко на общую всѣхъ выгоду нужныхъ, а также сараямъ, амбарамъ и конюшнямъ: 1) покой (т. е. комната) на лѣтніе и зимніе мѣсяцы, съ дровами нанимающаго, а не на хозяйскихъ, длиною и шириною въ 2 куб. сажени,— 3 р. сер.; 2) сарай для экипажей деревянный, длиною и шириною 3 сажени,—15 р. въ годъ; 3) амбаръ для складки вещей также деревянный, длиною и шириною въ 2 куб. сажени, въ годъ 14 р.; 4) конюшня съ подножнымъ помостомъ за сажень въ годъ 3 р. сер. [1])

Помимо квартиръ, губернаторъ Сонцевъ обратилъ вниманіе и на дороговизну двухъ главныхъ продуктовъ: соли и мяса. Соль въ то время доставлялась изъ Крыма чумаками и, какъ всѣ привозные товары, всегда была дороже товаровъ мѣстнаго производства. Цѣна пуда соли въ 1805 году достигла до 1 р. 20 к. Сонцевъ нашелъ цѣну эту очень высокой и предписалъ Думѣ установить болѣе низкую таксу. Дума назначила 72 к. ~~за~~ пудъ. [2])

Стоимость мяса была 1 р. за пудъ. Сонцевъ предписалъ Думѣ назначить таксу меньшую, чтобы «доставить жителямъ города нужное пособіе для прокормленія». Предвидя стачку мясни-

[1]) Гор. Арх. № 120, 996, 125, 1802 года.
[2]) Гор. Арх. 1805 № 1735.

ковъ, Сонцевъ предписалъ, въ случаѣ ихъ несогласія на пониженіе цѣнъ, вызвать иногородныхъ мясниковъ, оповѣстивъ черезъ городничихъ и нижніе земскіе суды о вызовѣ желающихъ. Дума два раза дѣлала публикацію, но изъ архивныхъ бумагъ не видно, чѣмъ окончилось это дѣло. Можно полагать, что, пока шла переписка, Сонцевъ выбылъ изъ Полтавы на прежнее свое мѣсто—воронежскаго губернатора, и дѣло окончилось ничѣмъ [1]). Будетъ кстати познакомиться съ цѣнами того времени и на другіе продукты: мѣшокъ житной муки (не менѣе 2 пуд.) стоилъ 45 коп.; мѣшокъ гречневой муки 50 к., 1 пудъ крупъ 66 к., четверикъ пшена (8 гарнцевъ) 69 к., четверикъ ржаной муки 23 к., четверть овса 75 к., пудъ сѣна 5 к., затѣмъ цѣна была 9 к. и 11 к., копна соломы 17 к. и 40 к., свиное сало 1 п. 2 р. 40 к. и 2 р. 60 к.; ведро олеи 2 р. 20 к., 1 ф. воска 60 к., 1 пудъ меда 6 р., 1 пудъ уксуса 1 р., смолы 1 ф. 13 к., дегтя 1 кварта 25 к., сальныхъ свѣчей 1 пудъ 4 р. 60 к., дровъ сажень отъ 4 р. 50 к. до 7 р.

На обязанности городской Думы лежала тогда забота о войскѣ, пожарномъ обозѣ, освѣщеніи города и т. под. Войска въ то время въ Полтавѣ было очень мало. Въ годъ открытія губерніи въ ней былъ расположенъ гарнизонъ изъ 116 солдатъ, во главѣ съ капитаномъ, у котораго были въ подчиненіи два офицера—поручикъ и подпоручикъ. Капитанъ получалъ жалованья 267 р. $36^1/_4$ к. въ годъ, поручикъ—171 р. $78^1/_2$ к., а подпоручикъ 146 р. $38^1/_2$ к.

Все содержаніе гарнизона обходилось въ 1726 р. $2^1/_2$ к. въ годъ. На Думѣ же лежала забота о наймѣ квартиръ для войскъ, устройствѣ лазарета, бани и. т. под. До 1804 года солдаты были распредѣляемы по квартирамъ у домовладѣльцевъ, но съ 1804 года по особому ходатайству князя Куракина, городъ былъ освобожденъ отъ военнаго постоя. [2]) Весною 1806 г. въ Полтаву всту-

---

[1]) Гор. Арх.—1805, № 54, 1055.

[2]) Арх. Губ. Правл. № 116 и Арх. Губ. Земства, № 3, листъ № 157, и Указы 1802 года.

пилъ на постоянное пребываніе Новоингерманландскій мушкатерскій полкъ и при немъ «половина артиллерійской роты». Тотчасъ же полицейместеръ далъ предписаніе Думѣ «озаботиться предоставить шефу (т. е. командиру) квартиру съ дровами, главную гауптвахту, при ней устроить мостъ, сошки для ружей, двухъ барабановъ и одного знамени, для часовыхъ будку, при въѣздахъ на харьковскомъ и московскомъ гауптвахтѣ на каждомъ въѣздѣ барабанъ и будки для часовыхъ, шлагбаумы съ цѣпями», а также все необходимое для лазарета: кровати, скамейки, свѣчи и т. п. [1]) Дума не пожелала исполнить эти требованія, такъ какъ не имѣла предписанія отъ своего начальства, да и не знала, на какія средства все это сдѣлать. Губернское Правленіе предписало Думѣ безпрекословно все исполнить. [2]) Но этимъ не ограничивались требованія военныхъ властей, очень скоро потребовавшихъ отъ Думы, черезъ полицейместера, отвода пастбища для лошадей. Дума снова отказала потому, что луга ея были отданы въ аренду. Завязалась переписка, и дѣло кончилась тѣмъ, что Губернское Правленіе признало Думу необязанною исполнять послѣднее требованіе, какъ незаконное. Это едва-ли не единственный примѣръ за первые годы существованія Полтавы, какъ губернскаго города, когда губернское Правленіе стало на сторону Думы. [3]) Лагерь полка былъ расположенъ въ с. Яковцахъ, въ пяти верстахъ отъ Полтавы. Дорога къ нему шла по оврагамъ, что особенно затрудняло сообщеніе въ ненастное время. Князь Куракинъ обратилъ на это вниманіе и предписалъ Думѣ исправить эту дорогу, несмотря на то, что она была внѣ городской черты и по закону Дума могла этого и не исполнить.

Содержаніе пожарнаго обоза лежало по закону на обязанности Думы. Въ началѣ 1802 года городъ былъ раздѣленъ на три полицейскія части, но въ 1804 г. число частей было уменьшено до двухъ; въ каждой изъ нихъ былъ пожарный обозъ и по одному

---

[1]) Гор. Арх. 1806 г., № 849, л. 74.

[2]) Гор. Арх. 1806 г., № 15028.

[3]) Гор. Арх. 1806 г., № 1333 и № 13252.

«огнеспасительному майстеру», какъ называли тогда брандмейстеровъ. Этихъ мастеровыхъ нельзя было въ то время найти въ Полтавѣ. Обыкновенно публиковали о вызовѣ человѣка, «который могъ бы содѣйствовать при пожарахъ огнеспасительными трубами»... Однимъ изъ тогдашнихъ брандмейстеровъ былъ майоръ Терещенко, очевидно большой любитель этого дѣла, такъ какъ его чинъ далеко не соотвѣтствовалъ классу должности. При каждомъ обозѣ, помимо десяти бочекъ, куда впрягались лошади, были устроены еще десять бочекъ, очень легкихъ, на двухъ колесахъ, куда вмѣсто лошадей употреблялись рабочіе, обязанные возить воду на мѣсто пожара. Помимо этого, каждый домовладѣлецъ обязанъ былъ имѣть кадку съ водой въ своемъ дворѣ; это была небезполезная предосторожность, такъ какъ дома въ Полтавѣ были крыты, за малыми исключеніями, соломой. Цѣна обозной лошади въ то время была 24 р. с., а на фуражъ ея отпускалось ежемѣсячно по 2 р. [1]) Содержаніе всей пожарной команды стоило въ годъ 1272 р. 50 к.

Какъ въ огражденіи города отъ пожара было привлечено къ участію и само общество, то же самое мы видимъ и въ дѣлѣ огражденія отъ опасностей, кражъ и т. п. Во главѣ полиціи стоялъ городничій, а съ 1804 г. городничій былъ переименованъ въ полицеймейстера, содержаніе котораго было 450 р. У него было два частныхъ пристава съ жалованьемъ по 300 р. и четыре квартальныхъ надзирателя, каждый съ жалованьемъ по 200 р.

По всему городу, по распоряженію кн. Куракина, были расположены десятники (числомъ 50), находившіеся на своихъ постахъ день и ночь. 36 десятниковъ было изъ самихъ обывателей, отбывавшихъ эту повинность по очереди, при чемъ не возбранялось вмѣсто себя поставить другого. Не являвшихся къ отбытію этой повинности штрафовали. Были десятники и отъ Думы, получавшіе по 40 р. въ годъ. По городу были разставлены вездѣ будки, гдѣ могли бы укрыться, въ случаѣ ненастья, эти десят-

---

[1]) Гор. Арх. 1802 г., № 2721, 1804 г., стр. 154, 1805 г., № 786.

ники. [1]) За полиціей строго слѣдилъ князь Куракинъ. Въ 1802 году квартальный надзиратель Плотниковъ явился ночью въ домъ Златоржевскаго арестовать женщину. Послѣдній жаловался князю, который оштрафовалъ надзирателя 25 р., что превышало его мѣсячный окладъ. Деньги эти обыкновенно поступали въ Приказъ Общ. Призрѣнія на благотворительныя дѣла. [2])

Несмотря на такіе расходы, какъ содержаніе пожарнаго обоза, войска и т. под., у Думы не только хватало средствъ, но всегда были остатки. Къ 1 января 1802 г., т. е. ко времени открытія губерніи, городская Дума имѣла остатокъ отъ 1801 года 14844 р. 50 к. И въ послѣдующіе годы всегда бывали остатки: въ 1803 г. осталось 4881 р. 31 3/4 к. и роздано было 10600 р. на проценты; въ 1803 году—1019 р. 68 1/4; въ 1804 г.—1435 р. 89 1/2 к. Бюджетъ города простирался: въ 1802 году до 20 тысячъ р., въ 1803—до 30 тысячъ, въ 1804 году онъ составлялъ 42141 р., 1805—36125 р. [3])

Доходы города были отъ виннаго откупа, найма лавокъ, земель, городскихъ вѣсовъ, отъ свѣчного завода, харчевенъ, герберговъ платы иностранцами за право торговли въ городѣ, взимаемой отъ 1 р. до 100 р. Изъ этихъ доходовъ самымъ крупнымъ былъ отъ виннаго откупа, сдававшагося въ аренду по 11500 р. въ годъ. Состоялъ онъ въ томъ, что откупщику отдавалась площадь, гдѣ нынѣ Новоселовскій базаръ, для склада на ней бочекъ съ водкой, откуда онѣ развозились въ харчевни, герберги, кабаки. Площадь эта называлась «бочковая» или «скотская площадь», потому что здѣсь, вѣроятно, продавали и скотъ. Всѣхъ кабаковъ въ Полтавѣ было въ 1802 г. 20 [4]) и за этотъ годъ было продано 4476 ведеръ водки,—въ среднемъ больше немного ведра на муж.

---

[1]) Гор. Арх. 1805 г., № 786.

[2]) Гор. Арх. 1802 г., № 167.

[3]) Гор. Арх. 1802—1805 годы.

[4]) Арх. Губ. Правл. 1804 г., № 200. За откупъ съ 1799 г. по 1802 цѣна аренды была всего 1600 р. а затѣмъ поднялась, съ учрежденіемъ губерніи, до 11 тыс. (Гор. Арх. 1802 года).

душу. Когда срокъ аренды виннаго откупа оканчивался, то объявляли новые торги, происходившіе иногда въ присутствіи самого кн. Куракина.

Видимо, откупъ этотъ былъ очень выгоденъ, такъ какъ на торги являлись не только мѣстные жители, но изъ Кременчуга, Елисаветграда и Воронежа. Въ 1802 г. набили на торгахъ цѣну до 15 тыс. р., но генералъ-губернаторъ нашелъ ее недостаточной и торговъ не утвердилъ. Тогда нѣкто Поповъ набавилъ еще 500 р., но и это князю показалось недостаточнымъ. И тѣлько послѣ того, какъ Волковицкій, елисаветградскій дворянинъ, сразу прибавилъ 1200 р., мотивируя это тѣмъ, что Полтава—нынѣ губернскій городъ, въ которомъ уже установленъ и пріемъ рекрутъ,—торги были утверждены за Волковицкимъ. Замѣчательно, что въ числѣ городскихъ арендаторовъ мы не встрѣчаемъ евреевъ.

Нынѣшняя Сѣнная площадь также была отдаваема въ аренду съ правомъ денежнаго сбора за мѣста во время ярмарокъ, при чемъ эти сборы не должны были превышать 1 р. 50 коп. за мѣсто. Но арендаторъ бралъ не только съ пріѣзжихъ, но и съ самихъ жителей Полтавы, являвшихся на торгъ. Когда жители пожаловались на арендатора генералъ-губернатору, то сборъ былъ отмѣненъ. Эта площадь отдавалась съ 1803 г. за 3 тыс. слишкомъ въ годъ. Всѣ аренды въ то время отдавались обычно на четыре года.

Такимъ же источникомъ дохода, приносившимъ сравнительно большой сборъ, былъ наемъ лавокъ; такъ 29 мясныхъ лавокъ, съ скотобойней, находившейся въ самомъ центрѣ города, отдавались въ 1803 года за 422 р. [1])

И въ этой же, самой лучшей части города, на площади, продавали деготь, что запретилъ князь Куракинъ, предписавшій «немедленно приступить къ исправленію такового обстоятельства, для благоустройства города немало упасительнаго». [2])

---

[1]) Гор. арх. 1803 г. Въ 1802 г. за нихъ была плата меньше.

[2]) Гор. Арх. 1805 г. № 175.

Земель городъ имѣлъ достаточно; не мало было у него и луговъ по берегамъ Ворсклы и Рочизны, но, къ сожалѣнію, въ то время въ Думѣ не велась инвентарная книга и при заключеніи контрактовъ не писалось количество десятинъ, отдаваемыхъ въ аренду, а просто обозначалось: «городское мѣсто около лавокъ», «городское мѣсто на форштадѣ» или около городского вала и т. под. За земли выручалось болѣе 4 тысячъ. Арендныя деньги вносились по третямъ и вносились замѣчательно аккуратно, такъ что недоимокъ, составляющихъ теперь обыденное явленіе въ бюджетѣ городовъ, не существовало. Неаккуратнаго плательщика обыкновенно не штрафовали, но деньги поступали не въ городскую кассу, а въ Приказъ общ. призрѣнія, на благотворительныя дѣла. Штрафы были небольшіе; такъ однажды съ откупщика Морозова велѣно было взыскать всего 9 р. [1]) Если сумма платежа была большая, то насчитывали 6% на третной взносъ, а взысканіе производила полиція. [2])

Гостинницъ въ Полтавѣ не было. Кн. Долгорукій, бывшій въ Полтавѣ въ 1810 году, не зналъ, гдѣ ему остановиться. Гостинницы замѣнялись постоялыми дворами, называемыми «гербергами». Ихъ было всего три и отдавались они городомъ въ аренду по 50 р. въ годъ, но съ 1805 г. цѣна уже была возвышена до 100 р. съ небольшимъ. Это была выгодная аренда; нерѣдко ее желали взять дворяне, но на основаніи указовъ 1770 и 1790 г. герберги могли быть арендуемы только купцами третьей гильдіи. [3]) Харчевни отдавались по 200 р. въ годъ.

Таковы были источники дохода города. Замѣтимъ, что въ то время не существовалъ еще налогъ на имущество горожанъ. А расходы были значительны. Мы уже видѣли, какъ пользовалась администрація городскими средствами и налагала многое на думу. Послѣдняя обязана была содержать и «съѣзжія избы», а также «смирительные и работные дома»—учрежденія болѣе правитель-

---

[1]) Гор. Арх. 1805 г., № 1464.

[2]) Гор. Арх. 1804 г., № 734.

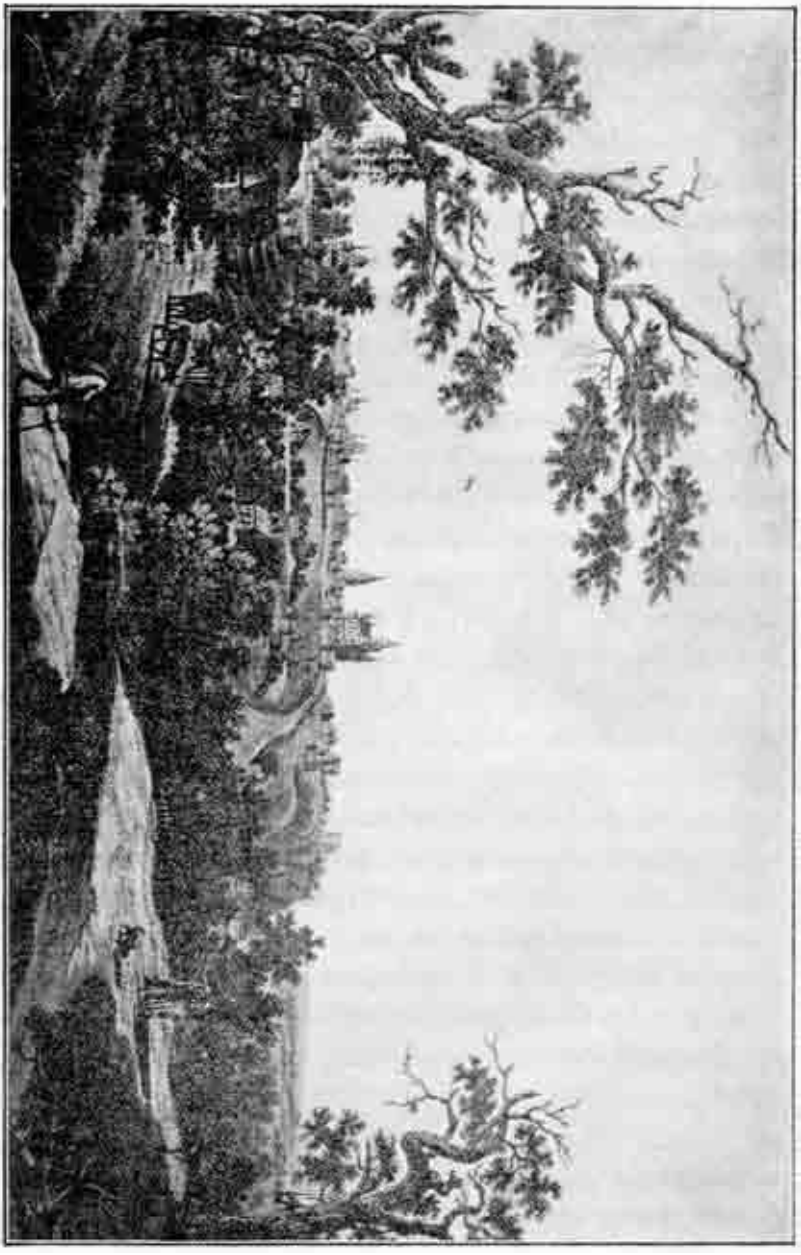
[3]) Гор. Арх. 1804 г., № 757.

ственныя, чѣмъ общественныя. Подъ именемъ «съѣзжихъ избъ» разумѣлись въ то время арестныя помѣщенія, куда сажали нетрезвыхъ буяновъ и вообще лицъ, нарушающихъ общественную тишину и порядокъ. Такихъ избъ въ Полтавѣ было три. Арестованные здѣсь не проводили праздно время: ихъ заставляли быть ассенизаторами города. Для лицъ привилегированнаго класса устраивались «смирительные дома», куда попадали по приговорамъ суда обыкновенно за незначительные проступки. Въ «работныхъ домахъ» помѣщались также приговоренные судомъ за кражу на сумму менѣе 20 р., гдѣ они должны были отработать украденныя деньги. До пріѣзда князя Куракина «работнаго дома» въ Полтавѣ не было, и устроенъ онъ былъ по его иниціативѣ. 31 декабря 1802 года онъ далъ слѣдующее предписаніе губернатору Сонцеву: «Непрерывные опыты показываютъ, до какой степени стѣсняется участь несчастныхъ преступниковъ, коихъ законъ опредѣляетъ на работу цѣны ими украденнаго; по неимѣнію здѣсь рабочихъ домовъ, нерѣдко для отработки самой ничтожной суммы, пересылаются они въ Херсонъ и тому подобными образами терпятъ они въ нѣсколько кратъ продолжительное бытіе въ числѣ арестантовъ». Для работныхъ домовъ были наняты небольшія помѣщенія около богоугодныхъ заведеній. На содержаніе этихъ домовъ средства отпускала дума. Князь Куракинъ мечталъ устроить хорошія помѣщенія для этихъ учрежденій, вошелъ уже въ переговоры о покупкѣ земли, но не успѣлъ осуществить этого намѣренія за отбытіемъ въ Петербургъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ. За время съ 1802 года по 1808 г. включительно арестованными въ рабочемъ домѣ было выработано всякаго рода издѣлій на сумму 5735 р. [1])

Князь Куракинъ много заботился о благоустройствѣ города, что подтверждаетъ въ путевыхъ замѣткахъ кн. Долгорукій, который говоритъ, что Куракинъ желалъ сдѣлать «Полтаву въ маломъ видѣ Петербургъ». Замѣчательно, что до пріѣзда Куракина не былъ устроенъ даже мостъ на р. Ворсклѣ, необходимый не только для

---

[1]) Арх. Губ. Земства, по описи № 98.



Видъ Полтавы въ 1804 г. съ Садовой площади черезъ полтавскій оврагъ. Съ гравюры Стадлера.

сообщенія жителей, но и для почты, такъ какъ черезъ Ворсклу шелъ почтовый трактъ на Харьковъ и далѣе въ столицы. Вмѣсто моста, существовалъ «водоходный дубъ», или «водоходное судно», какъ его называли жители, который и перевозилъ «курьера съ

письменной почтой». [1]) Князь Куракинъ устраивалъ бульвары, садилъ деревья, по многимъ улицамъ велѣлъ устроить колодцы съ навѣсами рѣзной столярной работы, устроилъ рынокъ. Все это отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ кн. Долгорукій, который вообще не щадитъ своего пера, чтобы представить Полтаву въ возможно болѣе мрачномъ видѣ. Гостинный дворъ не понравился князю-туристу, но Куракинъ все-таки и его улучшилъ. Заботился онъ и о мостовыхъ. До него была только одна мощеная улица,—отъ собора до Срѣтенской церкви, онъ же вымостилъ ихъ нѣсколько, но мостилъ мелкимъ щебнемъ, набивая пескомъ, отчего лѣтомъ въ городѣ бывала очень большая пыль и мостовыя не отличались прочностью. Мощеніе стоило очень дорого. Построивши богоугодное заведеніе, кн. Куракинъ велѣлъ замостить ведшую туда улицу и назвать ее «Ново-Полтавской». Проведеніе этой улицы, на разстояніе всего 270 саженъ, стоило болѣе семи тысячъ рублей. [2])

Несмотря на всѣ эти заботы о городскомъ благоустройствѣ, въ Полтавѣ всегда бывала большая грязь не только во время кн. Куракина, но и десятилѣтія спустя. Князь Долгорукій сообщаетъ въ своихъ запискахъ, что полтавскія дамы ѣздили на вечера на волахъ, [3]) что подтверждаетъ и Хрущовъ, первый батальонный командиръ Полтавскаго кадетскаго корпуса, впослѣдствіи извѣстный защитникъ Волынскаго редута въ Крымскую войну и генералъ-губернаторъ Зап. Сибири. «Весною и осенью,—пишетъ онъ,—въ Полтавѣ была такая грязь, что дамы пріѣзжали на вечера на волахъ или приходили по мосткамъ». [4]) Полтавская грязь даже воспѣта извѣстнымъ поэтомъ кн. Вяземскимъ въ его стихотвореніи «Полтава». Говоря въ началѣ объ историческомъ значеніи Полтавы, поэтъ восхищается ея климатомъ, садами, прекрас-

---

[1]) Гор. Арх. 1805. № 827.

[2]) Арх. Г. Правл. по описи № 267.

[3]) Долгорукій: Славны бубны за горами.

[4]) Московск. Обозрѣніе, 1872 г. Записки изд. внукомъ Хрущовымъ-Сокольниковымъ.

нымъ воздухомъ, но затѣмъ переходитъ въ мрачное настроеніе и продолжаетъ:

Но и радость смотритъ горемъ:
И въ Аркадіи моей
Городъ смотритъ грязнымъ моремъ,
Какъ придетъ пора дождей.
Здѣсь стоитъ по цѣлымъ суткамъ
И по мѣсяцамъ вода,
И по улицамъ лишь уткамъ
Безпрепятственна ѣзда.
Такъ!... но трудъ переупрямитъ
Это зло. Колдунъ и вождь
Онъ и топь омокадамитъ [1]).
И проучитъ наглый дождь.
Русской удали дорогу
Петръ очистилъ здѣсь штыкомъ,
И съ тѣхъ поръ мы, слава Богу,
Кое-какъ себѣ живемъ.
Между тѣмъ, какъ будто шведы,
Чтобъ воздать Полтавѣ зломъ,
Мы ее, ковчегъ побѣды,
Потопленью предаемъ.
Братья!... не грѣшно ли вчужѣ
Видѣть, Господи спаси,
Какъ барахтается въ лужѣ
Городъ славный на Руси?
Поспѣшимъ же безъ оглядки
Ради ближнихъ и добра
Отъ Тавриды до Камчатки,
Отъ Онеги до Днѣстра,
Отовсюду, гдѣ богато
Слово русское гремитъ,

[1]) Т. е. приспособитъ.

Гдѣ о горѣ братьевъ свято
Сердце русское болитъ.
Всѣ и каждый, общей силой,
На поминки о Петрѣ,
Всѣ поможемъ нашей милой
Утопающей сестрѣ.
Что же? нѣтъ бѣды въ попыткѣ!...
Стихъ мой брошу на авось:
Съ міра просимъ—не пониткѣ,
А по камешку намъ брось!...

—

Пусть откроется подписка—
И Полтава спасена:
Ей не нужно обелиска,
Мостовая ей нужна. [1])

---

[1]) Вяземскій. Въ дорогѣ и дома. Собр. стихотвор. 72—73 стр.

Глава VII.

Заботы Куракина о школахъ. „Предварительныя правила", изд. министерствомъ. нар. просвѣщенія. Уѣздное училище. Актъ и стихотвореніе Тисаревскаго. Забота объ открытіи гимназіи. Первый директоръ Огневъ и его біографія. Программы гимназій. Преподаваніе. Экскурсіи для учащихся. Заботы Куракина о воспитаніи дворянъ. Проектъ В. В. Капниста устройства „дома для бѣдныхъ дворянъ". Взносы дворянъ на содержаніе этого „дома"; его штатъ и помѣщеніе. Дворянство подноситъ Куракину табакерку. Стипендіи въ дворянскомъ училищѣ кн. Куракина его жены, Кочубея и Трощинскаго.

Забота о насажденіи школъ составляла интересную черту въ дѣятельности князя Куракина. Въ 1803 году онъ дѣлаетъ запросъ черниговскому и полтавскому губернаторамъ о состояніи начальныхъ училищъ въ ихъ губерніяхъ. [1]) Еще незадолго до того времени, въ XVIII ст., въ Малороссіи при всѣхъ церквахъ существовали школы, гдѣ обучали грамотѣ по преимуществу дьячки; но въ началѣ XIX ст. такихъ школъ въ Полтавѣ не было уже ни при одной церкви. Народнымъ образованіемъ было сильно заинтересовано министерство народнаго просвѣщенія, открытое въ 1802 г.

Первымъ министромъ былъ гр. П. В. Завадовскій. Въ 1803 г. составлены были «Предварительныя правила народнаго просвѣщенія»,—нѣчто въ родѣ устава всѣхъ школъ. По этимъ правиламъ, министерство проектировало четыре типа школъ: начальная школа, уѣздное училище, гимназія и университетъ.

Изъ такихъ школъ въ Полтавѣ въ 1802 г. было одно только уѣздное училище, открытое въ 1799 году. Штатъ его былъ не

[1]) Арх. Губ. Правл. № 153.

великъ: смотритель, получавшій жилованье 300 р., два учителя,—по 250 р., законоучитель—75 р. и учитель рисованія—75 р. На наемъ помѣщенія, прислуги и пр. отпускалось 300 р. Такимъ образомъ стоимость училища составляла 1250 р., которые и отпускались отъ казны. До изданія министерскихъ правилъ средства на это училище отпускала городская дума. Преподавались въ уѣздномъ училищѣ слѣдующіе предметы: грамматика россійскаго языка и мѣстнаго, какъ-то: польскаго, нѣмецкаго и проч. (что не относилось къ полтавскому училищу), сокращенная географія и исторія, первоначальныя основанія геометріи и естественныхъ наукъ, а также «наставленіе въ должностяхъ человѣка и гражданина (нѣчто въ родѣ законовѣдѣнія) и практическія знанія, полезныя для мѣстной промышленности и края». Общій надзоръ за училищами принадлежалъ университету, но непосредственнымъ ихъ начальникомъ былъ директоръ училищъ губерніи. Директору предписывалось «принимать смотрителей и учителей ласково и не оставлять ихъ дѣломъ и совѣтомъ, какъ въ классныхъ, такъ и въ собственныхъ ихъ нуждахъ, нерадивыхъ же убѣждать къ исполненію должностей повторительными имъ напоминаніями, но не усмотря ихъ исправленіе, доносить о томъ безпристрастно университетскому начальству. [1]) Первымъ смотрителемъ полтавскаго уѣзднаго училища былъ И. Н. Зозулинъ, оставившій хорошія по себѣ воспоминанія. Съ открытіемъ полтавскаго института благородныхъ дѣвицъ, Зозулинъ былъ тамъ преподавателемъ. Скончался онъ въ глубокой старости, въ сороковыхъ годахъ. Первый выпускъ училища былъ въ 1803 году. Актъ былъ очень торжественно устроенъ; на немъ присутствовали всѣ власти города. На этомъ актѣ учитель Тиссаревскій прочиталъ свое стихотвореніе, посвященное воспоминанію полтавской битвы. Замѣтимъ, что это было едвали не первое стихотвореніе, посвященное этому событію; уже впослѣдствіи его воспѣвали Шаховской, Мерзляковъ и др Вотъ подлинный текстъ этого произведенія мѣстной патріотической музы:

---

[1]) Арх. Губ. Правл. № 164 1803.

Среди собора нынѣ освященна,
Среди сердечныхъ алтарей,
Стоитъ могила возвышенна,
Въ которой тлѣетъ прахъ мужей,
Что градъ Полтаву защищали
И Карловъ мечъ пренебрегали,
Сражаясь, проливали кровь,
Чтобъ Россамъ счастіе доставить,
Передъ цѣлымъ свѣтомъ ихъ прославить,
Отечеству явить любовь.
Сей холмъ, мнѣ кажется, дымится
И издаетъ то стонъ, то ревъ.
Тамъ въ черной и густой мглѣ зрится
Орломъ разодранъ шведскій левъ.
Межъ лаврами на небосклонѣ
Великій Петръ, съ мечемъ, въ коронѣ,
Стоя торжественно, онъ зритъ
Что благодарная Россія
Его труды, дѣла златыя,
Не забывая, вѣчно чтитъ. [1])

Вновь изданныя министерствомъ программы были такъ согласованы, чтобы начавшій учиться въ начальной школѣ могъ постепенно переходить въ болѣе высшую, не подвергаясь экзаменамъ. Но гимназіи, куда бы могли перейти окончившіе уѣздное училище, въ Полтавѣ не было; о ней то и начинаетъ заботиться князь Куракинъ. Онъ прежде всего задумалъ построить для гимназіи зданіе, а также и для семинаріи, которую онъ хотѣлъ перевести изъ Переяслава. Онъ пріобрѣлъ домъ Тишевскаго, гдѣ помѣщалась казенная палата, а затѣмъ, намѣтивъ мѣсто, обращался къ владѣльцу, нѣкоему Драшишевскому, жившему въ Житомирѣ, съ просьбою уступить его для учебныхъ заведеній. Сначала онъ просилъ подарить его городу, но когда это не удалось, просилъ

[1]) Арх. Губ. Правл. № 163 и Гор. Арх. 1802 г.

продать. Драшишевскій сначала не соглашался, такъ какъ думалъ поселить здѣсь своего сына; но кн. Куракинъ настойчиво писалъ ему нѣсколько разъ, угрожая продать его усадьбу для постройки школы, значитъ для просвѣщенія народа и т. под. Въ концѣ концовъ Драшишевскій уступилъ всесильному князю. Перевести семинаріи князь Куракинъ не успѣлъ, а за открытіе гимназіи принялся очень энергично. Городская дума, по предписанію князя, ассигновала на постройку зданій 18750 р. и на первоначальное обзаведеніе 1200 р. с. Первымъ директоромъ гимназіи былъ Иванъ Дмитріевичъ Огневъ. Происходилъ онъ изъ духовного званія, имѣлъ ученую степень магистра. Въ 1806 г. его рекомендовалъ кн. Куракину самъ министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій. Директоромъ полт. гимназіи Огневъ оставался до 1831 года, когда былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Симбирскъ, откуда въ 1836 году переведенъ въ Казань на постъ управляющаго казенной палатой. Въ 1843 году онъ вышелъ въ отставку и поселился въ Роменскомъ уѣздѣ, въ имѣніи своей жены. За долголѣтнюю службу ему было Высочайше пожаловано имѣніе въ 2 тыс. десятинъ земли. Скончался онъ 75 лѣтъ, 13 февраля 1852 г., оставивши по себѣ память добраго, хорошаго человѣка. [1])

Гимназія въ Полтавѣ открыта была въ 1808 году. На основаніи «Правилъ», содержаніе ея обходилось въ годъ въ 5250 р., которые распредѣлялись слѣд. образомъ: директоръ получалъ 800 р., 4 учителя по 550 р., 2 преподавателя новыхъ языковъ по 800 р., учитель рисованія 300 р., на библіотеку отпускалось 250 р., содержаніе дома, прислуги и проч. 900.

Цѣлью гимназій, по уставу 1803 г., было подготовлять молодыхъ людей въ университетъ и въ тоже время сообщить имъ свѣдѣнія, «необходимыя для воспитаннаго человѣка». Преподавались въ ней слѣдующіе предметы: латинскій, нѣмецкій и французскій языки, исторія, географія, начальный курсъ философіи и словесныхъ наукъ, курсъ математики чистой и смѣшанной, курсъ

[1]) Некрологъ его въ Полт. Вѣд. 1852. № 5.

экспериментальной физики и натуральной исторіи, а также начала политической экономіи, наукъ относящихся до торговли, начала технологіи и рисованіе. Программа, какъ видимъ, была очень обширная. Всѣхъ штатныхъ учителей полагалось четыре: одинъ читалъ латинскій яз. и словесныя науки, другой преподавалъ чистую и смѣшанную математику, а также физику, третій читалъ исторію, географію и начальныя правила философіи, а четвертый—натуральную исторію, (т. е. естест. науки), начальныя правила политической экономіи и науки, относящіяся до торговли и технологіи. Помимо ихъ, еще было три учителя: два для новыхъ языковъ, французскаго и нѣмецкаго, и одинъ преподавалъ рисованіе. Допускалось обученіе танцамъ, музыкѣ и «тѣлеснымъ упражненіямъ», «если число учениковъ въ гимназіи было достаточно для содержанія сихъ учителей».

Гимназія имѣла только три класса. Число уроковъ въ каждомъ классѣ было 38 ч. въ недѣлю. Начинались они въ 8 ч. утра и продолжались до 12 ч., а затѣмъ съ 2 до 5 ч. Не вдаваясь въ подробности, укажемъ, какъ преподавались нѣкоторые предметы и на что долженъ былъ обращать вниманіе преподаватель. Учитель латинскаго языка долженъ былъ, при преподаваніи грамматики, «пріобщать къ каждому правилу словоисчисленіе, которое онъ будетъ толковать, примѣры, извлеченія изъ лучшихъ авторовъ, могущихъ занимать понятіе учащихся». Во 2-мъ классѣ должны были читаться авторы «высокаго стиля, постепенно доходя къ раздробленію красотъ стиля и объясненій древней исторіи и географіи»; одинъ часъ въ недѣлю учитель долженъ былъ заниматься переводами (письм. упражненіями). Въ 3-мъ классѣ уже истолковывались поэты и учитель долженъ былъ «пріобучать учениковъ дѣлать на семъ языкѣ сочиненія». И на все это полагалось только три часа въ недѣлю! Другіе три часа въ недѣлю тотъ же учитель посвящалъ на изученіе «отечественой словесности, критикѣ стиля и практическимъ упражненіямъ въ стилѣ, по правиламъ эстетики». Натуральная исторія (естеств. науки) должна была преподаваться «сообразно съ правилами сельскаго и лѣсного хозяйства»,—это въ первомъ классѣ; а во вто-

ромъ—ученики должны были «усовершенствоваться въ познаніяхъ произведеній трехъ царствъ природы, составляющихъ важный предметъ трудолюбія и торговли Россіи». Новые языки и рисованіе преподавались четыре часа въ недѣлю. Вообще программы того времени поражаютъ своею обширностью, что сознавалось самимъ министерствомъ, предписывавшимъ «въ виду обширности наукъ преподавать науки съ краткостью и ясностью и имѣть въ виду теорію съ практикой». Для достиженія послѣдней цѣли уставъ вводитъ «экскурсіи учащихся», о которыхъ нынѣ такъ много пишутъ и даже телеграфируютъ о выѣздѣ такой-то школы для осмотра фабрики, города и т. п., какъ о чемъ-то небываломъ..... «Преподаватели математики, натуральной исторіи и технологіи съ достойнѣйшими изъ своихъ учениковъ во время вакацій будутъ ходить за городъ, и сіе послужитъ симъ ученикамъ родомъ награжденія.» «Математикъ, гласитъ § 17 «Правилъ», долженъ показывать мельницы, гидравлическія машины; учитель естественной исторіи долженъ собирать травы, камни; учитель технологіи, въ зимнее время, долженъ посѣщать съ учениками фабрики, заводы, такъ чтобы «уроки дома по сей части, коихъ описаніе, ниже рисунки не могутъ дать яснаго и достаточнаго понятія, объяснить практикою.»

Всѣ преподаватели перваго числа каждаго мѣсяца должны были представлять директору отчеты о пройденныхъ курсахъ, а въ первое воскресенье каждаго мѣсяца должны были явиться къ директору и сообщить о прилежаніи учениковъ и свои замѣчанія, мнѣнія, «какимъ бы образомъ сдѣлать ученіе привлекательнѣе, и о удобнѣйшемъ усовершенствованіи способа обученія.» Преподаватели по учебникамъ, одобреннымъ Главнымъ Правленіемъ училищъ. Въ учебникахъ, между печатными листами, должны быть вклеены бѣлые листы, на которыхъ ученикъ долженъ былъ записывать объясненія и дополненія учителя. По истеченіи недѣли, учитель долженъ былъ просматривать эти записи. Для каждой науки было сдѣлано опредѣленное число шаровъ, означающихъ степень знанія, соотвѣтственно важности и обширности науки; по этимъ шарамъ означался успѣхъ учениковъ. Въ

списокъ учениковъ учитель подъ именемъ каждаго изъ нихъ долженъ означить число шаровъ, которые онъ заслужилъ успѣхами своими въ каждой наукѣ. Сумма этихъ шаровъ, положенныхъ ученику, должна означать его старшинство. «Опытомъ дознано,—читаемъ въ уставѣ,—что таковыя мѣры, открывая успѣхи каждаго ученика, служатъ къ возбужденію въ нихъ соревнованія.» Сколько именно полагалось шаровъ, въ уставѣ указаній нѣтъ. Лучшимъ ученикамъ давали награды или, какъ тогда говорили, «призы».

Полтавская гимназія помѣщалась сначала въ домѣ, гдѣ было уѣздное училище, пока не было окончено для нея зданіе. [1])

Кромѣ гимназіи, при князѣ Куракинѣ былъ учрежденъ еще «домъ для воспитанія бѣдныхъ дворянъ», какъ въ Полтавѣ, такъ и въ Черниговѣ. Проектъ этой школы, по предложенію кн. Куракина, былъ составленъ извѣстнымъ авторомъ «Ябеды» В. В. Капнистомъ, исполнявшимъ нѣкоторое время обязанности директора училищъ Полтавской губерніи. Въ проектѣ этомъ высказано не мало интересныхъ взглядовъ, почему и считаемъ не лишнимъ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе. Графъ Капнистъ, въ письмѣ къ кн. Куракину, такъ мотивировалъ необходимость подобныхъ школъ: «Вы изволите знать, сколь мало въ краѣ семъ великопомѣстныхъ дворянъ и какое множество по заслугамъ своихъ предковъ извѣстныхъ родовъ преждевременностью времени въ весьма бѣдное состояніе пришли; одно личное потомковъ ихъ отличіе можетъ ихъ возстановить, а хорошее воспитаніе къ тому единственнымъ средствомъ». По проекту, школа устраивалась для 200 дворянскихъ дѣтей, изъ которыхъ 50, самыхъ бѣдныхъ, были полными стипендіатами, а остальные 150 пансіонеровъ были раздѣлены на 6 разрядовъ и вносили плату, сообразно количеству душъ, владѣемыхъ ихъ отцами. Такъ, дво-

---

[1]) Арх. Губ. Правленія, № 206, № 277. № 164. Арх. Губ. Земства, № 23. Къ сожалѣнію, въ архивѣ гимназіи, какъ заявилъ намъ директоръ ея И. Д. Марьевичъ, не сохранились дѣла ранѣе 1830-хъ годовъ.

рянинъ, имѣвшій 50 д., платилъ за сына 25 р., отъ 50 до 100 д.—50 р., отъ 100 до 200 д.—75 р., отъ 200 до 300 д.—100 р., отъ 300 до 400 д.—125 р., отъ 400 и болѣе д.—150 р.

Допускались и приходящіе воспитанники, изъ коихъ 10 принимались безплатно, а остальные платили по 50 р. въ годъ. Уставъ допускалъ и разночинцевъ, а потому въ училищѣ и было два отдѣленія: одно для дворянъ, а другое для разночинцевъ, при чемъ гр. Капнистъ не считалъ возможнымъ совершенно отдѣлить дворянскихъ дѣтей: «пансіонеры,—говоритъ онъ,—по роду ихъ состоянія должны быть нераздѣльно съ воспитанниками и никакой особенности въ положеніи себя не требовать».

Сравнительно съ другими школами того времени, гр. Капнистъ въ проектѣ своемъ хотѣлъ поставить дѣло образованія широко. Кромѣ предметовъ общаго образованія, по его проекту, еще вводилось преподаваніе артиллеріи, фортификаціи, рисованія, архитектуры а также и законовѣдѣніе. Сверхъ того онъ считалъ необходимымъ обученіе танцамъ, музыкѣ и верховой ѣздѣ. По характеру предметовъ, школа эта была смѣшеніемъ свѣтскаго учебнаго завѣденія съ военнымъ, какимъ былъ въ то время кадетскій корпусъ. Это подтверждается и тѣмъ, что гр. Капнистъ проектировалъ устройство «роты экзерциціи изъ лучшихъ учениковъ, которые, по преимуществу, лѣтомъ, и должны были заниматься экзерциціями». Окончившіе съ успѣхомъ курсъ этой школы награждались «оберъ-офицерскими военной и штатской службы чинами». Во главѣ такой школы былъ директоръ и его помощникъ инспекторъ, которые должны быть съ учениками неотлучны, ибо, «всегдашнее съ воспитанниками пребываніе обезпечитъ успѣхъ сего заведенія». Экзамены, по мысли графа Капниста, должны быть устраеваемы по преимуществу, когда бываютъ съѣзды дворянъ, «всего благороднаго общества», и это для того, «чтобы сколько можно чаще открыты были успѣхи учениковъ и доброе надзираніе директора и труды учителей». Такъ сознавалъ въ то время гр. Капнистъ необходимость общенія школы съ обществомъ. Въ этомъ направленіи его проектъ идетъ еще дальше. Самая школа была подчинена надзору дво-

рянскаго собранія, избиравшаго изъ своей среды особый комитетъ, которому директоръ представлялъ отчеты о состояніи заведенія. Этому комитету только, а не администраціи школы, предоставлено было право уволить воспитанника. Содержаніе школы было слѣдующее: на пищу, одежду и вообще содержаніе воспитанниковъ ассигновалось 15 тыс. р., а на учебную часть 28.450 р. Средства—исключительно дворянскіе взносы.

Кн. Куракинъ вполнѣ одобрилъ проектъ и очень благодарилъ графа Капниста за его составленіе. Проектъ этотъ былъ переданъ на разсмотрѣніе уѣздныхъ дворянскихъ собраній, вполнѣ одобрившихъ его. Собранія дворянъ благодарили князя за его заботы о нихъ, а одно изъ нихъ (въ дѣлахъ не упомянуто, какое именно) титуловало князя Куракина «Меценатомъ и благодѣтелемъ малороссіянъ». Относительно размѣра обложенія помѣщиковъ съ цѣлью изыскать средства для названной школы, уѣздныя собранія разошлись. Полтавское, константиноградское и гадячское дворянство порѣшили вносить по 50 к. съ каждой ревизской крестьянской души, пирятинское и хорольское по 23 к., роменское по 5 к., а остальные рѣшили внести единовременно извѣстную сумму. По полученіи отвѣтовъ о рѣшеніи уѣздныхъ дворянскихъ собраній, было созвано въ началѣ 1805 г. губернское дворянское собраніе, на которомъ губернскій предводитель Чарнышъ предложилъ однообразный взносъ, по 50 к. съ души, но противъ этого энергично возражали дворяне лубенскаго уѣзда, такъ какъ, говорили они, «не имѣвъ свѣдѣнія, сколько необходимо на то училище суммы, и ассигновать оной не имѣютъ удобности». Не встрѣчая въ собраніи единогласнаго рѣшенія,—въ собраніи, кстати сказать, экстренномъ,—губернскій предводитель внесъ новое предложеніе: ходатайствовать передъ правительствомъ о займѣ 600 тысячъ рублей съ разсрочкою платежа на 20 лѣтъ. Но противъ этого энергично возсталъ графъ Капнистъ, убѣдившій собраніе отложить рѣшеніе этого вопроса до осени, до созыва очереднаго дворянскаго собранія. Губернское собраніе, созванное въ октябрѣ того же года, отклонило проектъ о правительственномъ

займѣ 600 тыс.[1]) и порѣшило вносить въ теченіе двухъ лѣтъ по 25 к. съ души, а по прошествіи этого времени вносить въ теченіе десяти лѣтъ по 5 к., что должно составить капиталъ до 300 тысячъ р., на проценты съ котораго и возможно было содержать «домъ для воспитанія бѣдныхъ дворянъ».

Дворянское училище не было самостоятельной школой, оно сдѣлалось интернатомъ, въ которомъ жили дѣти дворянъ и отсюда ходили учиться въ гимназію. Комплектъ его былъ въ 50 человѣкъ, но на дѣлѣ ихъ всегда было больше. Первымъ директоромъ, по избранію губернатора, былъ совѣтникъ казенной палаты Лобановъ. Этотъ выборъ былъ «съ удовольствіемъ одобренъ» кн. Куракинымъ. У Лобанова еще было три помощника, въ числѣ коихъ, при генералъ-губернаторѣ кн. Репнинѣ, былъ И. П. Котляревскій. Директоръ получалъ жалованья 500 р., а его помощники, которыхъ называли надзирателями, получали по 250 р. Въ числѣ первыхъ надзирателей встрѣчаемъ частнаго пристава Полтавы, Семенова, назначеннаго кн. Куракинымъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что Семеновъ служилъ въ военной службѣ.

«Домъ для воспитанія бѣдныхъ дворянъ» помѣщался сначала въ домѣ врача Тишевскаго, купленномъ Куракинымъ за 8 тыс. р., а затѣмъ былъ переведенъ въ домъ, гдѣ нынѣ женская гимназія. Просуществовалъ онъ до 1841 года, т. е. до открытія при полтавской гимназіи пансіона, куда и были переведены воспитанники «дома для воспитанія бѣдныхъ дворянъ».

Полтавское дворянство, цѣня заслуги князя Куракина по учрежденію этого «дома», поднесло ему золотую табакерку. Кн. Куракинъ, желая и съ своей стороны оказать вниманіе дворянству, принялъ на свое иждивеніе содержаніе 20-ти воспитанниковъ изъ дѣтей бѣдныхъ дворянъ. Добрый починъ князя вызвалъ подражаніе: его супруга, княгиня Наталія Ивановна воспитывала на свой счетъ одного пансіонера; уѣздный предводитель Кочубей и миргородскій помѣщикъ Трощинскій, впослѣдствіи ми-

---

[1]) Произнесенная Капнистомъ въ этомъ собраніи рѣчь напечатана въ Кіевской Старинѣ 1886 г., декабрь стр., 717—722.

нистръ юстиціи, содержали по два пансіонера. При «домѣ» была устроена больница, гдѣ врачомъ былъ знакомый уже намъ Кондура. Таковы были заботы князя Куракина объ образованіи и о школахъ.[1]).

Этимъ мы оканчиваемъ обзоръ дѣятельности князя Куракина, пробывшаго въ Полтавѣ съ половины 1802 года по 1 января 1808 г. Несмотря на кратковременность его управленія, слѣдуетъ признать, что имъ очень многое сдѣлано для Полтавы.

И. Ф. Павловскій.

---

[1]) Арх. Губ. Земства, № 26, 100. Арх. Губ. Правл., № 136, 196. Указы 1804 г. въ Арх. Губ. Земства.

„ЛИКЫ" МОЕГО СЕЛА.

Вопросъ о простонародной сельской медицинѣ можетъ представлять серьезный интересъ для образованнаго человѣка не только съ чисто бытовой точки зрѣнія, но и съ практической—для медиковъ, практикующихъ въ деревняхъ, которымъ весьма часто приходится примѣняться къ деревенскимъ обычаямъ и даже къ способамъ лѣченія въ деревнѣ болѣзней. Въ настоящемъ очеркѣ мы хотимъ познакомить читателей съ тѣми нашими наблюденіями, которыя мы сдѣлали въ селѣ Лютеньскихъ-Будищахъ, Зѣньковскаго уѣзда, Полтавской губерніи.

I.

Конечно, наибольшій интересъ въ народной медицинѣ представляютъ лѣкарства, приготовляемыя самимъ народомъ изъ разнообразныхъ растеній (изъ зилля) и ихъ кореньевъ, которыя растутъ тутъ же въ селѣ, всегда подъ рукою у крестьянина. Одни изъ этихъ лѣкарствъ представляютъ собою ядъ, иногда полезный для человѣка, чаще вредный, употребляемый съ дурною цѣлью; другія—совершенно безвредны и, кромѣ пользы, ничего не могутъ принести, если только они не безразличны.

Изъ полезныхъ, но ядовитыхъ растеній на первомъ мѣстѣ нужно поставить «блекоту», или, какъ иначе ее называютъ, «ку-

рячу слипоту», потомъ «паслинъ» или «паслёнъ», «вороняче око» и волчьи ягоды.

Ботаническія названія первыхъ трехъ растеній мнѣ неизвѣстны, но всѣ эти растенія хорошо извѣстны каждому простолюдину—малороссу. Блекота растетъ близъ жилья человѣка, имѣетъ большіе угловатые листья (напоминающіе листья клена, только въ меньшихъ размѣрахъ), слегка опушенные. Чашечка блекоты сѣровата, при основаніи лиловая, расписана лиловыми жилками. Въ глубинѣ чашечки послѣ цвѣтенія сидитъ плодъ величиною съ горошину.

Всѣ части этого растенія чрезвычайно вредоносны; особенно вредны корень и сѣмена. Названіе «куринои слипоты», данное блекотѣ простонародьемъ, даетъ ясный намекъ на вредоносность ея, такъ какъ курица (да и вообще всякая птица) отъ нея можетъ ослѣпнуть, а то и совсѣмъ подохнуть. На человѣка блекота производитъ одурманивающее дѣйствіе, въ болѣе же сильной степени—смерть, предваряемую мученіями, соединенными съ бредомъ.

Крестьяне изъ этого «зилля» приготовляютъ «блекотне масло», выдавливая его изъ сѣмянъ блекоты. Масло это они употребляютъ при опухоляхъ, намазывая имъ опухшія части тѣла. Лѣтомъ же, когда есть свѣжая блекота, къ опухолямъ прикладываютъ листъ блекоты, намазанный «товченымъ саломъ».

«Паслинъ» хорошо извѣстенъ деревенскимъ дѣтямъ по своимъ черноватымъ ягодамъ. Это, собственно, сорная трава, такъ какъ хорошо растетъ всюду, гдѣ есть мусоръ. Стволъ «паслина» четырехсторонній, а не круглый, цвѣтъ бѣлый съ желтыми пестиками, плотно сведенными въ одинъ небольшой столбикъ; лицевая сторона листочковъ «паслина», слегка похожихъ на листочки «собачьей лободы», темнозеленая. Дѣти любятъ лакомиться ягодами «паслина»; но если они съѣдаютъ ихъ много, то заболѣваютъ «соняшныцямы»,—болѣзнью, которая состоитъ въ боли живота и сопровождается рвотою и поносомъ. Однако въ небольшомъ количествѣ дѣтямъ иногда нарочно совѣтуютъ съѣдать ягодъ па-

слина, если есть основаніе думать, что дѣти страдаютъ отъ глистовъ.

«Вороняче око» имѣетъ стебель въ полъ-аршина высоты, съ четырьмя листками наверху, расположенными *навхрестъ*, почему и самое растеніе называется иначе «хрещате зилля». Наверху стебелька появляется цвѣточекъ, который даетъ ягоду, весьма похожую на ягоду «паслина», которая собственно и есть «вороняче око», такъ какъ она выглядываетъ изъ листочковъ растенія, какъ глазъ вороны. Ягоды этого растенія ядовиты и вызываютъ рвоту, а самое растеніе иногда прикладываютъ къ ранамъ для скорѣйшаго ихъ заживленія, хотя чаще для этой цѣли употребляются болѣе безвредныя растенія, о которыхъ будетъ рѣчь дальше.

Волчьи ягоды всякому извѣстны и, вѣроятно, всякій знаетъ, что онѣ вредны для человѣка; но, думаемъ, не всякому извѣстно, что черныя волчьи ягоды даютъ сокъ, имѣющій свойство расширять зрачокъ глаза («робыть билышымъ чоловичка») и ребятишки пользуются этимъ для забавы.

Изъ неядовитыхъ растеній на первомъ мѣстѣ нужно поставить растенія, которыми пользуются крестьяне при пораненіяхъ. Неосторожное обращеніе съ земледѣльческими орудіями въ полѣ, съ топоромъ въ лѣсу нерѣдко причиняетъ раны, ради которыхъ нельзя же бросать начатаго дѣла, и вотъ крестьянинъ подыскиваетъ лѣчебную траву, сокомъ ея закаплетъ рану, потомъ найдетъ другую траву, дающую своего рода гигроскопическую вату, завязываетъ свою рану, приложивъ къ ней предварительно этотъ своего рода хлопокъ. Воротившись домой, крестьянинъ, если рана не заживаетъ, гноится,—разыскиваетъ третью траву, варитъ ее, отваромъ ея обмываетъ рану и вновь забинтовываетъ ее. Эти три травы—суть *воловій языкъ*, *ранникъ* и *материнка*.

Воловій языкъ иначе называютъ «чорнушкой» («якъ чорнушка зацвите, бджола пасется»), потому что цвѣтъ этого растенія—темнолилювый. Стебелекъ и листочки этого растенія немного колючи, зелень листьевъ темновата. Въ общемъ воловій языкъ напоминаетъ блекоту. Замѣтная между ними разница въ листьяхъ: у блекоты они большіе и угловатые, а у чернушки узкіе и длин-

ные («якъ воловій язычекъ»). Изъ листочковъ воловьяго языка выдавливается на рану сокъ, который, по мнѣнію селянъ, имѣетъ заживляющую силу.

Въ Сенчанскихъ Юсковцахъ, Лохвицкаго уѣзда, эта самая чернушка, или воловій языкъ, имѣетъ еще и другое употребленіе: она употребляется, какъ внутреннее средство. Сѣмена чернушки трутъ и въ такомъ тертомъ видѣ ѣдятъ ихъ (три чайныхъ ложечки) при всякихъ желудочныхъ болѣхъ, поносѣ, рвотахъ и пр. На вкусъ чернушка, говорятъ, не противна. Нѣкоторыя бабы, занимающіяся спеціально лѣченіемъ, даже нарочно сѣютъ чернушку, чтобы легче было собирать ея сѣмена.

Въ Гадячскомъ уѣздѣ, Полт. губ., на пескахъ растетъ совершенно похожее на чернушку растеніе, которое тамъ называется «раннымъ». Все различіе этого растенія отъ чернушки, повидимому, только то, что цвѣточки упомянутаго «ранныка» синіе, а не лиловые, какъ у чернушки. Весьма возможно, что это только другой сортъ или порода чернушки, тѣмъ болѣе, что и по свойствамъ своимъ «раннык» гадячскій подобенъ чернушкѣ: сокъ его также крестьяне употребляютъ для лѣченія ранъ, какъ и сокъ чернушки.

Собственно же «раннымъ» въ моемъ селѣ зовутъ растеніе, имѣющее высокорослый стебель съ листочками, весьма похожими на листочки колокольчика (по-малорусски «стегнячкы» или «курятынкы»), только совершенно гладкими. Это растеніе даетъ стручки, гдѣ вмѣстѣ съ сѣменами растенія заключается мягкій хлопокъ, который и прикладываютъ къ ранамъ. Такъ какъ раны отъ дѣйствія этого хлопка *затягиваются*, то раннык еще называется «*затягачемъ*».

Наибольшей славой въ народѣ пользуется «матерынка». Эта пахучая лѣкарственная трава растетъ всюду: въ лѣсу, въ полѣ, близъ дороги. Народъ пользуется матерынкой во многихъ случаяхъ; чтобы уничтожить прѣніе частей тѣла, матерынку сушатъ, толкутъ, и порошкомъ засыпаютъ прѣлыя части.

Особенно бываетъ полезна «матерынка», по народному вѣрованію, при ссадинахъ. Въ такихъ случаяхъ, прежде всего ста-

раются остановить кровь табакомъ, или паутиною, или чѣмъ-либо другимъ. Потомъ, когда рану нужно бываетъ обмыть, дѣлаютъ легкій настой изъ матерынки или изъ полевыхъ васильковъ.

Если рана давняя, запущенная, и воспаленіе увеличивается замѣтно, края раны припухаютъ, дѣлаются красными, то знающіе люди совѣтуютъ прикладывать къ такой ранѣ капустный листокъ или листъ подорожника, или, наконецъ, листъ *красоли* (настурціи), смотря по тому, что легче достать, что есть подъ рукой. Свѣжіе листья означенныхъ растеній уменьшаютъ жаръ въ ранѣ. Если дѣло бываетъ зимою, то берутъ нарочно запасенный для такого случая сухой листокъ подорожника, размачиваютъ его въ водѣ и тогда прикладываютъ къ ранѣ. Иногда же размельчаютъ листъ подорожника въ порошокъ и засыпаютъ имъ рану.

Если рана сдѣлана острымъ орудіемъ (порѣзъ), ее заливаютъ «березивкою», настоемъ водки на березовыхъ почкахъ (собственно на березовыхъ «брунькахъ»), срываемыхъ для этой настойки въ весеннее время, какъ только сойдетъ снѣгъ съ земли.

Есть еще одно простонародное средство, употребляемое при ранахъ, которое называется «чортовымъ пальцемъ»,—это белемнитъ. Крестьяне находятъ его въ мѣлу (крейди), которымъ они бѣлятъ свои хаты. Длина его небольшая, не больше человѣческаго пальца; въ срединѣ чаще всего бываетъ небольшое круглое отверстіе (но не насквозь; попадаются, впрочемъ, и сплошные, безъ дырочки). Съ виду это кремнистый продолговатый конусъ. Въ нашемъ селѣ, гдѣ я не разъ видѣлъ «чортовъ палецъ» и слышалъ разсказы о немъ, существуетъ для него и другое названіе: «пацева кисточка», что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ—свиная косточка. Лѣкарственное значеніе этой косточки признается всѣми единогласно на селѣ. Легонько соскребаютъ ножомъ «съ пацевой кисточки» порошокъ и имъ присыпаютъ рану.

Раны-занозы лѣчатся листьями кануперу, свѣжими буряками (свеклой) и свѣжимъ картофелемъ. Все это прикладывается къ ранѣ.

Чебрець *(thymus pannonicus)* также считается полезнымъ при ранахъ, но о способахъ употребленія его мы ничего достовѣрнаго не узнали.

О лѣчебныхъ свойствахъ нѣкоторыхъ травъ и растеній трудно бываетъ иногда и догадаться, между тѣмъ крестьяне пользуются ими и, какъ они утверждаютъ, съ большимъ успѣхомъ. Такъ, напримѣръ, при ревматической боли рукъ и ногъ берутъ листья простого табаку (тютюну), лѣтомъ свѣжаго, зимою сухого, но предварительно размоченнаго въ водѣ, обкладываютъ ими больныя мѣста, гдѣ чувствуется ломота, сверху повязываютъ суконку, чтобы нога или рука была въ теплѣ, и такъ остаются съ повязкою все время, пока боль не уймется. Листья простого лопуха («репьяха») прикладываются къ опухшей щекѣ при «бышихѣ» (рожѣ).

Есть трава «чыстець», совершенно похожая на полевые васильки, только имѣющая маленькіе листочки и цвѣтъ растенія бѣлый, а не красный, какъ у васильковъ. Стебельки этого растенія варятся и отваромъ его моютъ голову. Этотъ отваръ имѣетъ свойство *очищать* перхоть на головѣ, посему и самая трава называется «чыстець». Впрочемъ, чаще моютъ голову щелокомъ отъ золы, такъ какъ зола всегда подъ рукой.

Звѣробой (ботаническое названіе его—*hypericum perferatum)* весьма хорошо извѣстенъ на селѣ своими цѣлебными свойствами. Изъ него приготовляется настойка, которую крестьяне пьютъ при простудныхъ болѣзняхъ: «якъ у грудяхъ важко», когда въ горлѣ бываетъ сильная охриплость и пр. «Хоть яка хрыпота, а одъ звиробоя пройде», говоритъ крестьянинъ. Настойку приготовляютъ не изо всего растенія, а только изъ его желтенькихъ цвѣточковъ.

Другая цѣлительная настойка—полыновка. Настойка на полыни *(artemisia absinthirum)* употребляется при лихорадочныхъ недомоганіяхъ.

При несваренін желудка и тошнотѣ даютъ больному водку съ перцемъ и солью, взрослому—рюмку, дитяти полъ рюмки. Но если тошнота вызывается присутствіемъ глистовъ, тогда даютъ больному «цынтвареве насиння» (цитварное сѣмя), которое легко достать во всякой деревенской лавочкѣ. Вообще, сельская лавочка задолго до открытія аптеки служила, да и теперь нерѣдко служитъ, склаломъ аптекарскихъ товаровъ для селянъ. Цитварное сѣмя смѣшивается съ медомъ или сахаромъ.

Въ большомъ ходу на селѣ настойка на «деревіи» *(achillea)*. Пьютъ ее во время несваренія въ желудкѣ и при рвотахъ.

Корень «конскаго щавеля» считается однимъ изъ лучшихъ средствъ противъ разлитія желчи, или, какъ говорятъ крестьяне, противъ «жовтяныць» (желтухи). Баба, которая лѣчитъ отъ «жовтяныци», и зимою можетъ достать корень этого растенія, потому что она нарочито съ лѣта еще оставляетъ примѣты на томъ мѣстѣ, гдѣ растетъ это зилля. Доставъ этотъ корень, баба варитъ его и изъ полученнаго отвара приготовляетъ ванну (очень рѣдко) или (чаще) обмываетъ этимъ отваромъ все тѣло больного. Послѣ ванны или обмыванія больной выпиваетъ часть того же самаго отвара, ложки двѣ или три (столовыхъ до полустакана). Это дѣлается утромъ и вечеромъ подрядъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Отваръ приготовляется каждый разъ вновь. Средство это держится въ секретѣ и передается по наслѣдству.

Самая ужасная болѣзнь въ селѣ—бѣшенство или водобоязнь. Деревня давно искала противъ этой болѣзни спасительныхъ средствъ и, какъ увѣряютъ старики, нашла такія средства. Три растенія, говорятъ, обладаютъ цѣлительной силой, изгоняющей ядъ бѣшенства: повилица или повилика, ботаническое названіе которой, если не ошибаемся, *cuscuta Europaea*, а малорусское названіе—«березка» (но не берёзка), вышеупомянутый звѣробой и малоизвѣстный намъ лично, чрезвычайно трудноразличимый отъ другихъ сходныхъ сортовъ растеній, но признаваемый самымъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ бѣшенства—«*дрикъ*», ботаническое названіе котораго мы встрѣчали кое-гдѣ въ литературѣ, хотя и не рѣшаемся утверждать, что это ботаническое названіе относится именно къ тому сорту растеній, который мы разумѣемъ подъ «дрикомъ». Это названіе—*spartium junceum*.

«Березка» растетъ всюду, гдѣ только ей возможно виться: на грядкахъ, близъ маленькихъ недавно посаженныхъ кустовъ, деревьевъ, на плетнѣ и т. д. Когда укуситъ кого-либо животное, которое почему-либо сочтено бѣшенымъ, толкутъ въ ступкѣ это растеніе, прибавляютъ меду, полученную смѣсь намазываютъ на

хлѣбъ и даютъ съѣсть укушенному. Это дѣлается въ теченіе, приблизительно, девяти дней регулярно.

Когда лѣчатъ звѣробоемъ, то стираютъ его въ порошокъ, прибавляютъ къ нему меду и даютъ больному. Впрочемъ, чаще всего даютъ больному отваръ изъ звѣробоя; при этомъ стараются, чтобы отваръ былъ возможно болѣе крѣпкій. Этимъ же отваромъ иногда обмываютъ рану, если рана серьезная. Но эти два средства считаются не столь сильными, какъ «дрикъ».

Дрикъ очень похожъ на звѣробой и еще на одно растеніе, дающее стручки послѣ цвѣтенія. Какъ у звѣробоя, у *дрика* желтенькіе цвѣточки. Самый внѣшній видъ дрика, говорятъ, очень похожъ на внѣшній видъ звѣробоя, только дрикъ тоньше и мельче, чѣмъ звѣробой. Самые листочки дрика у́же, чѣмъ у звѣробоя. Есть другое, сходное съ дрикомъ растеніе, весьма также похожее и на звѣробой, отличающееся отъ звѣробоя формою цвѣтка: это растеніе имѣетъ цвѣтокъ, какъ въ цвѣткахъ «львиной пасти», форма же цвѣтка звѣробоя подходитъ къ формѣ цвѣточковъ у колокольчиковъ. Но дрикъ, о которомъ мы говоримъ, отличается отъ сходнаго съ нимъ растенія, между прочимъ, тѣмъ, что онъ даетъ краску желтаго цвѣта, почему въ ботаникѣ онъ зовется, если не ошибаемся, красильнымъ дрикомъ (herba genistae tinctoriae). Въ обычномъ обиходѣ «дрикъ» употребляется на окрашиваніе матерій простонароднаго издѣлія въ желтый цвѣтъ. Сельскія бабы, изготовляющія краски для матерій собственнаго издѣлія, отправляются за этимъ дрокомъ «въ дубыну, на пискы», гдѣ онъ обычно растетъ. Не легко его найти, потому что онъ растетъ не сплошною массою, а кучками, притомъ небольшими. Кромѣ того, не всякій сумѣетъ отличить это растеніе отъ сродныхъ съ нимъ. Черезъ это дрикъ почитается чѣмъ-то дорогимъ, чѣмъ-то такимъ, за чѣмъ приходится обращаться къ сельскимъ знахаркамъ и знахарямъ, спеціалистамъ этого дѣла. Укушеннаго бѣшеною собакою стараются немедленно напоить отваромъ этого дроку, а укушенную часть тѣла вымываютъ возможно тщательнѣе этимъ отваромъ. Въ томъ дворѣ, гдѣ оказалась бѣшеная собака, пьютъ дрикъ всѣ обитатели двора, отъ мала до велика, въ качествѣ предохранительнаго средства отъ

возможнаго заболѣванія. Въ дѣтствѣ, проведенномъ мною въ Лютеньскихъ-Будищахъ, лично мнѣ не разъ приходилось испробовать этого доморощеннаго лѣкарства.

Чахотку крестьяне лѣчатъ сокомъ черной рѣдьки. Сокомъ обыкновенной рѣдьки лѣчатъ запоръ. Зимою, когда рѣдька немного завянетъ и становится малосочной, ее кладутъ въ воду, пока она не напитается влагой, тогда уже ее трутъ на теркѣ. Дѣлаютъ и иначе. Сначала трутъ рѣдьку на теркѣ, потомъ натертое складывается въ чашку, чашка дополняется водою. Спустя нѣкоторое время, рѣдька выжимается, а полученный сокъ пьютъ, какъ лѣкарственный настой.

Еще чахотку лѣчатъ чеснокомъ: совѣтуютъ побольше его ѣсть.

При ожогахъ употребляютъ въ дѣло «куныцю» (метелочку) изъ «очерета» (камыша). Ее пережигаютъ и полученной золой посыпаютъ обожженную часть тѣла.

Дѣти очень часто страдаютъ на селѣ отъ лишаевъ, какъ мокрыхъ, такъ и сухихъ. Сухіе обычно смачиваются чужою слюною, также смачиваютъ влагою, какая бываетъ на окнахъ, когда они вспотѣютъ. Въ болѣе серьезныхъ случаяхъ лѣчатъ березовымъ сокомъ. Берутъ березовую вѣточку и держатъ ее надъ огнемъ печки такимъ образомъ, чтобы сокъ, вытекающій изъ нея, падалъ на подставленный тутъ же топоръ. Полученнымъ на топорѣ сокомъ смачиваютъ лишай. Но такъ какъ березъ въ нашемъ селѣ почти нѣтъ, а больныхъ лишаями всегда бываетъ достаточно, то крестьяне стали пробовать другія лѣчебныя средства. Такъ, напр., они пережигаютъ синюю сахарную бумагу и золой, остающейся послѣ сожженія, посыпаютъ лишай, особенно мокрый. Есть еще одно лѣкарство отъ лишаевъ: это—сокъ растенія, которое иные называютъ «чистотѣлъ», другіе—«солодоніей». Сокъ этого растенія изжелта красный, цвѣточки его желтые. Корень его—коричневый, а если надорвать его, то изъ него выступаетъ свѣтлокрасный сокъ. Сокомъ этимъ и намазываются части тѣла, пораженныя лишаемъ. Замѣчательно, что это растеніе нѣкоторыми селянами почитается хорошимъ средствомъ отъ желтухи. Стебли его сѣ-

кутся, варятся, и полученный отваръ пьютъ. О томъ, насколько справедливо это мнѣніе, мы, конечно, не можемъ сказать ничего положительнаго; но что этотъ сокъ бываетъ и вреденъ, это положительно можно утверждать: если приложить его къ ранѣ, воспаленіе въ ранѣ начнетъ усиливаться, рана начинаетъ, какъ говорятъ крестьяне, «ятриться». Говорятъ также, что если приложить листокъ этой травы къ чирею, то онъ скорѣе созрѣваетъ.

Послѣднимъ и самымъ сильнымъ средствомъ противъ лишаевъ считается на селѣ «гостра водка»; пускаютъ на лишай каплю, кажется, въ банѣ.

«Гостра водка» имѣетъ примѣненіе и при ревматическихъ боляхъ: также въ тепломъ мѣстѣ (въ банѣ, наприм.) пускаютъ на тѣло нѣсколько капель и растираютъ потомъ больное мѣсто.

Растеніе, извѣстное подъ именемъ «львиной пасти», варятъ и отваромъ изъ него моютъ лицо, чтобы сошли угри.

Растеніе, похожее на бурьянъ, извѣстное подъ именемъ «царь-зилля», имѣетъ листочки круглые, съ зазубринами (собственно, съ выемками), цвѣточки голубыя. Оно растетъ по лѣсамъ въ одиночку, а не группами. Отваромъ его моютъ голову, чтобы предохранить себя отъ насѣкомыхъ. Имъ же травятъ мухъ. Толкутъ «царь-зилля», размѣшиваютъ со сметаною и полученную смѣсь выставляютъ для мухъ. Мухи, испробовавъ этой смѣси, не околѣваютъ совершенно, а только замираютъ на нѣкоторое время. Этимъ моментомъ обморока и пользуются: ихъ давятъ.

Особенно полезно бываетъ «царь-зилля» во время «нудьгы», которая нападаетъ на человѣка послѣ какого-либо большого несчастья, напримѣръ, пожара. Отъ тоски, какой подвергается тогда человѣкъ, у него скоро оказывается такая масса вшей на тѣлѣ, одеждѣ, въ волосахъ, въ бѣльѣ, что положительно нельзя бороться съ этимъ зломъ. Мѣсяца два промучатъ эти насѣкомыя, пока не пройдетъ чувство тоски и угнетенія послѣ несчастія. Царь-зилля тогда въ большой «пригодѣ»: отваромъ его моютъ и бѣлье, и одежду (парятъ, по крайней мѣрѣ) и сами моются неоднократно.

Корень инбиря даютъ грызть страдающему кашлемъ: кашель становится тогда менѣе удушливымъ, если не прекращается совершенно.

Прѣлыя части тѣла иногда весьма безпокоятъ человѣка; чувство боли прекращается, когда ихъ смачиваютъ водкой.

Пережженный хлѣбъ, мелко истолченный, даютъ дѣтямъ, какъ средство противъ поноса.

При легкой простудѣ и кашлѣ заставляютъ больного дышать испареніями, подымающимися отъ варенаго картофеля.

При глухотѣ, происходящей отъ накопленія сѣры въ ушахъ, вставляютъ въ ухо трубку изъ бумаги, кончикъ трубки зажигаютъ, и трубка, вытягивая изъ уха воздухъ, уноситъ съ собою и сѣру.

При маточномъ кровотеченіи у женщинъ бабы совѣтуютъ держать руки въ холодной водѣ, пока не пройдетъ болѣзнь.

При воспаленіи вѣкъ и вообще при болѣзняхъ глазъ прикладываютъ къ глазамъ кислое молоко. Иногда, напримѣръ, въ полѣ, гдѣ нельзя достать кислаго молока, прикладываютъ къ глазамъ желтую мокрую глину. Трутъ хрѣнъ и вмѣстѣ съ уксусомъ прикладываютъ къ плечамъ, «щобъ оттягало видъ очей».

Укушенный змѣею долженъ или высосать кровь изъ раны и выплевать ее, или напиться своей мочи, или, наконецъ, перевязать ногу или руку (если рана на рукѣ или ногѣ) выше укушеннаго мѣста и прикладывать къ ранѣ кислое молоко, чтобы оно вытягивало изъ раны «отруту» (ядъ).

II.

Мы сказали, что главное вниманіе интересующагося народной медициной останавливается на снадобьяхъ, приготовляемыхъ самимъ народомъ. Поэтому мы не будемъ распространяться о лѣкарствахъ, привозимыхъ время отъ времени паломниками съ Аѳона, и доставляемыхъ аптеками. Хотя, впрочемъ, можно упомянуть, что «регальный» настой пользовался долгое время большимъ вниманіемъ въ народѣ. Регальный настой—приносился съ Аѳона.

Изъ лѣкарствъ мѣстнаго производства самое замѣчательное «гниздо». Оно состоитъ изъ множества составныхъ частей въ количествѣ, кажется, болѣе 24. Нѣкоторыя изъ составныхъ частей намъ удалось узнать, но всѣхъ мы не могли узнать, потому что это лѣкарство служитъ доходной статьей для знахарей и секретъ его держится въ тайнѣ. Все-таки кое-что мы можемъ сказать о составѣ этого лѣкарства.

На ведро водки берутъ въ извѣстной пропорціи изъ мускательныхъ лавокъ слѣдующія составныя части, добываемыя изъ растеній: померанецъ (величиною съ зерно перца или боба), чынчыбиль («варенычка»—лепешка, величиною съ двухкопеечную монету), кубеба (величиною съ вишневую ягоду), калганъ (корень), будянъ (напоминаетъ по виду и величинѣ померанецъ), инбирь (корень), камфора, жыломость (въ аптекѣ покупается), «нехты» 1 лотъ (нефть), скипидаръ, «красный каминь», галунъ (квасцы), струковатый (турецкій красный) перецъ, круглый (столовый) перецъ, мушкатна галка (круглая лепешка, каждая цѣною въ 3 копейки), «мушкатный цвѣтъ»... Потомъ слѣдуютъ еще нѣкоторыя пахучія вещества, названій которыхъ намъ не удалось узнать.

Хотя это лѣкарство было очень распространено въ нашемъ селѣ, однако оно приготовлялось не здѣсь, а въ сосѣднемъ селѣ, въ Великой Павловкѣ. Секретъ лѣкарства наслѣдственный, передающійся изъ рода въ родъ въ семействѣ, члены котораго и нынѣ еще существуютъ,—въ семействѣ «Грынько». Въ былое время его приготовляла Пелагія Степановна Грынько, дьяконіха. Нѣтъ еще десяти лѣтъ, какъ она сошла въ могилу. Секретъ свой она передала дочери, жившей неотлучно при ней, такъ какъ она не была замужемъ. Въ настоящее время эта дочь, Екатерина Васильева Грынько, главнымъ образомъ, и снабжаетъ желающихъ означеннымъ лѣкарствомъ. У нея можно достать самыя подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія объ этомъ лѣкарствѣ.

Замѣчательно, что лица, вышедшія изъ той фамиліи, которой принадлежитъ наслѣдственное лѣкарство «гниздо», отличаются живучестью и долголѣтіемъ. Супруги Грынько умерли въ глубокой старости и всетаки преждевременно (случайное несчастное

обстоятельство на богомольи свело Пелагію Степановну Грынько въ могилу). Дѣти ихъ достигли весьма почтеннаго возраста, но особенной хилости не обнаруживаютъ.

«Гниздо» употребляется отъ всѣхъ простудныхъ болѣзней, грудныхъ недуговъ, хрипоты, чахотки (если она не стоитъ въ зависимости отъ разстройства пищеварительныхъ органовъ). Повидимому, только однѣ желудочныя болѣзни не поддаются дѣйствію этого лѣкарства. Принимается оно въ растворѣ водки: три четверти рюмки водки полагается на одну четвѣрть рюмки лѣкарства.

Самый способъ соединенія разныхъ составныхъ частей заслуживаетъ вниманія. Берутъ большой «полывяный глекъ» съ узкимъ горлышкомъ, вливаютъ и всыпаютъ въ него все, что нужно, затѣмъ замазываютъ и запечатываютъ горлышко и ставятъ глекъ въ такую печь, которая уже немножко остыла (въ очень горячей печкѣ съ лѣкарствомъ можетъ случиться несчастіе: все вылетитъ въ трубу). Такъ дѣлаютъ раза два-три, и лѣкарство готово. Потомъ сливаютъ жижицу въ посудину, глекъ снова доливаютъ водкой и повторяютъ тоже самое, т. е. укупориваютъ и ставятъ въ духовую печь. Второе лѣкарство будетъ уже слабѣе перваго. Третье и четвертое лѣкарство будетъ еще слабѣе. Больше четырехъ разъ одинъ и тотъ же составъ не наливаютъ водкой, такъ какъ за четвертымъ разомъ корни, въ которыхъ впитывается сначала бо́льшая часть лѣкарства, уже отдадутъ водкѣ всю свою силу.

Изъ простой писчей бумаги приготовляется такъ называемое «бумажне масло», которымъ, говорятъ, излѣчиваются уже образовавшіяся бѣльма на глазахъ. Для добыванія бумажнаго масла свертываютъ писчую бумагу трубочкой, одинъ конецъ которой долженъ быть глухимъ (острымъ), а другой—открытымъ. Глухой или острый конецъ зажигаютъ, а тупой или открытый прижимаютъ къ какому-либо металлическому предмету, лучше всего къ серебрянной ложкѣ. Паръ, всегда присутствующій въ бумагѣ, выходя вмѣстѣ съ дымомъ, соединяется съ послѣднимъ и осаждается на металлѣ, конечно, въ небольшомъ количествѣ: капля или двѣ.

Получаемый такимъ образомъ осадокъ и есть бумажное масло, которымъ намазываютъ бѣльма глазъ. Бѣльма, только что образовавшіяся или образующіяся (когда, напримѣръ, лошадь или корова получитъ ушибъ по глазу, и есть возможность ожидать дурного результата отъ ушиба), лѣчатся сахарною пылью. Сахаръ толкутъ въ мелкій порошокъ и посредствомъ бумажки вдуваютъ этотъ порошокъ въ больныя глаза. Впрочемъ, я не стану утверждать, примѣняется ли это средство къ людямъ, но къ животнымъ оно примѣняется сплошь и рядомъ.

Опухоли, происходящія отъ укушенія тарантула, мажутъ оливою (деревяннымъ масломъ), настоянною на живомъ тарантулѣ. Находясь въ оливѣ, тарантулъ выпускаетъ въ нее свой ядъ, который и оказывается цѣлебнымъ для опухолей, происходящихъ отъ укушенія тарантула.

Майки и пьявки, какъ простонародныя средства, понемногу выводятся изъ употребленія. Они теперь замѣняются горчичниками.

Однимъ изъ самыхъ главныхъ лѣчебныхъ средствъ народа до сихъ поръ еще служатъ наговоры, нашептыванія и молитвы. Примѣры наговоровъ и нашептываній въ Полтавской губерніи можно найти въ книгѣ Николая Арандаренка, въ его «Запискахъ о Полтавской губерніи» (т. II, стр. 231). Онъ говоритъ о наговорахъ отъ дурного глаза и приводитъ текстъ наговоровъ, который и теперь еще можно слышать въ простомъ народѣ, только въ болѣе пространномъ видѣ, чѣмъ онъ приведенъ у Арандаренка. Эти наговоры дѣлаются надъ водою, которую потомъ и даютъ пить больному.

Дѣти очень часто подвержены въ селѣ испугу, который отражается дурно на здоровьи ребенка: ребенокъ плохо спитъ ночью («жахается»), въ сонномъ состояніи лѣзетъ на стѣну, говоритъ въ бреду и пр. Въ такихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ наговорамъ. Но предварительно опредѣляютъ причину испуга. Для этого берутъ воскъ, топятъ его надъ огнемъ и потомъ вливаютъ въ миску съ водой. Какую форму приметъ воскъ въ мискѣ съ водой, то и послужитъ основаніемъ для объясненія причины испуга: форма ко-

локола, напр., служитъ признакомъ того, что испугъ былъ произведенъ нечаянно раздавшимся ударомъ колокола. Во время этого выливанія воска произносятся наговоры, которые и оказываютъ свое дѣйствіе и на воскъ, и на воду. Воскъ указываетъ на причину испуга; вода, въ которую опускается расплавленный воскъ, получаетъ цѣлебную силу: ее пьютъ, какъ лѣкарство, отъ того именно испуга, который произведенъ разгаданнымъ предметомъ. Такъ какъ обычно такое лѣченіе ребенка происходитъ вечеромъ, то сразу же послѣ принятія лѣчебной воды больному надѣваютъ навыворотъ рубаху и въ такомъ видѣ ребенокъ долженъ проспать всю ночь. Послѣ этого болѣзненныя проявленія въ ребенкѣ должны исчезнуть сами собой.

Этотъ способъ лѣченія, пользующійся въ народѣ большóю популярностью, наводитъ насъ на мысль: не кроется ли въ немъ какихъ-либо благопріятныхъ условій, дѣйствующихъ успокоительно на нервную систему тою стороною, которая извѣстна въ наукѣ подъ именемъ животнаго магнетизма, месмеризма, гипнотизма?

Зубная боль и флюсъ при зубной боли лѣчатся молитвами. Для этой цѣли заблаговременно зашивается въ ладонку «молитва Богородицы» и носится на груди. Все время пока эта молитва носится на груди, зубы не будутъ болѣть у такого человѣка. Эта молитва писанная, а не печатная. Но въ былое время (лѣтъ 20 тому назадъ) практиковались благочестивыми людьми другія молитвы, именно: когда къ уважаемому за благочестіе человѣку приходилъ селянинъ съ флюсомъ и зубною болью, уважаемый за благочестіе человѣкъ становится бывало на колѣни и заставляетъ за собою повторять слова молитвы «Отче нашъ», «Богородице Дѣво», «Достойно есть» и «Вѣрую во единаго Бога»... Послѣ того читавшій молитвы дуетъ въ лицо больному, даетъ ему цѣловать крестъ, и лѣченіе кончено. Иногда такіе пріемы лѣченія кончались успѣхомъ, почему практика увеличивалась.

По подобію убруса отъ апостоловъ, крестьяне съ дозволенія священника пользовались и пользуются разными лентами и привѣсками къ иконамъ, какихъ много во всякомъ храмѣ, въ качествѣ цѣлительныхъ вещей.

Главнымъ средствомъ отъ всѣхъ болѣзней почитались и почитаются еще теперь въ народѣ молебны цѣлителю Пантелеймону и таинство елеосвященія. Если уже и эти средства испробованы и все-таки больной не выздоравливаетъ, печальный исходъ болѣзни почитается несомнѣннымъ.

Иногда наговоры и нашептыванія настолько тѣсно связаны съ нѣкоторыми пріемами лѣченія, что нельзя опредѣлить, въ чемъ собственно полагаетъ силу своего лѣченія лѣкарка-знахарка: въ нашептываніяхъ ли, или въ разныхъ манипуляціяхъ страннаго характера. Таково, напримѣръ, завариваніе «соняшныць» или «соняшныць».

Уже Арандаренко въ своихъ *Запискахъ о Полтавской губерніи* обратилъ вниманіе на этотъ оригинальный малорусскій способъ лѣченія болѣзни, напоминающей холерину (рвоты и поносъ). Однако описаніе его вышло неправдоподобнымъ, можетъ быть, потому, что самому г. Арандаренку не приходилось видѣть процедуры заговариванія «соняшныць». Намъ неоднократно приходилось наблюдать заговариваніе «соняшныць» и мы ничего не замѣтили страшнаго и опаснаго для здоровья, что отмѣчаетъ г. Арандаренко. На страницѣ 229-й второго тома Арандаренко говоритъ: «Какъ скоро загорится пенька, она (знахарка) обматываетъ ею больную. Часто случается, что больная послѣ этого остается обожженною въ разныхъ мѣстахъ». Это сообщеніе и невѣроятно и невѣрно. Въ самомъ дѣлѣ, какъ возможно обмотать больную горящей пенькой? Пенька отъ огня вѣдь распадается на части. Остальное въ описаніи Аранларенка вѣрно.

Намъ приходилось видѣть, какъ знахарка. потребовавъ глиняную большую миску, глекъ и клочья (пеньки), начинаетъ зѣвать поминутно, безпрестанно. Зѣваніе продолжается все время до окончанія лѣченія. Въ глиняннную миску наливается достаточно воды, но не до краевъ. Миска становится на животъ больного. Потомъ знахарка начинаетъ креститься, молиться, дѣлать какія-то нашептыванія и все время сильно зѣваетъ. Затѣмъ береть въ руку паклю (клочья), зажигаетъ ее, бросаетъ ее въ глекъ (кувшинъ), потомъ глекъ моментально опрокидывается и погру-

жается въ миску съ водой. Нѣкоторое время бываетъ слышно только бурчанье воды и глухой шумъ отъ горящей пакли. Потомъ глекъ снимается; вода, которая вошла въ глекъ, по мѣрѣ сгаранія пакли, выливается изъ него. Такое зажиганіе пакли въ глекѣ и погруженіе глека въ миску съ водой дѣлается троекратно (если, впрочемъ, не ошибаюсь: можетъ быть и больше, чѣмъ три раза). Потомъ, вода изъ миски дается въ ложкѣ больному. Приходилось наблюдать, что послѣ заговариванія «соняшныць» больной перестаетъ страдать рвотами. Трудно рѣшить, что, собственно, производитъ на больного успокоительное вліяніе. Можетъ быть, производятъ на больного симпатическое дѣйствіе наговоры, можетъ быть, самая зѣвота, а можетъ быть, составъ воды послѣ сгаранія пакли таковъ, что онъ прекращаетъ рвоту; наконецъ, возможно, что намъ приходилось наблюдать заговариванья «соняшныць» уже въ тотъ періодъ состоянія болѣзни, когда рвоты сами собой прекращаются.

Осенью въ непогоду легко захватить ревматизмъ въ ногахъ, въ спинѣ. Тогда получается ощущеніе ломоты въ суставахъ. Эта болѣзнь у насъ называется попросту *грызю*, «бо мовъ грызе тебе що». Традиціонный способъ лѣченія грызи тотъ, что является баба и начинаетъ зубамы грызть разныя части тѣла (т. е. по по пословицѣ—клинъ клиномъ вышибаетъ). Кажется, при этомъ допускается растираніе частей тѣла руками и даже ногами. Рѣдко случается, что грызь проходитъ послѣ этого; хотя ясно, что эти манипуляціи весьма напоминаютъ массажъ и, слѣдовательно, могутъ оказывать нѣкоторые облегчающее вліяніе на боль. Если боль не утихаетъ послѣ описаннаго способа лѣченія, прибѣгаютъ къ другимъ средствамъ, какъ то: мажутъ суставы скипидаромъ, парятся на печи и пр.

Пища, какъ лѣчебное средство, считается главнымъ во всѣхъ болѣзняхъ, имѣющихъ отношеніе къ желудку. Можно даже сказать, что особенная строгость въ выборѣ пищи нѣкоторыхъ ветхихъ стариковъ и нѣкоторыхъ лицъ изъ молодежи, составляющихъ изъ себя кружокъ *монашествующихъ* въ селѣ Лютеньскихъ-Будищахъ, имѣетъ основаніе въ пониманіи того оздоровле-

нія, какое доставляется организму пищею. Вегетеріанство не какъ секта, а какъ особый принципъ въ жизни, всегда имѣло своихъ приверженцевъ въ селѣ. На вегетеріанство смотрѣли, какъ на особый высшій родъ благочестивой жизни. И теперь еще въ рукописной книгѣ нашего села, писанной рукою нѣкоего Каноница (старикомъ умеръ) и хранящейся въ сторожкѣ Крестовоздвиженской церкви нашего села, можно видѣть, какая масса наставленій относительно пищи, ея родовъ и послѣдствій ея употребленія считалась необходимою для правильной богоугодной жизни человѣка.

Въ воззрѣніяхъ народа пища всегда оставалась и будетъ оставаться главнымъ цѣлебнымъ средствомъ. По воззрѣнію народа во время болѣзни непремѣнно нужно ѣсть ту пищу, какой захочется («забажается») больному. Больной попроситъ квасу, достать ему квасу, отъ того ему легче будетъ. Больной захочетъ сельди, дать ему сельди, отъ нея больному поправка будетъ. Въ основаніи такого взгляда на пищу, кажется, лежитъ тотъ общеизвѣстный для народа фактъ, что родильницѣ, въ періодъ ея бременошенія, не слѣдуетъ отказывать во всѣхъ ея капризахъ, касающихся пищи, такъ какъ подобный отказъ можетъ дурно отозваться на ребенкѣ, да и на здоровьѣ родильницы. Разсказываютъ даже факты, что больная, укравъ во время бременошенія малиновыхъ ягодъ, потому что она не могла достать ихъ за деньги или выпросить, родила ребенка, у котораго на груди бородавка оказалась вполнѣ похожею на малиновую ягоду. Сообразно такому взгляду на пріемы обхожденія съ родильницами и всякому больному на селѣ стараются угодить во всемъ, чего бы онъ ни запросилъ. Такимъ то образомъ иногда случается, что больной глистами, наѣвшись съ голодухи селедки, которой онъ «забажавъ», излѣчивается отъ нихъ. Но чаще бываютъ обратныя явленія: больной лихорадкой, наѣвшись кислыхъ яблокъ, которыя онъ ѣлъ бы безъ счету, «якъ червякъ», кончаетъ очень дурно. Во всякомъ случаѣ, можно утверждать, что часто указанныя «бажання» больного гораздо больше приносятъ ему пользы, когда онѣ удовлетворяются, чѣмъ фельдшерскія предписанія исклю-

чительнаго медицинскаго персонала на селѣ. Малороссы-козаки тѣмъ и отличались издавна, что не нуждались въ услугахъ лѣкарей-профессіоналистовъ. Каждый козакъ въ старину, при своемъ воинственномъ образѣ жизни, по необходимости становился самъ для себя лѣкаремъ. Въ походѣ некогда было лѣчиться у лѣкарей. И козакъ зналъ, что дѣлать, когда приключится человѣку рана или другая какая «хвороба»,—зналъ, какія травы и снадобья легче и скорѣе всего ставятъ человѣка на ноги, что надо дѣлать человѣку при внутреннихъ болѣзняхъ. Эти знанія старыхъ дѣдовъ козаковъ, переходя изъ рода въ родъ, отчасти дошли и до нашего поколѣнія; большинство же рецептовъ—утеряно.

Почти всякое зелье для козака было цѣлебнымъ: одно—въ одномъ случаѣ, другое—въ другомъ. Всѣмъ имъ онъ зналъ толкъ, всѣмъ далъ свои имена, изъ всѣхъ извлекалъ цѣлебную силу. Настоящія поколѣнія козаковъ знаютъ едва половину прежнихъ, стародавнихъ названій растеній, силу же ихъ понимаютъ весьма немногіе. Потому-то заслуживаютъ вниманія всѣ сообщенія, какія можно собрать отъ простого народа. Пройдетъ два-три поколѣнія, и тогда будетъ поздно интересоваться народною медициною.

Проѣздомъ черезъ Лохвицкій и Гадячскій уѣзды намъ случайно удалось узнать еще нѣсколько простонародныхъ средствъ. Мы ихъ сообщаемъ въ дополненіе къ тѣмъ свѣдѣніямъ по народной медицинѣ, которыя намъ извѣстны по родному селу.

Если нужно вызвать рвоты у больного, то въ Сенчанскихъ-Юсковцахъ, Лохвицкаго уѣзда (Полтавс. губ)., даютъ больному испить слитой изъ квашни («дижи») жижицы.

При головныхъ болѣхъ прикладываютъ къ затылочной части головы смѣсь изъ любистка, хрѣна и квасу; гдѣ возможно, квасъ замѣняютъ уксусомъ.

При ожогахъ лучшее заживляющее и успокаивающее средство—льняное масло. Имъ смазываютъ обожженныя части тѣла. Чѣмъ чаще прикладывать и мазать масломъ ожоги, тѣмъ лучше себя чувствуетъ больной, и тѣмъ скорѣе излѣчивается рана.

«Коровяками» въ Юсковцахъ Сенчанскихъ мнѣ называли растеніе, которое обычно называется дурманомъ и котораго ядовитость, вѣроятно, извѣстна всѣмъ. Оно часто растетъ на пустошахъ, въ ярахъ, близъ человѣческаго жилья. Цвѣточки дурмана бѣлые, послѣ цвѣтенія выростаютъ зеленыя шишечки, которыя, созрѣвая, становятся рыжеватыми. Въ нихъ заключены сѣмена дурмана. Такъ какъ всѣ части дурмана ядовиты, то этимъ объясняется употребленіе, какое изъ дурмана или «коровяковъ» дѣлаютъ въ с. Юсковцахъ-Сенчанскихъ. Сокомъ листковъ этого зелья капаютъ на тѣ раны, гдѣ успѣли завестись черви, напр., на собакѣ.

Чирья лѣчатъ въ С.-Юсковцахъ такимъ образомъ. Когда чирей разросся и пластырь, какой даетъ фельдшеръ, не помогаетъ, а нога или рука, на которой приключился чирей, нестерпимо болитъ, селянинъ начинаетъ лѣчиться своими способами. Берется листокъ—два «красоли» (настурціи), намазывается кислымъ молокомъ (сметаной) и прикладывается къ чирею. Потомъ, берется заячья кожа, намазывается тѣмъ же кислымъ молокомъ, прикладывается поверхъ красоли и чирей обвязывается. Первое средство—лѣчебное, второе—скорѣе всего предохранительное, чтобы не застудить чирей. Боль въ ногѣ или рукѣ послѣ этого настолько утихаетъ, что больной можетъ безъ помѣхи заниматься своимъ дѣломъ. Зимою листочки красоли, сохраняющіеся сухими, предварительно размягчаются въ теплой водѣ.

Считаю долгомъ сообщить еще средство, случайно открытое простолюдинами, можетъ быть, впрочемъ ошибочно объясненное, но во всякомъ случаѣ сочтенное дѣйствительнымъ. Одного сбѣсившагося, по разсказу народа, заперли на ночь въ погребѣ, такъ какъ была опасность, что онъ кого-нибудь искусаетъ и тѣмъ натворитъ еще большихъ бѣдъ. Въ погребѣ ничего не было кромѣ луку и чесноку. Съ голода больной объѣлся того и другого и на третій день попросилъ испить воды. Потомъ оказался совершенно здоровымъ. Другого бѣшенаго заперли въ комору (амбаръ). Тамъ былъ деготь. Въ припадкѣ бѣшенства больной выпилъ кубышку дегтя и выздоровѣлъ.

III.

Смерть заканчиваетъ всякое лѣченіе. Но смерть стараются по возможности отдалить, если не лѣкарствами, то божественною помощію. Ироническое отношеніе къ этой надеждѣ звучитъ въ пословицѣ: «поможе баби кадыло, якъ бабу скрутыло».

Но иногда смерть бываетъ мнимая и она порождаетъ много разсказовъ, надеждъ, волнуетъ долго сельскіе умы, и, кто знаетъ, можетъ быть, не безъ основанія почитается чѣмъ-то сверхъестественнымъ.

Во время одного посѣщенія мною Лютеньскихъ-Будищъ Зѣньковскаго уѣзда, случившагося лѣтомъ, я услышалъ разсказъ отъ селянъ о томъ, какъ одна баба «замирала» на нѣсколько дней, т. е. находилась въ летаргическомъ снѣ. Для Лютеньскихъ-Будищъ такія замиранія, думалъ я, не новость; чего, думалось, не наговорятъ бабы? Все таки я имѣлъ терпѣніе выслушать разсказъ до конца, который теперь и постараюсь передать въ короткомъ видѣ.

Если летаргическій сонъ имѣетъ сходство съ обыкновеннымъ сномъ, то не будетъ большимъ грѣхомъ, если допустимъ, что баба дѣйствительно, видѣла во снѣ «тотъ свитъ», а на «тимъ свити» *батюшку молодого* (т. е. отца Григорія Борбицкаго, умершаго въ томъ же году). Батюшка былъ одѣтъ во все бѣлое и ему было очень хорошо. Тамъ же былъ и *Остапъ* (парень, весьма хорошо извѣстный намъ, также умершій въ томъ же году), извѣстный въ селѣ садоводъ, имѣвшій свою школу деревьевъ; онъ любилъ заниматься книжнымъ чтеніемъ, по книгамъ научился окулировать, щепить и пр. Ему было также хорошо, сообщала баба, но не такъ хорошо, какъ молодому батюшкѣ. Одѣтъ онъ былъ также во все бѣлое. Бабѣ въ видѣніи этомъ было сказано, что всѣхъ, кого она видитъ «на томъ свѣтѣ» (она еще видѣла многихъ, мнѣ неизвѣстныхъ лицъ), скоро постигнетъ смерть и чтобы она сказала имъ объ этомъ. Баба, говорятъ, долго не хотѣла итти къ батюшкѣ говорить о своемъ видѣніи, но вотъ она во

снѣ слышитъ голосъ, который говорилъ ей приблизительно слѣдующее: «Ты слышала и видѣла, что будетъ съ тѣми людьми, которыхъ ты узнала; почему же ты не скажешь имъ объ этомъ?» Послѣ такого сновидѣнія баба отправилась къ молодому батюшкѣ, т. е. къ отцу Григорію Борбицкому и разсказала ему обо всемъ. Отецъ Григорій, говорятъ, подумалъ было, что баба не въ своемъ умѣ и запретилъ ей разсказывать подобныя вещи. Но прошелъ безъ малаго годъ и предсказанное бабой исполнилось.

Вообще о мертвыхъ любятъ поговорить при поминкахъ и иногда разсказываютъ вещи необыкновенныя относительно посѣщенія мертвыхъ, ихъ насилій надъ живыми и пр. Большинство такихъ разсказовъ объясняется физіологическими причинами, напримѣръ, кошмаромъ, нетрезвымъ состояніемъ, болѣзнями и пр. Поэтому мы воздерживаемся отъ передачи подобныхъ часто чудесныхъ событій.

Относительно недавно умершихъ полагаютъ, что души ихъ, прежде чѣмъ пойти по воздушнымъ мытарствамъ, нѣкоторое время пребываютъ въ домѣ, гдѣ померли, и потому въ день смерти вечеромъ ставятъ рюмку водки на окно, окно растворяютъ и «стерегутъ душу», т. е. цѣлую ночь не спятъ, а проводятъ время въ разговорахъ, которые, предполагается, слушаетъ и душа умершаго.

Послѣ того какъ трупъ снесли на кладбище, поселяне обязательно, входя въ домъ, берутся за печку, чтобы не пристала смерть; а если печка топится, то обогрѣваютъ руки у огня. Очевидно очистительное значеніе огня сохранилось твердо въ народномъ обиходѣ отъ лѣтъ весьма древнихъ.

Сохранился въ Лютеньскихъ-Будищахъ одинъ разсказъ, которому можно приписать значеніе, если сравнить его съ историческими данными, касающимися нашихъ предковъ въ Малороссіи.

Разсказъ говоритъ объ одномъ весьма древнемъ обычаѣ, практикующемся, правда, и теперь еще у нѣкоторыхъ дикихъ народовъ Азіи, Африки и Америки, но окончательно давно исчезнувшемъ изъ Европы,—объ обычаѣ убивать престарѣлыхъ дряхлыхъ родителей.

Передаемъ разсказъ по возможности ближе къ слышанному нами, насколько память наша смогла точно его сохранить. «Колысь, це дуже давно було... та убывалы батькивъ за те, що воны стари, та неспособни робыть. Ото одному сынови та жаль було свого батька вбывать: винъ сховавъ его въ погрибъ, а людямъ сказавъ, що батька вбывъ. Допытуваться не сталы, тымъ и кончылось.—Тымъ часомъ настала голодуха. Яки тилькы де злыдни не булы, все попройидалы. Той сынъ и послиднимъ дилывся зъ батькомъ. Ось уже й весна на двори, пора бъ орать та сіять, такъ ниде взять, щобъ посіять. Нема ниде ни зерна, ни соломынкы. Прыйшовъ разъ той сынъ до батька въ погрибъ за совитомъ: «тату, що робыть—сіять ничого».—«Пиды, сыну, каже батько, та розберы всю оселю, яка е, вывезы ту соломку на зъоране поле, рострусы, та земелькою прыкрый. Пидуть дощи; може-жъ такы, якъ молотылы, то яке зерно зосталось. Те зерно, дасть Богъ, зійде».—Сынъ такъ и зробывъ: пороскыдавъ осели, соломку вывизъ на поле, земелькою ій прытрусывъ. И що-жъ? зазеленило поле. Отъ и пытають розумного батька сына, де винъ насиння взявъ. А винъ й имъ видказуе: «Вы своихъ батькивъ повбывалы, а я свого въ погриби сховавъ. Лыхо скрутнуло, батько й въ прыгоди ставъ: то винъ мене навчивъ, що робыты». Розсказавъ самъ усе, якъ було. Съ тіеи поры люды сталы батькивъ поважать, а вбываты йихъ пересталы. Бо побачылы, що безъ батькивъ гиршъ на свити жыты».

Этотъ разсказъ, слышанный нами изъ устъ неграмотной женщины, показываетъ, что въ народѣ еще сохранились такія стародавнія преданія, которымъ можно насчитывать тысячелѣтія.

О подобномъ обычаѣ у скиѳовъ—убивать стариковъ, какъ о господствующемъ обычаѣ у разныхъ племенъ скиѳскихъ, говоритъ и Страбонъ, и Секстъ Эмпирикъ, и другіе греческіе писатели.

Секстъ Эмпирикъ, говоря объ обычаяхъ разныхъ народовъ, замѣчаетъ о скиѳахъ, что они убиваютъ тѣхъ изъ стариковъ, которые достигли возраста свыше шестидесяти лѣтъ (Οἱ Σκυθαι δε ὑπερ ἑξηκοντα ἔτη γένομένους ἀποσφάττουσι).

Страбонъ, повѣствуя о нравахъ и обычаяхъ жителей Кавказа и прикаспійскихъ странъ, говоритъ о дервикахъ, обитателяхъ великой Скиѳіи (Δέρβικες), что «они стариковъ свыше семидесяти лѣтъ убиваютъ (τούς δ' ὑπερ ἑβδομήκοντα ἔτη γεγονότας σφάττουσι). Страбонъ же разсказываетъ, что каспійцы, умертвивъ голодомъ семидесятилѣтнихъ стариковъ, отвозили ихъ въ пустыню и бросивъ тамъ трупъ, наблюдали, кто его съѣстъ. Считалось за счастье, если трупъ съѣстъ птица; если онъ достанется въ пищу звѣрю какому-либо—худо, но все же лучше, чѣмъ если никто не тронетъ трупа. Послѣднее почиталось уже положительнымъ несчастьемъ.

В. К.

Край пещеры два дубочкы.

Соч. С. В. Р.

Нищо не пахне новыною:
Що есть, то було, буде въ викъ:
И перше лылась кровъ рикою,
И перше плакавъ чоловикъ!

М. Красное [1]). 1854 года. М. августа 2 и 3 дня.

Помѣщаемая нами въ настоящей книжкѣ «Кіевской Старины» баллада С. В. Руданскаго «Край пещеры два дубочкы» принадлежитъ къ числу раннихъ произведеній талантливаго, но вслѣдствіе несчастно сложившейся жизни не успѣвшаго вполнѣ развернуть свои духовныя силы украинскаго поэта. Какъ произведеніе раннее, она носитъ сильное вліяніе русской и польской романтической поэзіи, особенно—произведеній Жуковскаго, не задолго передъ тѣмъ закончившаго свою литературную дѣятельность. Не представляя собою чего-нибудь особенно выдающагося съ художественной точки зрѣнія, баллада Руданскаго тѣмъ не менѣе

---

[1]) Ямпольскаго уѣзда Подольской губерніи. Во львовскомъ изданіи мѣстомъ написанія баллады названъ Каменецъ-Подольскъ. Если это не ошибка, то вѣроятно въ Каменцѣ Руданскій лишь исправлялъ свою балладу, хотя въ послѣднемъ случаѣ не вполнѣ ясно почему, перемѣнивъ мѣсто написанія, авторъ оставилъ прежнюю дату.

имѣетъ крупный историко-литературный интересъ, съ одной стороны—какъ живой памятникъ тѣхъ вліяній и настроеній, которыя одно время, можно сказать, преобладали въ молодой украинской литературѣ; съ другой стороны—какъ матеріалъ для характеристики самого автора, занимающаго почетное мѣсто среди украинскихъ поэтовъ. Баллада Руданскаго печатается съ подлиннаго автографа, любезно предоставленнаго въ наше распоряженіе г. Яницкимъ; рукопись, писанная рукой самого Руданскаго, почти не имѣетъ поправокъ и, очевидно, представляетъ бѣловой экземпляръ, предназначавшійся для печати. Это обстоятельство даетъ право съ полнымъ довѣріемъ отнестись къ тексту баллады и съ точностью установить время и мѣсто ея написанія. Придерживаясь при печатаніи установившагося у насъ правописанія, мы сочли однако нужнымъ отмѣчать въ примѣчаніяхъ всѣ болѣе или менѣе характерныя особенности правописанія подлинника.

Предлагаемая баллада появляется въ печати не въ первый разъ: подъ заглавіемъ «Люба», она уже была напечатана во II томѣ «Творивъ Степана Руданського» (стр. 61—76), вышедшемъ во Львовѣ въ 1896 г. подъ редакціей проф. А. Е. Крымскаго. Но упомянутое львовское изданіе, какъ и вообще всѣ заграничныя украинскія изданія, у насъ почти неизвѣстно и доступно развѣ только немногимъ счастливцамъ. Да и помимо этого, текстъ нашей рукописи представляетъ такія крупныя отличія отъ напечатаннаго въ «Творахъ», что можетъ считаться почти новымъ произведеніемъ, разрабатывающимъ, правда, тотъ же сюжетъ. Какъ можно заключить изъ сопоставленія обоихъ текстовъ, нашъ варіантъ является болѣе ранней редакціей, исправленной и во многихъ мѣстахъ сильно сокращенной и переработанной авторомъ уже впослѣдствіи. Сравнивая оба текста, можно слѣдить шагъ за шагомъ за любопытнымъ процессомъ поэтическаго творчества, наглядно показывающимъ, какую работу творческой мысли пришлось предпринять писателю; какъ постепенно исправлялись и замѣнялись новыми тѣ или иныя показавшіяся автору неудачными слова и цѣлыя выраженія; какъ все произведеніе мало-по-малу отдѣлывалось, шлифовалось и принимало другой видъ. Наблюдать такой

процессъ творческой дѣятельности всякаго незауряднаго писателя въ высшей степени интересно, не говоря уже о томъ, насколько это важно для объясненія тѣхъ или иныхъ особенностей писательской физіономіи даннаго автора. Этими соображеніями, надѣемся, достаточно мотивируется печатаніе предлагаемой баллады вторично въ нашемъ журналѣ, преслѣдующемъ, между прочимъ, цѣль—давать матеріалы и освѣщать по мѣрѣ возможности явленія и факты нашей родной украинской литературы.

ПРЕСЛИВЛЯ.

Не видкынь, не видцурайся,
Мылая родыно,
Моихъ думокъ незавыдныхъ
Тыхою годыной.

—

Хочъ смутніи тіи думы,
Но мои лышъ власни,
А видъ тебе най втикають [1]).
Случаи несчасни.

—

Будь счаслыва—и за мене
Нагадай порою,
А я завше въ мысляхъ буду
Выдитысь зъ тобою.

С. Руданській.

---

[1]) Руданскій 3 лицо обоихъ чиселъ настоящаго времени вездѣ пишетъ съ ъ,—втикаютъ, скрыплятъ, спытъ и т. д.; напротивъ 2 л. ед. ч.—съ ь,—будешь, достанешься.

Край пещеры два дубочкы.

I.

Небо чысте, небо ясне,
Зиронькы сміются,
Чуть лышъ витеръ повивае,
Чуть деревья гнутся.
Выплывае мисяць повный
Тыхо зъ-за дубыны
И поглядуе мыленько
На горы долыны:
Горы стыхлы, онимилы,
Сплять якъ велыканы;
По долынахъ якъ покрывля,
Стелются туманы...
И на поли все тыхенько [1]):
Не скрыплять возамы,
Наймытъ лышъ порой озвется
Йдучы за воламы.
Все кругомъ села замовкло,
Но й село заснуло:
Мицно спыть протывъ недили
И за все забуло.
Лышъ въ идній [2]) ище хатыни
Чуть блещыть край зруба,
Де недавно перебралась
Дивчинонька-Люба.

Хатка тая невелычка,
Но стины биленьки;
Кругъ хатыны зеленіють
Тополи маленьки...

Въ тій хатыни жыла баба—
Дивчынонькы ненька
И дивчына, якъ калына,—
Люба молоденька...

Ненька спала на постели
(Може вже й хропила) [3]),
А дивчына молодая
На земли сыдила,
Русу косу [4]) заплитала...

Каганець блыщався,
И видъ него бляскъ неривный [5])
Въ лычко видбывався.
Ой, то була справди Люба,
Люба—та ще й мыла;

На земли вона сыдила,
Голову схылыла [6]):
Лычко було, якъ та ружа,
Бровы, якъ шнурочокъ,
Губкы, якъ медокъ солодки,

---

[1]) Въ подлинникѣ вездѣ—техенько, техенькій.

[2]) Въ подлинникѣ дат. и предлож. падежи женск. р. вездѣ безъ й: въ идни, въ ти, свои и т. д.

[3]) Изъ примѣчанія редактора львовскаго изданія къ этому мѣсту узнаемъ, что первоначально эта строка имѣла слѣдующую редакцію: «Спала и хропила». Изъ того, что эта редакція разнится какъ отъ нашего текста, такъ и отъ львовскаго изданія, можно заключить, что существуетъ еще третій варіантъ баллады.

[4]) Во львовскомъ изданіи—русу косу.

[5]) Въ подлинникѣ—неримный.

[6]) Въ подлинникѣ—схелыла.

Очи, [1]) якъ терночокъ;
Шыя била такъ, якъ лебидь,
Губы ще мылищи,—[2])
Тилькы шкода, що каганчыкъ
Не блыщавъ яснище...
Люба косу заплитала
И чогось здыхнула,
Взяла косу русявую,
Къ лычку прыгорнула.
«Ой ты, косо русявая!»
Дивчынонька каже:
«Ой кому ты достанéшся?
Хто тебе завяже?
Лычко мое румянее,
Хто то поцилуе—
Поцилуе и тымъ серце
Свое нагодуе?
Ненька каже, що Даныло,
Но Богомъ кленуся:
Буду викъ свій дивуваты,
А зъ нымъ не зійдуся!
Винъ багатый, каже маты;
Щожъ мени потóму:
Я за нымъ перада буду
И багатству тому.
Каже й винъ не разъ до мене:
Будешъ въ мене въ злоти,
Лышъ за мене тилькы выйды
Зъ доброи охоты...
Но я знаю тее злото:
Буду въ нимъ ходыты,
А винъ буде мое серце [3])
Молоде вялыты.
Най счезае зъ тымы гриимы:
Ихъ мени не треба:
Я лышъ серця хорошого
Ждала-бымъ видъ неба...
Я Якыма полюбыла,—
Дай-то мени, Боже!
Бо счаслывою зробыты
Винъ иденъ лышъ може:
Винъ не мае марныхъ гропей [4]),
Не оре плугамы,
Винъ лышъ серце добре мае,
Видъ доброи маты...
И въ те серце я запала—
Знаю тее, знаю—
Винъ лышъ мене тилькы любыть,
Я жъ чого чекаю?
Винъ не прыйде самъ до мене,
Не прыйдé до хаты:
Ненька буде коцюбою
Зъ хаты выганяты;
Бо Даныло въ мысляхъ ненькы
Вспивъ вже замистытысь
Такъ, якъ чортъ пидлизъ пидъ церкву
Господу молытысь...
Взавтра я пиду до церквы
На службоньку Божу
И Якыма повыдатысь
Зъ собою попрошу.
За селомъ въ насъ, надъ рикою,
Есть пещера давня,—
Коло неи розвынется [5])
Нашее кохання...
А Даныло тилькы прыйде
Взавтра въ нашу хату,—
Скажу просто ёму въ очи:
— Выбырайся, свату!»...

---

[1]) Въ подлинникѣ—вездѣ очы, что противорѣчитъ утвержденію г. Крымскаго, что отмѣченный имъ въ этомъ мѣстѣ такой способъ написанія этого слова (съ ы) является единственнымъ исключеніемъ.

[2]) Во львовскомъ изданіи—билищи.

[3]) Въ подлинникѣ—сердце.

[4]) Въ подлинникѣ—грóшый.

[5]) Въ подлинникѣ—розвенется.

Такъ сама идна зъ собою
Люба говорыла;
А тымъ часомъ заплелася,
Каганець згасыла,
Положылась спочываты,
Тяженько здыхнула;
Но повіявъ сонъ тыхенькый
И вона заснула.

II.

Засвитыло ясне сонце,
Дзвоны задзвонылы
И до церквы на молытву
Сонныхъ побудылы.
Помолылысь люде Богу,
И зновъ розійшлыся.
И зъ семьею господари [1])
За обидъ взялыся...
Сила й Люба зъ своей ненькой
За стилъ деревяный;
Ажъ прыходыть по бабуню
Дивчына видъ пани,
Щось на вухо ій шепнула;
Баба на полыцю,
Взяла ножыкъ и до пани
Поплелась въ свитлыцю...
А дочци своій сказала,
Щобъ йи не чекала [2]),
Щобъ сама идна убогый
Обидъ той кинчала...
«Я тамъ, донько, заночую:
Гляды жъ—зачыныся,
Щобы часомъ хто недобрый
Въ хату не забывся»...
Ненька выйшла, а дивчына
Той обидъ скинчыла,
Позбырала, якъ годыться,
Начыня помыла,
Въ мысныку мыскы поклала,
А горшкы пидъ коминъ—
Такъ зо всимъ роспорадылась,
Якъ хазяйка въ доми...
Взяла винякъ и смитя все
Вымела изъ хаты
И на лаву потимъ сившы,
Зачала спиваты:
«Ой вы, таты! ой вы, мамы:
Не сватайте диты сами,
Нехай воны сватаются,
Колы вирно кохаются!»
Зачала вона спиваты.
Ще и не скинчыла,
А вже выдыть предъ собою
Парубка Даныла:
Росту бувъ винъ, якъ тополя,
Но сухый, безъ тила,
Очи въ лобъ позападалы,
Губа посынила,
Лыця жовти, якъ цытрыны,
Шыя журавлёва,
И наверха мижъ волоссямъ
Лысына готова.
Но винъ, выдно, чыпурывся [3]):
Голова блыщала,—
Выдно, зъ каганець на нюю [4])
Вымастывъ винъ сала;

---

[1]) Въ подлинникѣ—семіою, ниже—журавліова.

[2]) Въ подлинникѣ вездѣ—чыкала.

[3]) Въ подлинникѣ—чепорывся.

[4]) Первоначально въ подлинникѣ вмѣсто «на нюю» было зачеркнутое слово «бидняка».

Сыва шапка пидъ пахвою
Пивъ вулыя буде,
Бо такіи завше носять
Богатіи люде;
Свыта добра, вся въ мережкахъ,
Чоботы здорови,
На чоботяхъ, якъ въ конякы
Доброи, пидковы.
Скынувъ шапку ажъ у хати,
«Будь здорова, Любо!
Якъ же жъ, Любо, ты ся маешъ?
Запытався грубо».
— «Зъ ласкы Божои здорова»,
Дивчына сказала.
— «Що жъ ты, Любо моя, сумно
Дуже такъ спивала?
Журышся ты все, небого,
Сватайся зо мною;
Будешъ въ золоти ходыты,
Жыты у покою...
Отъ дывыся килько грошей!».. [1])
Руку вклавъ въ кишеню
И показуе дивчыни
Грошей повну жменю.
— «Грошей тыхъ мени не треба»,
Каже такъ дивчына:
— Говорыты изъ тобою
Не часъ, не годына;
Йды соби, куды гадаешъ,
Такъ якъ тая хмара:
Ты багачъ, шукай багатыхъ,
Я жъ тоби не пара»...
Посынилы жовти лыця,
Затряслыся [2]) губы
И, якъ въ трясти [2]), забренчалы
Зубъ иденъ до зуба,
Очи впылыся кровлею,
Рукы задрожалы;
— «Почекайте жъ вы, паплюгы,
Вы мене не зналы...
Будешъ же ты памятаты,
Ящирко погана!
Сылой оженюсь зъ тобою,
Якъ пиду до пана!»
— «Хоть до пана, хоть до чорта,—
Я ихъ не боюся
Зъ того всего я—байдуже,
Зъ того я сміюся!»
Взявъ Даныло сывый вулый,
Загорнувъ чупрыну;
Подывывся ще разъ басомъ
На тую дивчыну,
«Будешъ же ты памятаты!»
Ще разъ видхвалывся
И до пана, чы до биса
Заразъ видалывся...
Зосталась сама дивчына,
Богу помолылась,
Що видъ нелюба Даныла
Якось видчепылась...
И замкнула добре двери,
Зачала чекаты,
За кымъ сонечко спочыне,
И зачне смеркаты.

Ш.

Де жъ Даныло? що жъ винъ робыть?
Даныло лютуе,
Винъ до пана не спишыться,

---

[1]) Въ подлинникѣ въ этомъ же мѣстѣ и ниже—грошій, тогда какъ раньше эту форму Руданскій писалъ—грошый.

[2]) Въ подлинникѣ—затраслыся, въ трасци.

Але смерть готуе.
Отъ смеркае. Нижъ гостренькый
Взявъ зъ собой Даныло
И пишовъ до тои хаты,
Де вчора свитылось.
Темна ничъ, якъ грибъ-могыла,
Витеръ повивае
И тополямы малымы
Край хаты хытае.
Каганець блыщыть въ хатыни,
Дивонька спивае;
Вбралась въ свыту и корали—
Десь иты думае...
И поглянувъ у виконце
Даныло проклятый...
«Вона йде кудысь,—подумавъ,—
Треба почекаты;
Може лучче якъ удастся
Видплатыты ласку.
Мени зъ неи доведется
Здерты и запаску!»
Ставъ тыхенько, прытаився
На углу хатыны,
Ставъ чекаты, якъ кить сала,
Биднои дивчыны...
Отъ скрыпыть бигунъ у хати,
Засова туркоче,
Вже прощатыся зъ хатыной
Дивчынонька хоче.
Зачыныла хату й сины,
Взяла ключъ зъ собою,
Подывылася кругъ себе
И пишла ступою.

—

За селомъ рика быстренька
Вьется долынамы,
Надъ рикою есть пещера
Помыже скаламы.
Въ тій пещери изгнывають
Кости чоловичи,
И про то, чыи то кости,
Ризни людськи ричи...
Въ ту пещеру вси боятся
И у день ходыты,
А що въ вечери—боятся
За ню й говорыты.
Такъ на гоны видъ пещеры
Два дубкы сплелыся,—
Тамъ коханкы обыдвое
На сей разъ зійшлыся!..
Ничка темна, всюды темно—
Зле було ходыты:
Отъ воны обое силы,
Сталы говорыты...

Л ю б а.

Ой, Якыме! покленыся
Правду говорыты!
Покленыся, чы мя любышъ
И будешъ любыты?

Я к ы м ъ.

Ты не вирышъ, серце Любо?!
Ну! то я кленуся,
Що ни въ кого, окримъ тебе,
Никгды не влюблюся,
Хсчъ-бымъ бачывъ тысячъ кращыхъ—
На идну не вгляну,
Бо не хочу що бымъ здрадывъ
Дивчыну кохану...

Л ю б а.

Прысягаю й я, Якыме,
До самого вика
Лышъ тебе идного маты
Въ викъ за чоловика!
На отъ перстень зъ мого пальця:
Памятай, небоже!

Я к ы м ъ.

Богъ намъ свидокъ, якъ мы клялысь,
Богъ намъ и поможе!..

—

... Но тутъ щось за чагарамы
Зашелепотило...

Холодъ душу обіймае,
Замырае тило...
Полякалысь, що звиряка,—
И давай втикаты
Десь въ село Якымъ коханый,
Дивчына жъ до хаты...

—

Зновъ долына край пещеры
Стыхла, якъ могыла;
Лышъ идна душа жывая
Край дубкивъ ходыла.
Коло пояса нового
Гострый нижъ блыщався.
Поглядавъ винъ на дубочкы
Зъ злостію сміявся:
«То вы тутъ, мои коханкы,
Сходытесь зъ собою?
Не будете вы тутъ бильше—
Ложу головою.
Ще лышъ ничъ — и бильшъ
Якыма
На свити не буде:
Тамъ въ пещери тій страшніи
Й Богъ ёго забуде!
Ты прыйдешъ сюды, небого,
Зъ нымъ поговорыты,
Но даремне будешъ зваты,—
Рученькы ломыты...
Лучче бъ ты ёго не знала,
Лучче бъ не любыла...
Будешъ знаты, якъ то гнаты
Парубка Даныла»!
Ще окынувъ биглымъ окомъ
Мыліи дубочкы
И, якъ вовкъ, пишовъ до дому
Черезъ два горбочкы.

IV.

Небо чысте, небо ясне,
Зиронькы сміются,
Чуть лышь витеръ повивае,
Чуть деревля гнутся...
Выплывае мисяць повный
Тыхо зъ-за дубыны
И поглядуе мыленько
На горы й долыны.
Горы стыхлы, онимилы,
Сплять якъ велыканы,
По долынахъ, якъ покрывля,
Стелются туманы...
И надъ ричкой, край пещеры,
Ставъ туманъ стелытысь
И, здавалось, хтивъ закрыты,
Що буде робытысь...
Но ще добре було знаты,
Якъ тую долыну,
Такъ и ту, що тамъ ходыла,
Въ долыни, дивчыну.
Та дивчына до пещеры
Чогось заглядала
И пидъ полы нижъ, якъ брытву,
Гостренькый ховала.
Дали стала пидъ дубкамы,
Все когось чекае
И изъ серця пазюрамы
Кору колупае...
Но все тыхо по долыни,
Чуть лышъ витеръ віе,
И на дереви поволи
Вершечокъ хыліе...
Ба, отъ беригомъ помалу,
Якъ рика взвылася,
Ще якась душа жывая
Видъ села плелася...
Лышъ завыдила дивчына,
Усмихнулась зъ злости,
Задрожало жовте тило
И сухіи кости...
Въ тры погыбели зигнулась,
Стала невелычка
И потерла кулакамы
Пожовтили лычка...

Видступылась видъ дубочка,
Обернулась всюды,
Стала потимъ и чекае,
Закымъ той прыбуде...
Но лышъ тилько той поглянувъ,
Шапкой ставъ кываты,
А дивчына заразъ стала
Буцимъ утикаты—
И все блыжче до пещеры—
Парубокъ за нею,—
Все бижыть и все махае
Шапкою своею...
Вбигла дивка ажъ въ пещеру
И зайшла за двери.
Дывытся—пройшла хвылына—
Парубокъ въ пещери.
Тилько хтивъ іи обняты—
Нижъ тутъ появывся
И по саму мидну ручку
Въ грудяхъ затопывся!..
Тутъ пробывся мисяць повный
Чрезъ туманъ и двери
И роскрывъ, що тамъ робылось
Въ страшніи пещери...
На земли Якымъ убытый,
Льеться кровъ рикою,
Коло него нижъ гостренькый
Скрашеный кривлею [1])...
А Даныло препоганый [2])
Тамъ въ идномъ куточку
Розбырается зъ спидныци
И бере сорочку,
И взявъ свыту, сывый вулый—
Зновъ ставъ, якъ Даныло,
И побривъ до свого дому
Тыхою долыной...
Десь Даныло счезъ въ тумани,
Ажъ тутъ зъ-за горбочка
Йде дивчына молодая
До свого дубочка...
Отъ прыйшла—нема никого:
Сила та й чекае
И десь квиточку зирвавши,
Лысточкы зрывае...
И повіявъ витерочокъ,
Ставъ лысткы хапаты
И долыной повздовжъ ричкы
Зъ нымы утикаты...
Такъ кохання улитало!
Но вона не знала:
Ще вона Якыма свого
Пидъ дубкомъ чекала.
Но годына за годыной
Стала уплываты,
А мыленького Якыма
Чогось не выдаты...
Отъ свитаты вже зачало,
Туманы ридилы,
А въ пещеру по-надъ беригъ
Вороны летилы...
И заплакала дивчына,
Що нема Якыма,
Подывылась на дубочокъ
Сумнымы очыма—
И пишла до свого дому:
Стала добываться
Що Якыму перебыло
Зъ нею повыдаться?
Но й въ сели нема Якыма,
Соцькый лышъ поклявся,
Що Якымъ десь на чужыну
Видъ рекрутъ сховався...
Но проходытъ рикъ и другый—
Его не выдаты:
Стала Люба за Якымомъ
Рученькы ломаты.

---

[1]) Въ подлинникѣ—кровліою.

[2]) Такъ и въ подлинникѣ. Г. Крымскій отмѣчаетъ, что въ подлинникѣ, которымъ пользовался для львовскаго изданія, это слово пишется: «прыпоганый».

V.

Вже Даныло разивъ килька
Прыходывъ до Любы,—
Рушныкивъ просывъ у неи
Для вичнои згубы.
Маты просыть, маты молыть,
Щобъ за него выйты,
А дивчынонька не хоче
Навить говорыты...
Дали каже своій неньци:
«Трошкы почекайте,
Недалеко въ насъ Андрея—
Погадаты дайте!
Тилько суженый [1]) мій буде
Парубокъ Даныло,
Щожъ робыты? я вже пиду,
Шобъ ся не лучыло»...
И старенька іи ненька
На тее прыстала
И Андрея вразъ зъ дочкою
Своею чекала...

—

Повійнулы витры буйни
(Осинь зачалася),
И дубына безъ лысточкивъ
Гола зосталася...
Опустилы сумно нывы,
Копы не брылюють,
Лышъ стадамы межъ рылямы
Журавли жырують...
Тутъ и дни коротши сталы,
Розляглысь туманы,
И пташкы за сыне море
Вже неслысь стадамы...
Перейшло ще килька недиль
Снигъ давай котыты:
Мабуть осинь нехорошу
Хтивъ собой закрыты...
И збилилы голи горы,
И пусти долыны,
И садочкы, и ставочкы,
И мали хатыны.
Мыколая вже блызенько:
Тыждень лышъ до него [2]),
И Андрей дивчатъ чекае
Власне пидъ порогомъ...
И дивчата завертилысь:
Кажда хоче знаты,
Чы удастся сёго року
Чоловика маты...
Отъ Андрей уже у хати—
Дивонькы гадають:
То тыхенько по оборахъ
Баранивъ шукають,
То выходять за ворота
И трасуть [3]) ложкамы,
То звываются вьюнамы
Помыже коламы...
То надъ ричку йдуть по воду,
Губой набырають,
И потимъ гадають,
Дывлятся, що имъ попалось,
То замисюють на соли
Коржыкы маленьки
И идять ихъ, щобъ прыснывся
Суженый—мыленькый...

—

Затыснула й наша Люба
Свого серця раны,
Загадала на Андрея,
Де Якымъ коханый.
Тилько смерклося, побигла
Въ темненькую ничку
За село до той пещеры

---

[1]) Въ подлинникѣ вездѣ—сужаный.

[2]) Въ подлинникѣ здѣсь—ніого, въ другихъ мѣстахъ него.

[3]) Въ подлинникѣ—трасутъ.

Надъ быструю ричку;
Нахылылась головою
Въ воду на писочокъ,
Захватыла и водыци
И якійсь килочокъ...
Прыбигае скоро въ хату,
Воду вылывае,—
Колы дывыться, зъ водою
Палець выпадае...
И составъ иденъ состава
Чуть лышъ що держыться,
И облипленый [1]) ыржою
Перстень чуть блыщытся...
Зняла перстень зъ того пальця,
На свій наложыла
И на чыстіи водыци
Коржыкъ замисыла...
Замисыла, въ пичъ поклала,
Испекла и ззила...
Потимъ перстень въ рукы взяла,
Коло печи сила
И зачала вытыраты...
Перстень лышъ засяявъ,
И дивчына повалылась,
Такъ якъ нежывая...
«Ой, Якыме! закрычала,—
Ты въ земли сыріи,
Росплылыся твои всюды
Кости молодіи!»
— «Що то, Любо? Богъ зъ тобою,—
Мыколай чудовный!»
Закрычала стара ненька
И кухлыкъ неповный
Выллляла на ню водыци,—
Виджывыла дочку
И видъ пазухы до нызу
Роздерла сорочку.
Пробудылась бидна Люба,
Знову обимлила,
Грудь хыталась, серце былось,
Голова горила...
Ще разъ баба обилляла
Дочечку водою
Виджывыла й положыла
Въ постиль изъ собою.

VI.

Стала Люба помаленько,
Стыха засыпаты,
Ненька сила и не може
Очей видирваты,—
Все на нюю поглядае,
Духъ свій задушыла
И боится, щобы Любы
Якъ не розбудыла...
Люба спыть, а серце бьется,
Груды хылытае; [2])
Тяжко дыхае слабая,
Тяжче ще здыхае...
Помолылась Богу ненька,
Сила и куняе...
Ажъ тутъ вдругъ зъ іи [3]) постели
Люба ся зрывае...
«Ой, дывится!—закрычала,
Що всіеи сылы:—
Хтось страшіный прыйшовъ до хаты,
Якъ вмерлець зъ могылы...

---

[1]) Въ подлинникѣ—облипляный.
[2]) Въ подлинникѣ—хелытае.
[3]) Въ подлинникѣ—еи.

Ой, ратуйте!... бо винъ каже...
Що прыйшовъ у гости!..
Подывится!.. ребра голи...
Всюды голи кости!..
Мамо!... Гляньте!... Подывится!...
Гляньте но на двери!...
Щó ты кажешъ?... Ты говорышъ.
Щось прыйшовъ... зъ пещеры...
Хто ты?... якъ то?... Ты такъ звешся?...
Я тебе не знаю...
Мій Якымъ трымався тила!...
Кажешъ: перстень маю?...
Перстень въ мене... а колысь то
Я Якыму дала...
Ты говорышъ... що Якыма
Палець я увяла... [1])
И показуешъ на пальци...
Що нема идного...
Ты Якымъ!... тоби я вирю!... [2])
Ты Якымъ, ей Богу!.. [3])
Хто жъ тоби такъ постарався?..
Хто такый?... Даныло?...
Той багатый... за горбочкомъ?..
Мамцю жъ моя мыла!..
Що ты кажешъ?... Що за мене...
Винъ бувъ перебрався!...
Заманывъ тебе въ пещеру...
И зъ ножемъ звывався!...
Просышъ кости поховаты?..
Де жъ я поховаю?...
Поховаты себе кажешъ
Межъ дубкамы?... знаю!...
Но колы жъ то тее буде?...
Говорышъ... весною...

Ты вже хочешъ утикаты?...
Ще посыдь зо мною...
Мамо! Мамо! Не пускайте!...
Зачыняйте двери!...
Швыдко! швыдко... не пускайте
Его до пещеры!»...
И схватылася зъ постели,
Доганяты мала,
Тилько ненька йи за рукы
Зъ страху задержала.
Знову впала на постелю
Люба молодая,
Выдно, це іи напала
Гарячка [4]) гнылая!...
Мабуть въ барабанъ пробыло.—
Рознеслося всюды:
Що Якыма вбывъ Даныло,
Знылы увси люде;
Тилько ще не довирялы [5])
Трохы, межъ собою
Перевирытысь поклалы,
Якъ Богъ дасть, весною.
Но Даныло ще не знае,
Лышъ трыпнется часомъ,
Якъ говорыть хто тыхенько,
Тай погляне басомъ...

——

Риздвяни [6]) святкы мынулы,
Морозы упалы;
Промынувъ и пистъ велыкый,
И снигы росталы...
Зелениты сталы горы,
И квиткы розцвилы,
И въ лысточкахъ молоденькыхъ
Соловьи запилы...

---

[1]) Въ подлинникѣ—увзяла.
[2]) Въ подлинникѣ—виру.
[3]) Въ подлинникѣ—ей Бого.
[4]) Въ подлинникѣ вездѣ—гарачка.
[5]) Въ подлинникѣ—не довиралы.
[6]) Въ подлинникѣ—ризднвани.

Ожыло увсе зъ весною
Все помолодило,
И село отъ пробудылось
И завеселило...
Пробудылася зъ горячкы
И дивчына Люба,
Здоровища вона стала
Видъ крепкого дуба...
Тилько все чогось смутная,
Серденько вялыться,
Изъ весною все веселе,
А вона смутыться!...

До пещеры часто ходыть
Стежку ажъ зробыла,
Плаче завше, и рыдае
И клене Даныла...
Ба й село отъ спомянуло
Давни свои мысли,
И надъ парубкомъ Даныломъ
Хмаронькы надвыслы...
Но зелени свята булы
Власне коло хаты,
И громада зговорылась
Трошкы почекаты...

VII.

Засвитыло сонце ясне,
Дзвоны задзвонылы
И до церквы на молытву
Сонныхъ побудылы.
Помолылысь люде Богу,
Знову розійшлыся,
Изъ семьёю господари
За обидъ взялыся...
По обиди вси зибралысь
До тои долыны,
Щобъ Якымовои смерты
Якъ дойты прычыны.
Застелылы пидъ дубкамы
Кылымокъ новенькый
И поклалы на той кылымъ
Кисточкы сухенькы...
И казалы, щобы всякый
Йшовъ ихъ цюлуваты,
Щобъ якымы способамы,
Хто убывъ, пизнаты...
Ато, кажуть, що души тій,
Которая выннa,
Непреминно кровъ изъ носа
Брызнуты повынна...
Отъ зачалы цюлуваты,
Спершу,—стала Люба,
Зарыдала, сцюлувала
И пишла за дуба;

Потимъ ненька помолылась
И поцюлувала,
А за нею вся громада
Тыхо пидступала...
А Даныло все за другыхъ
Мнется и вертыться;
На послидокъ йде, бо выдыть
Що не ухытрыться...
Затрусылыся колина,
Якъ зачавъ згынатысь,
Но ничого не поможе:
Треба цюлуватысь.
И лышъ губой прытулывся,
Закрычавъ: «ратуйте!
Въ губу гадына вкусыла!
Гробъ мени готуйте!...»
И загнало ему губу,
Очи, лобъ и лыця.
«Ой, простите добри люде!»
Винъ начавъ молытся:
«Акуратъ назадъ два рокы,
Якъ въ пещери тіи
Я ножемъ пробывъ Якыму
Груды молодіи!...
Винъ видъ мене, я видъ него,
Разомъ умыраемъ
И, здается, мы ничого
Межъ собой не маемъ;

Лышъ за мною грихъ велыкый»...
Тутъ винъ впавъ на груды,—
«Помолится Богу щыре
И за мене, люде!
О молится, я вмыраю!...»
По земли скотывся
И, якъ плюнуты на воду,
Такъ души лышывся...
Розійшлася вся громада;
Потимъ зновъ зійшлыся,
Пипъ, кадыло и могыла
Для вмерлыхъ найшлыся...
Засвитылы люде свичи,
Пипъ зачавъ кадыты
И зачалы по умершыхъ
Богу ся молыты...
Заспивалы «вична память»,
Думають спускаты,
Но дивчына, Люба, рвется
Ще поцюлуваты;
Не пускалы, но видъилась [1])
Дивчына зубамы
И вчепылась за ти кости
Обома рукамы...
И вже выдно злая доля
Такъ іи судыла:
Зновъ гадюка тая жъ сама
Дивчыну вкусыла...
Не крычала та дивчына,
Богу лышъ молылась,
Що зъ Якымомъ хочъ по смерти
Вона зъедынылась...
Щожъ робыты? «Со святымы»
Зновъ дякы началы
И надъ гробомъ «вична память»
Третій разъ спивалы...
«Оче-нашъ» вси зговорылы
«Богородыце Диво»...
Опускають въ грибъ Якыма
И кладуть на ливо,
А на право положылы
Спухлого Даныла,
Мыже нымы помистылась
Дивчынонька маыла...
Запечатавъ пипъ могылу,
Кынувъ глыны мало,
Сталы потимъ вси кыдаты,
И вмерлыхъ не стало...
Лышъ горбокъ, де була яма...
Трусыть пипъ кадыло,
И остатній [2]) разъ надъ гробомъ
Ихъ ся закурыло...

—

Край пещеры два дубочкы.
Якъ иденъ, сплелыся,
Тамъ коханкы обыдвое
Першый разъ зійшлыся,
И кохатысь межъ собою
Тамъ воны поклялысь,
Тамъ остатній разъ обое
Мыло обійнялысь...
Третій клявся головою—
Якыму не жыты,
За то мусивъ видъ Якыма
Голову зложыты...
Заросла вже та могыла,
И дубкы схылылысь,
Повмыралы й тіи люде,
Що за ныхъ молылысь...
Но, прохожій! хто бъ ты не бувъ,
Памятай, небоже!
Хоть подумай, издыхнувшы:
«Помяны ихъ, Боже!»

Finis.

---

[1]) Въ львовскомъ изданіи—видчилась, при чемъ проф. Крымскій дѣлаетъ догадку, что это слово нужно читать «видвылась», або «вчепылась». Въ нашей рукописи совершенно ясно—«видъилась»,—очевидно въ рукописи проф. Крымскаго это слово было неразборчиво написано.

[2]) Въ подлинникѣ—остатный.

Борьба школьныхъ вліяній въ до-петровской Руси.

(*Продолженіе* [1]).

IV.

Въ Москвѣ утверждали греческое учебно-литературное направленіе ученые греки, въ то же время косвенно служа латинской наукѣ и пріучая къ ней вкусы русскихъ.

Выше было сказано, что уже въ XVI в. до Руси стали доходить волны того движенія, которое называется возрожденіемъ наукъ и искусствъ. Для московской Россіи первой такой волной былъ Максимъ Грекъ, чрезъ котораго русскіе познакомились съ наукой двухъ видовъ—греческой и западно-европейской [2]). По словамъ А. Н. Пыпина (II, 146), Максимъ былъ «какъ бы первымъ

---

[1]) См. Кіев. Ст. № 7—8.

[2]) Можетъ быть, для этого знакомства что-нибудь сдѣлали греки, прибывшіе въ Россію съ Софьей Ѳоминишной въ 1472 г., но слѣдовъ ихъ дѣятельности въ этомъ направленіи не сохранилось.—Въ концѣ XV ст. знаемъ нѣсколькихъ грековъ на службѣ у вел. князя—братьевъ Дмитрія и Мануила Ралевыхъ, Юрія Траханіота, Мануила Ангелова (Голубинскій, о. с. $2/_{11}$ 864 сл.).

посредствующимъ звеномъ между старой русской письменностью и западной научной школой... онъ явился впервые съ пріемами болѣе высокаго критическаго знанія, въ которомъ отражалась школа западнаго, спеціально итальянскаго возрожденія». Максимъ Грекъ учился въ Италіи [1]), у «учителей нарочитыхъ», у мужей «добродѣтелію житія и премудростіею многою украшеныхъ» (Сочиненія, ч. III (Казань, 1862), 178), и самъ «многа и различна прочетъ писанія, христіанска же и слаженна внѣшними мудрецы, и доволну душевную пользу оттуду пріобрѣлъ». И, дѣйствительно, его собственныя писанія свидѣтельствуютъ о знакомствѣ его, кромѣ церковныхъ писателей, съ Гомеромъ и Гезіодомъ, Пиѳагоромъ, Сократомъ, Платономъ, Аристотелемъ, Эпикуромъ, Ѳукидидомъ, Плутархомъ и др. По наслышкѣ онъ былъ знакомъ и съ парижскимъ университетомъ и хвалилъ, какъ примѣръ достойный подражанія, тамошнюю постановку учебнаго дѣла. Онъ же передавалъ на Москвѣ о книжномъ богатствѣ запада, владѣющаго на латинскомъ языкѣ почти всѣми греческими писателями, и, вѣроятно, первый познакомилъ москвичей съ типографскимъ искусствомъ, процвѣтавшимъ тогда въ Венеціи. [2]) Все это могло производить на москвичей тѣмъ большее впечатлѣніе, что нѣкоторые изъ близкихъ къ Максиму людей знали латинскій языкъ, бывали за границей и сами убѣдились, что западъ богаче востока и учеными людьми, и книгами. Таковы были приставленные къ Максиму Греку толмачи Димитрій Герасимовъ и Власій. Первый, учившійся въ Ливоніи, знавшій латинскій и нѣмецкій языки, не однажды бывалъ въ чужихъ краяхъ по дипломатическимъ порученіямъ, сообщалъ въ Римѣ свѣдѣнія о Россіи Павлу Іовію, посылалъ оттуда архіеп. Геннадію переводы нѣкоторыхъ статей, принималъ

---

[1]) Изъ итальянскихъ городовъ Максимъ бывалъ во Флоренціи, Венеціи, Миланѣ, Падуѣ и Феррарѣ (Голубинскій, $2/_1$, 668—671).

[2]) Г. А. Филипповъ доказываетъ, что Максимъ Грекъ, живя въ заточеніи въ Сергіевой Лаврѣ, тайно занимался съ нѣсколькими монахами книгопечатаніемъ и что Иванъ Ѳедоровъ, введшій фряжскія названія принадлежностей типографскаго дѣла,—ученикъ Максима.

участіе въ переводѣ съ латинскаго и нѣмецкаго Библіи и самъ написалъ нѣсколько сочиненій. Власій также бывалъ въ посольствахъ, былъ посредникомъ въ сношеніяхъ съ Герберштейномъ, сообщалъ свѣдѣнія о Россіи Іоанну Фаберу [1]). Подъ вліяніемъ Максима Грека впослѣдствіе за изученіе латинскаго языка взялся кн. А. Курбскій, переведшій затѣмъ съ латинскаго нѣсколько сочиненій.

Впрочемъ, Максимъ къ самой западной наукѣ относился критически. Онъ порицалъ излишнее увлеченіе въ западныхъ школахъ Аристотелемъ, Платономъ и тѣми, «иже окрестъ ихъ», и подчиненіе богословскихъ догматовъ философскимъ силлогизмамъ (I, 247, 462—3). Онъ больше тяготѣлъ къ греческой церковной письменности, къ греческому богословію и греческой церковной философіи, хотя и не былъ узкимъ еллинофиломъ [2]). «Одаренный способностью филологическаго толкованія съ нѣкоторымъ примѣненіемъ къ дѣлу различныхъ средствъ критики, въ томъ числѣ данныхъ грамматики или синтаксиса», Максимъ Грекъ при поясненіи текста свящ. писанія или же богослужебныхъ книгъ «нерѣдко обнаруживалъ свои теоретическія свѣдѣнія по греческой грамматикѣ, откуда бралъ доказательства то въ обличеніе чужихъ ошибокъ, то въ оправданіе своихъ поправокъ». «Его аргументація нерѣдко цѣликомъ основывается на разсужденіи грамматическаго свойства, причемъ не надо забывать, что въ старину названіе и понятіе грамматики употреблялось въ болѣе широкомъ значеніи,

---

[1]) А. Н. Пыпинъ, II, 132. Казан. Унив. Извѣстія, 1900, май—іюнь, 143—5.

[2]) Хотя Максимъ Грекъ упорно защищалъ главенство константинопольской патріархіи надъ русскою церковью, но, съ другой стороны, предостерегалъ русскихъ отъ тѣхъ своихъ соотечественниковъ-проходимцевъ, которые являлись въ Москву учить и кормиться, «отнюдъ не вкусивше художнаго вѣдѣнія книжнаго, рекше грамотійскаго и риторскаго и прочихъ чюдныхъ учительствъ еллинскихъ, и для испытанія «пришельцевъ-философовъ» оставилъ нѣсколько греческихъ стиховъ» (III, 286—289. Ср. И. В. Ягичъ, Разсужденія южно-славянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкѣ (1896, Спб.), 303,3 04).

чѣмъ теперь, она считалась существенною, чуть ли не самою важною частью философіи» (Ягичъ, ibid., 296, 298). Теоретически и практически Максимъ Грекъ внушалъ мысль, что такое важное дѣло, какъ исправленіе книгъ или даже провѣрка произведеннаго имъ самимъ исправленія, требуетъ научно образованныхъ людей. И несмотря на то, что самъ же Максимъ указывалъ на трудность изученія греческаго языка и греческой мудрости, онъ успѣлъ кое-что сдѣлать для изученія ихъ въ Россіи: составилъ нѣсколько статей по греческой грамматикѣ [1]) и познакомилъ нѣсколькихъ лицъ, въ томъ числѣ А. М. Курбскаго, съ своимъ роднымъ языкомъ [2]).

Конечно, Максимъ Грекъ обучалъ греческому языку не въ школѣ, а частнымъ образомъ, какъ это практиковалось въ теченіе многихъ вѣковъ и до него. Можетъ быть, къ нему именно относится свидѣтельство Фабера (1525), который, сказавъ, что въ Россіи есть «гимназіи», хотя и немногочисленныя, гдѣ дѣти знатныхъ учатся на русскомъ языкѣ свободнымъ наукамъ и, преимущественно, священнымъ, добавилъ, что ради писаній св. отцовъ весьма многіе

---

[1]) Ни полной греческой, ни полной славянской грамматики Максимъ не написалъ. Ягичъ, 297, 298, 301, 302, 306—325.

[2]) Изъ другихъ учениковъ Максима называютъ Селивана (Описаніе рукоп. Солов. монастыря, I, № 138, стр. 163—4), Савву Святогорца, инока Нила (Курлятева), св. Германа казанскаго, Зиновія Отенскаго. О сочиненіи послѣдняго—«Истины показанія ко вопросившимъ о новомъ ученіи» (ученіи Ѳ. Косого)—біографъ его г. Калугинъ выразился, что оно представило собою явленіе небывалое въ русской книжности, такъ какъ имъ «было признано за разумомъ законное право на участіе въ области непререкаемыхъ вѣрованій; установлена правоспособность логической мысли, авторитетъ раціональнаго сужденія, которые являются на защиту, доказательство и выясненіе предметовъ религіознаго вѣдѣнія. Въ этомъ немаловажная заслуга Зиновія, что онъ, вопреки обычаю русскихъ книжниковъ говорить только отъ писаній, рѣшился допустить въ богословскія разсужденія такой высокой важности участіе разума и такъ ненавистнаго въ древности «мнѣнія» («Зиновій инокъ отенскій», Спб. 1894).

занимаются (очевидно—не въ «гимназіяхъ») греческимъ языкомъ, иные же изучаютъ и иностранные [1]).

Со времени Максима Грека въ русскомъ обществѣ усиливается интересъ и потребность въ греческой и латинской наукѣ, хотя они еще долго не достигаютъ своего полнаго развитія и удовлетворенія... «Греческое ученіе» питается цѣлымъ рядомъ грамматическихъ статеекъ, излагающихъ правила греческой грамматики, или отдѣльно или въ приложеніи къ славянской, а также справочными книжками для русскихъ паломниковъ на востокѣ, въ родѣ изданной Императорскимъ обществомъ любителей древней письменности («Рѣчь тонкословія греческаго»). Съ путешествіемъ на востокъ неоднократно связывается изученіе греческаго языка. Такъ, Іона Маленькій просился въ 1649 г. въ Іерусалимъ для поклоненія св. гробу, «а также для наученія греческому языку» [2]): жившій впослѣдствіи въ Чудовомъ монастырѣ старецъ Дамаскинъ «грамотѣ греческой научился» на Аѳонѣ. Съ половины XVI в. встрѣчаемся въ Константинополѣ съ молодыми русскими людьми, «паробками», посылавшимися туда московскимъ правительствомъ. Такъ, въ 1551 г. царь Иванъ IV отправилъ туда паробка Обрюту Грекова, котораго въ 1557 г. просилъ отпустить обратно въ Москву. Въ 1583 г. съ этою же цѣлью отправлены были еще двое новыхъ учениковъ. Послу нашему туда въ 1584—5 гг. Благово велѣно было сказать этимъ «русскимъ паробкамъ», чтобы они «учились греческому языку и грамотѣ радѣтельно, пристально, а не гуляли, и патріарха во всемъ слушались»; о томъ, чтобы паробковъ учили радѣтельно, посолъ долженъ былъ говорить и па-

---

[1]) Старческаго—Historiae ruthenicae scriptores caeteri saeculi XVI, vol. I, 11.

[2]) Подобнымъ образомъ, пріѣзжали въ Москву иностранцы, желавшіе изучить русскій языкъ. Въ 1519 г. мы видимъ въ Псковѣ у пресвитера—Вулкана Погу, бранденбуржца (Сборн. Имп. рус. истор. общества, I, III, 96, 100, 152), въ 1623 г. въ Нижнемъ Новгородѣ, въ Печерскомъ монастырѣ, грека Мануила Матвѣева (Моск. Арх. мин. иностр. дѣлъ. Греческія дѣла 7131 г., № 8), въ 1629 г. въ Новгородѣ—любекскихъ нѣмцевъ (А. А. Э. III, № 184).

тріарху. Въ 1585 г. въ Константинополѣ находился еще одинъ русскій, учившійся греческому языку, объ отпускѣ котораго царь просилъ въ слѣдующемъ 1586 г. Въ 1594 г. вмѣстѣ съ русскимъ посломъ Даніиломъ Ислѣньевымъ отправленъ былъ къ патріарху «малой» Тараско Елизарьевъ «для наученія греческому языку и грамотѣ»; посолъ долженъ былъ просить патріарха, чтобы онъ велѣлъ малому «у собя быти и греческому языку и грамотѣ учити», а по наученіи «прислали бы его со старцы или съ кѣмъ пригоже» [1]). Съ другой стороны, и въ Москвѣ и московскомъ государствѣ были греки,—одни на службѣ у царя [2]), другіе—по личнымъ дѣламъ, какъ упомянутый выше Мануилъ Матвѣевъ. Возможно, что и они поддерживали въ русскихъ образованныхъ кругахъ то знаніе греческаго языка и греческой мудрости, какое шло со временъ Максима Грека и какимъ отличалась особенно Троице-Сергіевая лавра. Назначеніе въ 1616 г. для книжной справы троицкаго архимандрита Діонисія со старцами Арсеніемъ Глухимъ и Антоніемъ Крыловымъ тѣмъ и мотивировалось, что «въ обители книгами исполнено» и что въ ней имѣются «духовные и разумные старцы, которые подлинно и достовѣрно извычни книжному ученію и грамматику и риторію умѣютъ» (А. А. Э., III, № 329). И, дѣйствительно, изъ этихъ образованныхъ справщиковъ «Арсеній Глухой и Антоній Крыловъ, несомнѣнно, были прекрасными знатоками греческаго языка, они старались выбирать лучшіе списки, свѣряли ихъ съ греческими книгами и по нимъ исправляли русскіе переводы; труды Максима Грека и замѣчанія его по переводу богослужебныхъ книгъ они считали для себя образцами».

Къ сожалѣнію, этихъ знатоковъ грамматики, «риторіи», «свящ. философіи» и «православія догматъ» были только единицы. Противъ нихъ стояли густыя толпы невѣжественныхъ людей, изъ которыхъ даже лучшіе не имѣли элементарныхъ свѣдѣній изъ

---

[1]) С. А. Бѣлокуровъ, Арсеній Сухановъ I (М., 1891 г.), 114. 115. Ср. М. Макарій, VIII (1877), 369, 370.

[2]) 1600—1601. Pierling, La Russie et le Saint-Siège, II, 375, 376,

грамматики и были противъ чтенія книгъ духовнаго содержанія. И это все потому, что у насъ «по русски философскихъ ученій много лѣтъ не было», по выраженію царской грамоты на имя троицкихъ справщиковъ, или, еще ближе къ истинѣ,—не было «училищъ книжныхъ философскихъ разныхъ писемъ» [1]).

Но пока была сдѣлана первая попытка завести на Москвѣ греческую школу, сильно шагнуло впередъ изученіе латинской мудрости и успѣлъ значительно увеличиться интересъ къ ней.

Димитрій Герасимовъ своимъ переводомъ грамматики Доната «несомнѣнно желалъ дать русскому юношеству въ руки учебникъ латинскаго языка» (Ягичъ), и возможно, что въ Новгородѣ, гдѣ въ началѣ XVI ст. была огранизована архіеп. Геннадіемъ [2]) ученопереводческая дѣятельность, существовала школа латинскаго языка. Нѣкоторое основаніе такъ думать даютъ, кромѣ предисловія къ переводу грамматики Доната, приложенныя къ тексту его (въ казанской рукописи) латинскія изреченія и молитвы.

Это предположеніе тѣмъ легче допустимо, что въ оживившихся съ конца XV ст. сношеніяхъ Москвы съ западомъ Новгородъ былъ этапнымъ, такъ сказать, пунктомъ—и по географическимъ, и по историческимъ условіямъ. Въ силу этого же кажутся правдоподобными и позднѣйшія свидѣтельства иностранцевъ: Бухау—о намѣреніи Іоанна Грознаго завести въ Новгородѣ и Москвѣ школы для обученія дѣтей латинскому и нѣмецкому языкамъ [3]) и Коллинса о томъ, что царь дѣйствительно

---

[1]) Соболевскій, Образованность Моск. Руси XV—XVII вв. (1892) 21. Космографія, изд. Общ. Люб. Древн. письмен. (№№ XXI—LVII—LXXIII), 270.

[2]) Въ послѣсловіи къ переведенному Герасимовымъ въ 1500 г. «изъ нѣмецкія псалтыри» «надписанію псалмовъ» говорится: «Переводилъ Митица Малый. А преже того года за два переводилъ архіепископъ... и потомъ Митя; а тутъ же опять Митя» (проф. А. С. Архангельскій, Образованіе и литература въ Московскомъ государствѣ въ XV—XVII вв.—Казан. унив. извѣстія 1900, май—іюнь, 144).

[3]) Scriptores rerum Livonicarum, II (1848), 702,—у М. И. Сухомлинова, Языкознаніе въ древней Россіи (Уч. Зап. II отд. Имп. академіи наукъ, 1854, кн. I, 230, 1).

учредилъ въ Москвѣ въ 1560 г. латинское училище, которое скоро было разрушено врагами просвѣщенія [1]).

При Борисѣ Годуновѣ сближеніе русскаго общества съ западной наукой пошло еще дальше. Правда, царь отклонилъ по религіознымъ мотивамъ просьбу короля Сигизмунда III, выраженную его посольствомъ по случаю восшествія Бориса на престолъ (1600), о позволеніи завести въ Москвѣ, Псковѣ, Новгородѣ, Смоленскѣ и др. главнѣйшихъ мѣстахъ Россіи костелы для поляковъ, а при костелахъ коллегіи для обученія русскихъ латинскому языку и о разрѣшеніи послѣднимъ учиться въ польско-латинскихъ школахъ (Сборн. кн. Оболенскаго, 9). Но за то онъ, быть можетъ вслѣдствіе этой просьбы, проектировалъ (1601) открыть въ самой Россіи правильныя школы для изученія языковъ и даже университетъ [2]). И когда этотъ проектъ разбился о противодѣйствіе духовенства, которое представило царю, что многоязычіе внесетъ смуту въ русскую землю, доселѣ единую по вѣрѣ, нравамъ и языку,—Годуновъ въ 1602—3 г. отправилъ нѣсколько молодыхъ людей за границу—во Францію (6 ч.), въ Англію (4) и въ Германію (въ Любекъ, 5 чел.) учиться тамъ латинскому, англійскому

---

[1]) Проф. В. С. Иконниковъ, Изслѣдованіе о главныхъ направленіяхъ въ наукѣ русской исторіи въ связи съ ходомъ образованности (Кіев., Ун. Изв., 1869, дек., 24).

[2]) Слухи о томъ ходили даже по Европѣ, какъ это видно изъ письма къ ц. Борису Тобіаса Лонціуса, лиценціата государственнаго права, изъ Гамбура отъ 24 янв. 1601 г. (Кн. Н. В. Голицынъ, Научно-образовательныя сношенія Россіи съ западомъ въ нач. XVII в. Чтенія въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1898, VI, отд. III, 23. 32). Фантазирующій въ вопросахъ, касающихся исторіи русскаго просвѣщенія, В. Татищевъ заявляетъ, что Борисъ Годуновъ это «Спасское училище *для всенароднаго обученія* устроилъ, что̀ по немъ невѣждами разорено и ученіе другихъ языковъ за ересь почтено» (Ист. Рос., I, 575; ср. III, 486, гдѣ говорится о *возобновленіи* (впослѣдствіи) спасскаго училища). Не это ли училище Татищевъ въ разговорѣ «двухъ пріятелей о пользѣ наукъ и училищъ» превращаетъ въ основанную п. Іовомъ «школу для ученія греческаго и латинскаго языковъ... чтобы поповъ имѣть ученыхъ» (Чт. въ общ. ист. и древн. росс., 1887, I)?

и нѣмецкому языкамъ и наукамъ [1]). Хотя цѣль посылки была не исключительно научно-образовательная, а вызванная потребностями посольскаго приказа, и посланые не вернулись обратно (кромѣ нѣкоего Димитрія, всѣ разбѣжались и остались на западѣ и даже измѣнили православію),—тѣмъ не менѣе этотъ эпизодъ свидѣтельствуетъ о назрѣвшемъ въ русскомъ обществѣ стремленіи знакомиться съ западной наукой въ центрахъ ея [2]). Стремленіе это подтверждается присягой Сигизмунда III Салтыкову съ товарищами (1610), по которой московскимъ людямъ открывалась свобода ѣздить съ образовательными цѣлями въ другія христіанскія страны [3]).

---

[1]) Хроника М. Боэра (Бусова)—у Устрялова въ Сказаніяхъ современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, I, 12—13 (1837). Ср. кн. Голицынъ, о. с.

[2]) «Попытка Бориса Годунова привить русскимъ людямъ з.-европейскую образованность окончилась неудачно, или, лучше сказать, слишкомъ удачно, такъ какъ предназначенные имъ къ тому молодые люди дали себя чрезъ мѣру увлечь блескомъ западной цивилизаціи и забыли и родину свою, и вѣру своихъ соотечественниковъ, и цѣль, съ которой они были отправлены за границу» (Голицынъ). Впослѣдствіи, въ 1616 г., былъ отправленъ въ Англію для приготовленія къ званію придворнаго медика Ив. Ив. Алманзеновъ, сынъ переводчика посольскаго приказа. Въ 1629 г. король Карлъ I писалъ о немъ ц. Михаилу Ѳеодоровичу, что онъ помѣщенъ былъ въ Кембриджскій университетъ и сдѣлалъ большіе успѣхи въ англійскомъ, латинскомъ и греческомъ языкахъ и въ свободныхъ искусствахъ, а теперь, для продолженія образованія, отправился во Францію и въ Италію. Король писалъ, что по возвращеніи его оттуда онъ будетъ порученъ заботамъ докторской коллегіи для обученія физикѣ и другимъ добрымъ наукамъ, чтобы сдѣлать изъ него полезнаго слугу царя. Возвратился ли онъ въ Москву и когда—неизвѣстно. Но интересно, что въ то время, какъ родители нѣкоторыхъ изъ молодыхъ людей, посланныхъ Борисомъ, «безпрестанно» и «съ великою докукою» били государю челомъ о скорѣйшемъ возвращеніи сыновей, отецъ Алманзенова выражалъ желаніе, чтобы онъ оставался въ Англіи, «покамѣсть докторству навыченъ будетъ» (ib.).

[3]) Сборн. Муханова (Спб. 1866), 177. Шляпкинъ, о. с., 229, прим. 2.

О томъ же говорятъ относящіеся къ концу XVI и нач. XVII в. переводы книгъ разнаго содержанія съ латинскаго и польскаго языковъ [1]), попадающіеся въ Великороссіи въ это время учебники этихъ языковъ [2]), а также люди съ знаніемъ ихъ, равно какъ лица съ болѣе широкимъ умственнымъ кругозоромъ, болѣе свободными воззрѣніями и симпатіями къ западу.

Вообще смутное время имѣло огромное значеніе въ исторіи общественной мысли, научныхъ потребностей и пріобрѣтеній. «Тяжелое испытаніе, которое пережила Московская Русь въ то время, говоритъ Соловьевъ, подрывая китайскій взглядъ на собственное превосходство, естественно и необходимо порождало въ живомъ народѣ стремленіе сблизиться съ тѣми народами, которые оказали свое превосходство, позаимствовать отъ нихъ то, чѣмъ они явились сильнѣе; сильнѣе западные народы явились своимъ знаніемъ и искусствомъ и потому надобно было у нихъ выучиться». Послѣ того какъ взбудораженная русская жизнь вошла въ свое русло, участились выписки изъ-за границы людей практики и умѣнія, необходимыхъ для промышленно-техническихъ работъ. Все чаще и чаще появляются на Москвѣ выходцы изъ Польши и юго-западной Россіи, представители разныхъ искусствъ и ремеслъ, пересаживающіе на русскую почву разнообразныя проявленія западной матеріальной культуры. Но правительство долго еще не рѣшается устраивать у себя нужныя профессіональныя школы,—даже прикладная западная наука все еще кажется неотдѣлимой отъ вѣроисповѣдныхъ западныхъ особенностей... тѣмъ менѣе могло думать правительство объ учрежденіи общеобразовательныхъ школъ по латино-польскимъ образцамъ или въ ихъ духѣ.

---

[1]) О нихъ у проф. Шляпкина и А. И. Соболевскаго (Западное вліяніе на литературу московской Руси XV—XVII вв. Спб., 1899).

[2]) Быть можетъ, іезуиту Лавицкому удалось получить партію ихъ для проектированныхъ Лжедимитріемъ школъ, о чемъ онъ писалъ провинціалу Гродзицкому.

Ранѣе того было сдѣлано нѣсколько попытокъ устройства общеобразовательнаго училища при помощи грековъ, попытокъ, вызванныхъ, впрочемъ, практической нуждой—переводомъ и исправленіемъ богослужебныхъ книгъ. Первая такая попытка произошла въ 1632 г., когда московское правительство обратилось съ просьбой о присылкѣ учителя къ константинопольскому патріарху Кириллу Лукарису и когда, еще до удовлетворенія ея, поручило пріѣхавшему вновь въ Москву греческому архимандриту Іосифу [1]) переводить книги на славянскій языкъ и учить на учительскомъ дворѣ ребятъ греческому языку и грамотѣ [2]). Впрочемъ, о педагогической дѣятельности Іосифа въ Москвѣ ничего неизвѣстно.

---

[1]) Упоминавшійся уже нами Іосифъ, святогорскій монахъ, получивъ въ концѣ 1620 г. званіе протосингела Кирилла Лукариса (тогда александрійскаго патіарха), былъ посланъ послѣднимъ въ Кіевъ «и на Литву и на всю бѣлую Русь для науки и утвержденія вѣры христіанскіе», при чемъ Кириллъ далъ ему учительную грамоту, по которой, между прочимъ, онъ долженъ былъ охранять западноруссовъ отъ пропаганды «люторской». Іосифъ «въ тѣхъ городѣхъ для науки былъ года сдва», по февраль 1622 г. (по другому заявленію Іосифа, онъ жилъ все это время въ Кіевѣ, въ Печерскомъ монастырѣ), когда поѣхалъ въ Москву для милостыни (Моск. арх. мин. ин. дѣлъ. Греч. дѣла. 7130—7131 г., № 2). Чрезъ годъ выѣхалъ изъ Москвы и до 1632 г. жилъ въ Кіевѣ, откуда, впрочемъ, еще разъ ѣздилъ въ Москву за милостыней въ мартѣ 1630 г. (Малор. дѣла 1630, № 1), принимая участіе въ переводческихъ работахъ кіево-печерскихъ старцевъ; при его участіи изданы «бесѣды Іоанна Златоуста на дѣянія апостольскія» (1624) и „Аввы Дороѳея поученія душеполезныя“ (1628).

[2]) Греческія дѣла Моск. арх. мин. ин. дѣлъ, 7141, сент. 7, № 2. Въ другомъ мѣстѣ добавлено: „Да ему жъ переводить съ греческаго языка на словенскій книги на латинскія ереси». Это добавленіе, свидѣтельствуя о распространившемся въ русскомъ обществѣ польско-латинскомъ вліяніи даже въ религіозной области, заставляетъ обратить вниманіе на возникшее въ томъ же 1632 г. дѣло о кн. Ив. Хворостининѣ, который пошатнулся въ вѣрѣ еще состоя при разстригѣ, и съ тѣхъ поръ онъ, несмотря на ссылку, увлекался латинствомъ,—у него были латинскіе образа и книги латинскія еретическія, и собирался отъѣхать въ Римъ или въ Литву (Соловьевъ, II, 1372, 1373).

Возможно, что онъ всецѣло занялся переводами, тѣмъ больше, что п. Кириллъ Лукарисъ, узнавъ о данномъ ему порученіи, благословилъ его на переводческую дѣятельность, прислалъ нѣсколько полемическихъ противъ латинянъ книгъ и пообѣщалъ прислать требуемаго учителя [1]).

V.

Вновь вопросъ объ устройствѣ въ Москвѣ греческой школы былъ возбужденъ уже по вступленіи на престолъ Алексѣя Михайловича. Прибывшій въ Москву за милостыней палеопатрасскій митрополитъ Ѳеофанъ писалъ въ челобитной царю (1645 г.): «Да повелиши быть (въ Москвѣ) греческой печати и пріѣхати греческому учителю учити русскихъ дѣтей философства и богословія, греческому языку и по русскому» [2]). Самъ Ѳеофанъ взялся подыскать подходящаго для того дѣла человѣка и нашелъ его въ лицѣ проживавшаго въ Кіевѣ константинопольскаго архимандрита Венедикта (его хотѣлъ залучить въ свою коллегію Петръ Могила), который и явился въ Москву въ мартѣ 1646 г. «для печати и ученія». Но здѣсь Венедиктъ произвелъ крайне непріятное впечатлѣніе своимъ самохвальствомъ, напыщенностью, ученой надутостью, мелочной притязательностью, жадностью и плутовствомъ (Каптеревъ, Характеръ... 240—242, 484—486). Тогда п. Іосифъ поручилъ отъ себя греку Ив. Петрову пріискать на востокѣ подходящаго учителя. Петровъ въ 1649 г. донесъ патріарху о «нѣкоторомъ учителѣ смышленномъ эллинскому языку

---

[1]) Н. Ѳ. Каптеревъ, Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ (М., 1891), 482 и прилож., 6—7 стр.

[2]) Челобитная м. Ѳеофана напечатана въ чтеніяхъ Общества любителей дух. просвѣщенія, 1881, іюль, 74—77, въ статьѣ проф. Каптерева: „Слѣдственное дѣло объ Арсеніи Грекѣ“ (Отрывки—въ „Характерѣ“... 484).

и разсудителѣ Евангельскому слову», подобнаго которому не обрѣтается во всей вселенной и ни въ которомъ мѣстѣ. Это былъ Мелетій Спригъ, который, впрочемъ, несмотря на выраженное имъ желаніе, въ Москву не явился (ib., 487). Вмѣсто него въ январѣ 1649 г. прибылъ Арсеній Грекъ, учительствовавшій предъ тѣмъ въ Кіевѣ и рекомендованный московскому правительству іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ, въ свитѣ котораго Арсеній и пріѣхалъ сюда, быть можетъ, разсчитывая послужить тому дѣлу, для котораго какъ разъ въ это время вызывались московскими властями старцы-учителя изъ Кіева. Знаніе Арсеніемъ греческаго, латинскаго и славянскаго языковъ, дѣйствительно, было оцѣнено на Москвѣ и правительство оставило его здѣсь «для риторическаго ученія». Но учительствовать Арсенію пришлось не долго. Самъ Паисій по пути домой прислалъ изъ Кіева доносъ на Арсенія, что онъ учился у іезуитовъ [1]), что нѣсколько разъ мѣнялъ свою вѣру и что онъ скорѣе еретикъ, чѣмъ православный. Дознаніе подтвердило этотъ доносъ и Арсеній, только что открывшій ученіе [2]), попалъ въ Соловки подъ крѣпкій начало. Въ 1652 г., со вступленіемъ на патріаршій престолъ Никона, Арсеній былъ возвращенъ изъ ссылки и ему была поручена книжная справа и школьное дѣло. Въ расходной книгѣ патріаршаго казеннаго приказа уже 6 апр. 1653 г. записанъ крупный расходъ (7 рублей) на «5 стопъ бумаги книжной доброй, которой взято на борисовскій дворъ гречанину старцу Арсенію для училища дѣтемъ» [3]).

---

[1]) Арсеній учился въ аѳанасіевской коллегіи въ Римѣ и въ венеціанской школѣ („Слѣдств. дѣло"... Каптерева).

[2]) Отъ 1650 г. сохранилось заявленіе нѣкоего Стеф. Олябьява, что онъ хотѣлъ учиться по латыни у Арсенія Грека, но когда того сослали на Соловки, то онъ пересталъ учиться и азбуку изодралъ, по внушенію Лучки Голосова и Ивашка Засѣцкаго, которые говорили: перестань де учиться по латыни, дурно-де, а какое дурно, не сказали" (В. О. Ключевскій, Литографированныя лекціи по русской исторіи за 1883—4 уч. годъ, 38).

[3]) Проф. П. Ѳ. Николаевскій, Московскій печатный дворъ при п. Никонѣ. Хр. чт. 1891, II, 173—174. По предположенію о. Николаев-

Что въ арсеніевской школѣ учили не только первымъ начаткамъ грамоты, но и другимъ предметамъ, видно изъ свидѣтельства Адама Олеарія въ изданіяхъ 1656 и 1663 г. его описанія путешествія въ Россію: «въ настоящее время, говорится здѣсь, по распоряженіямъ патріарха и вел. князя русское юношество начинаютъ обучать греческому и латинскому языку; для этого близъ патріаршаго двора учреждена уже латинская и греческая школа, которою завѣдываетъ и управляетъ инокъ Грекъ по имени Арсеній». Благодаря, вѣроятно, Олеарію, арсеніевская школа получила такую широкую извѣстность, что въ 1656 г. изъ Рима направился въ Москву извѣстный Юрій Крыжаничъ съ намѣреніемъ сдѣлаться учителемъ въ новоучрежденной философской, по его словамъ, школѣ [1]).

скаго, эта школа помѣщалась въ Чудовомъ монастырѣ, соединявшемся тогда съ патріаршими палатами особой перекидной аркой. И другіе авторы называютъ ее чудовской. Между тѣмъ помѣщеніе ея, кажется, ясно опредѣляется сдѣланной проф. Николаевскимъ выпиской. Это—Борисовскій дворъ, т. е. бывшія палаты царя Бориса Годунова, находившіяся рядомъ со старымъ потріаршимъ домомъ. Въ 1652 г. Борисовъ дворъ былъ отданъ царемъ п. Никону, который и сталъ воздвигать здѣсь великолѣпный патріаршій дворецъ. Кромѣ собственно патріаршаго дома было построенно множество отдѣльныхъ палатъ, въ одной изъ которыхъ въ 1652 г. былъ помѣщенъ Арсеній—крестовый черный попъ. Въ расходной книгѣ патріаршаго казеннаго приказа значится запись: куплено ременье и бѣлая кожа на обивку къ дверямъ на Борисовскій дворъ въ палату, гдѣ живетъ старецъ Арсеній Гречанинъ (Л. 353 об.—Рукописное сочиненіе г. Н. Писарева. Домашній бытъ русскихъ патріарховъ, прилож. № 4: записки расходныхъ книгъ патріаршаго казеннаго приказа о постройкѣ патріаршаго дома и двора). Вѣроятно, школа находилась въ помѣщеніи самого Арсенія. Послѣ же для нея было устроено новое помѣщеніе въ тѣхъ же новыхъ патріаршихъ палатахъ.

[1]) Бильбасовъ, Юрій Крыжаничъ (новыя данныя изъ римскаго архива). Рус. Стар., 1892, III, 452, 464—6. Въ Москву Крыжаничъ попалъ только въ 1659 г., а черезъ два года былъ сосланъ въ Тобольскъ, откуда вернулся въ 1676 г. Крыжанину не пришлось учить въ этой философской школѣ. Интересно, что по возвращеніи изъ ссылки Кры-

Немалое значеніе въ рѣшеніи вопроса о существованіи въ Москвѣ въ началѣ второй половины XVII в. школы свободныхъ наукъ имѣетъ составъ книгъ, пріобрѣтенныхъ Арсеніемъ Сухановымъ на Аѳонѣ во вторую его поѣздку на востокъ (съ 16 окт. 1653 по 22 февр. 1655 г). Изъ полутысячи почти рукописей и книгъ, добытыхъ Арсеніемъ, около 58—свѣтскаго содержанія. Это сочиненія Аристотеля (7 рук.), Гомера (3), Софокла, Демосѳена, Плутарха, Гезіода (по 2), Эсхила, Ѳукидида, Аристида (по одной), 17 сборниковъ сочиненій разныхъ авторовъ, 8 рукописей, содержащихъ различныя грамматическія и риторическія сочиненія, лексиконы, 5 рукописей медицинскаго содержанія и др. Всѣхъ такихъ рукописей даже болѣе, чѣмъ богослужебныхъ.

Въ 1653 г. въ Москву прибылъ митрополитъ Навпакта и Арты Гавріилъ Власій, бывшій прежде учителемъ въ Молдавіи, потомъ въ Константинополѣ и присланный патріархами спеціально для устройства греческой школы и учительства въ ней. Но правительство не пожелало имѣть учителемъ такого важнаго и сановитаго человѣка, объясняетъ Каптеревъ, и отослало его, тѣмъ больше, что рекомендовавшій его патріархъ іерусалимскій Паисій писалъ о немъ, что онъ «готовъ есть побыти колико время ему возможно, а мы ему тако-же обѣщалися, что ему имѣти волю свою» (Каптеревъ, Характеръ... 489—493). Но еще лучше объяснять непринятіе Власія тѣмъ, что онъ былъ ненадобенъ при наличности учителя Арсенія Грека, котораго Паисій и хотѣлъ замѣнить Власіемъ, чтобы загладить вину своей неудачной рекомендаціи. Быть можетъ, потому же не былъ принятъ въ Москвѣ и прибывшій въ 1657 г. изъ Венеціи греческій философъ и учитель Николай Мориційй. [1])

жаничъ въ посланіи къ ц. Ѳеодору наставлялъ его ввести изученіе сочиненій другихъ философовъ и писателей классическаго міра, несправедливо обвиненныхъ русскими книжниками Ученыя Зап. Казан. универс., 1865, I 16, 17; ср. Замысловскій, Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, I, 132, 133.

[1]) Сношенія съ востокомъ, III, 787 (Рукоп. Моск. дух. акад. у Голубинскаго, Прав. обозр., 1872, II, 57, прим. 50). Каптеревъ называетъ его Морицкимъ (Характеръ... 322).

Такимъ образомъ восточные патріархи, еще съ 1585 г. убѣждавшіе московское правительство устроить школы чистаго греческаго ученія, съ своей стороны сдѣлали очень немного для осуществленія своей мысли. Присылавшіяся ими лица не всегда удовлетворяли требованіямъ русскихъ или по нравственной неблагонадежности, или по своему самомнѣнію, хотя они въ большинствѣ случаевъ были люди очень ученые, даже съ заграничнымъ образованіемъ (напр., Арсеній Грекъ, Гавріилъ Власій [1]), а можетъ быть и Венедиктъ). Все это и особенно послѣднее обстоятельство вредило чисто-греческому направленію школьнаго обученія, такъ какъ подрывало довѣріе къ греческой учености, представленной столь недостойными людьми, и обращало умы къ источникамъ западной науки, знакомство съ которой, по переводнымъ учебникамъ, началось еще съ XVI в. Туда же направляло симпатіи великоруссовъ все усиливавшееся знакомство ихъ съ западнорусской школой и ея продуктами.

Первыми піонерами западнорусской учености на Москвѣ были старые братскіе учителя Лаврентій Зизаній съ своимъ Катихизисомъ (съ 24 апр. 1626 г.) и Кириллъ Транквилліонъ (съ 6127 г.; впрочемъ, его Учительное Евангеліе уже въ 1622 г. снискало на Москвѣ симпатіи нѣкоторыхъ лицъ). Хотя ихъ литературные труды съ заключавшимися въ нихъ новыми взглядами и новыми пріемами подверглись сильному неодобренію со стороны представителей московской книжности и даже сожженію (Евангеліе Транквилліона. Дворцовые разряды, I, 980—982; II, 821—822),—тѣмъ не менѣе они и послѣ пользовались въ обществѣ значеніемъ, что видно изъ того, что Евангеліе Транквилліона чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ потребовало новаго запрещенія (1665), и Катихизисъ въ исправленномъ п. Филаретомъ видѣ служитъ и по сіе время настольной книгой у раскольниковъ... И это были не единственныя «литовской печати» книги, попавшія въ 20—40-хъ годахъ XVII ст. въ Москву и нашедшія себѣ здѣсь пріютъ,

[1]) Н. Каптеревъ, Сношенія іерусалимскаго патріарха Досиѳея съ рус. правительствомъ (М. 1891), 118, прим. 25.

одобреніе неофиціальное и официальное и даже распространеніе. Достаточно вспомнить о составѣ «Кирилловой книги» и «Книги о вѣрѣ», а также о переизданіи переведенныхъ съ западнорусскаго грамматики М. Смотрицкаго и Малаго Катихизиса (Петра Могилы). И хотя московское правительство оставило было безъ вниманія проектъ м. Петра Могилы (1640) основать въ Москвѣ монастырь, на подобіе Кіево-братскаго, съ училищемъ, въ которомъ бы дѣти боярскія и простого чину учились греческой и славянской грамотѣ, и предложеніе его прислать изъ Кіева для училищъ благообразныхъ иноковъ и добре ученыхъ учителей (Апр. 1640 г. А. Ю. и З. Р., Ш, №№ 33, 34), но спустя немного лѣтъ вспомнило о немъ по поводу неудачныхъ преній о вѣрѣ, связанныхъ съ сватовствомъ датскаго королевича Вальдемара (1644), когда его пасторъ Фельгаберъ кололъ глаза своимъ московскимъ совопросникамъ отсутствіемъ у нихъ школъ и академій, ихъ незнаніемъ языковъ (Голубцовъ, Пренія о вѣрѣ, 1891 г., 248). И вотъ уже въ 1648 г., выпуская въ свѣтъ грамматику Смотрицкаго, оно снабдило ее любопытнымъ предисловіемъ, доказывающимъ необходимость широкаго богословскаго и свѣтскаго образованія—и теоретически, и практически—примѣрами знаменитѣйшихъ отцовъ церкви, изучившихъ грамматику, философію, риторику, ариѳметику, землемѣріе и музыку. Что касается, въ частности, свѣтскихъ («внѣшнихъ») наукъ, то хотя ихъ «мнози отъ христіанъ ненавидятъ и отмещутъ; яко пакостно и навѣтно, и отъ Бога разлучающо», потому только, что «нѣціи отъ внѣшнія премудрости повредишася умомъ», то о нихъ въ предисловіи прямо заявляется, что дѣйствительно нужно отвергать «лестное и пагубное, сирѣчь боготворенія бѣсовомъ», но что относится къ познанію сущаго, то можно принять. [1])

Въ это же время осуществилась мысль Петра Могилы: царскій постельничій, молодой бояринъ Ѳ. М. Ртищевъ, не безъ согласія и одобренія царя, въ промежутокъ времени между 1645—

[1]) Предисловіе къ грамматикѣ 1648 г. Переиздано въ 1888 г. братствомъ св. Петра митрополита.

7 гг. устроилъ на Воробьевыхъ горахъ Андреевскій монастырь, вызвавъ въ него до 30 иноковъ изъ южно-русскихъ монастырей «ради свободныхъ мудростей ученія» (Г. Ротаръ. Кіев. Стар. 1900, IV, 376). На расположеніе Ртищева къ книжной мудрости не остался, вѣроятно, безъ вліянія противникъ никоновскихъ реформъ Спиридонъ Потемкинъ, о которомъ діаконъ Ѳеодоръ писалъ сыну Максиму, что онъ «бѣ премудръ, и писанію св. книгъ искусенъ вельми, умѣя бо самъ гречески и латински языкъ до конца, и польскій, и ученый бѣ человѣкъ, и вся дни живота своего надъ книгами просидѣлъ» (Мат. для ист. раск., VI, 230—231). Главнымъ занятіемъ андреевскихъ иноковъ былъ переводъ книгъ, но нѣкоторые изъ нихъ преподавали и въ школѣ. Сохранилось слѣдственное дѣло по доносу чернца Саула, производившееся въ апрѣлѣ 1650 г. У этого Саула 5 марта собрались благовѣщенскій дьячокъ Костка Чвановъ, Ив. Засѣцкій да *ртищевскій ученикъ Лучка Голосовъ* и шептали между собою: «учится у кіевлянъ Ѳеодоръ Ртищевъ греческой грамотѣ, а въ той грамотѣ и еретичество есть». Еще ранѣе, на масленной недѣлѣ, Голосовъ просилъ дьячка Константина извѣстить благовѣщенскаго попа—царскаго духовника, что что онъ у кіевскихъ чернцовъ учиться не хочетъ, такъ какъ старцы недобрые и онъ въ нихъ добра не позналъ; теперь онъ учится только изъ страха предъ Ртищевымъ, а впредь учиться не хочетъ, потому что кто по латыни научится, тотъ съ праваго пути совратится. Вмѣстѣ съ тѣмъ собесѣдники сговаривались, какъ бы остановить двухъ другихъ учениковъ ртищевской школы Ив. Озерова и Порф. Зеркальникова, получившихъ при содѣйствіи Ртищева проѣзжую грамоту и уже отправившихся въ Кіевъ доучиваться у тамошнихъ старцевъ по латыни. При этомъ выяснилось, что они, собираясь въ Кіевъ, еще лѣтомъ 1649 г. просили о томъ своего духовнаго отца Ѳому и тотъ, хотя не одобрилъ ихъ намѣренія, но, считаясь съ ихъ непреклонной рѣшимостью и «безпрестанными слезами», далъ свое благословеніе. Была рѣчь и о томъ, что кіевлянъ сталъ жаловать бояринъ Морозовъ [1]).

[1]) М. Макарій, XI, 134—136. О пребываніи въ Кіевѣ Зеркальникова см. нашу замѣтку: «П. Т. Сѣменниковъ-Зеркальниковъ» (Ли-

Вѣроятно ртищевская школа была уже въ ходу, когда правительство рѣшило отъ себя вызвать изъ Кіева на время еще двухъ старцевъ спеціально «для справы библѣи и для риторскаго ученія». Правительству были извѣстны по слухамъ кіевскіе ученые монахи Дамаскинъ Птицкій и Арсеній Сатановскій, какъ люди, «божественнаго писанія вѣдущіе и еллинскому языку навычные и съ еллинскаго языка на словенскую рѣчь перевести умѣющіе и латинскую рѣчь достаточно знающіе» [1]). Сначала грамота о вы-

---

тературный вѣстникъ, 1901, VII). Въ дополненіе къ сказанному въ ней, сообщимъ, что доказательствомъ полученнаго Сѣменниковымъ кіевскаго образованія является приготовленіе имъ къ печати, «въ наученіе православному великороссійскому роду», «Лексикона греко-славяно-латинского» Епифанія Славинецкаго, собственноручный списокъ котораго онъ поднесъ въ 1687 г. п. Іоакиму. Въ это время онъ былъ уже въ отставкѣ, послѣ девятнадцатилѣтней службы (съ 1666 по 1685 г.) въ патріаршемъ казенномъ приказѣ. (Опис. докум. и бумагъ, хранящихся въ Москов. архивѣ минист. юстиціи, IX. Изслѣдованіе г. Шимка, 13, прим. 52; 25, прим. 131). Объ Озеровѣ знаемъ только то, что, принятый п. Никономъ въ справщики (1 янв. 1654 г.), онъ пользовался его вниманіемъ (Хр. чт. 1891, II, 164, 165), что́ позволяетъ думать, что Озеровъ былъ человѣкъ съ образованіемъ. Какъ кажется въ Кіевѣ учился даже Лучка Голосовъ. По крайней мѣрѣ, онъ (Лукашка Голосъ) поднесъ 26 дек. 1682 г. Софіи Алексѣевнѣ поздравленіе, заключающее въ себѣ титулъ и привѣтствіе царевнѣ, слово о воплощеніи І. Христа, стихи для отроковъ и канонъ на Рождество Христово въ стихахъ. Еще раньше, въ 1675 г., онъ участвовалъ въ посольствѣ въ Польшу и получилъ вмѣстѣ съ двумя послами и дьякомъ Прозоровымъ порученіе доставить книги на польскомъ и латинскомъ языкѣ «на укоризну отъ іезуитовъ» (Шляпкинъ, о. с., 66, 75, 231).

[1]) Относительно Сатановскаго правительство ошиблось: въ февралѣ 1651 г. въ челобитной царю онъ заявилъ, что греческаго языка не знаетъ. Но знаніе латинскаго языка онъ доказалъ въ 1652 г. переводомъ сочиненія мейсенскаго проповѣдника Мефрети—«Оградъ Царицы», имѣвшаго сильное вліяніе на южно-русскихъ проповѣдниковъ и богатаго свѣдѣніями по естественной исторіи (А. Ю. и З. Р., III, стр. 480. Хр. чт. 1891, I, 170).

сылкѣ ихъ въ Москву была отправлена въ началѣ 1649 г. (или въ 1648 г.) черниговскому еп. Зосимѣ—за отсутствіемъ изъ Кіева м. Сильвестра, а въ маѣ 1649 г. самому митрополиту. Сильвестръ Коссовъ послалъ въ Москву Арсенія и, вмѣсто Дамаскина, Епифанія Славинецкаго, которые прибыли на мѣсто 12 іюля; Дамаскинъ пріѣхалъ только въ ноябрѣ слѣд. года. Всѣ трое занимались по указанію правительства переводомъ на славянскій языкъ разныхъ греческихъ и латинскихъ книгъ—по исторіи, географіи, естественнымъ наукамъ, такимъ образомъ и возбуждая и удовлетворяя все усиливавшуюся въ русскомъ обществѣ потребность въ новыхъ знаніяхъ, за предѣлами того тѣснаго круга свѣдѣній, въ которомъ доселѣ вращалась русская мысль.

Относительно Славинецкаго большинство изслѣдователей убѣждены, что онъ занимался и учительствомъ и что въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ онъ жилъ, существовала школа греческаго языка (перечень ихъ у г. Ротара—Кіев. Стар., 1900, IV, 383, 384). Основаніями для нихъ являются: а) свидѣтельство статьи «О мудрѣйшемъ іеромонасѣ Епифаніи Славинецкомъ и о Симеонѣ Полоцкомъ», что первый призванъ въ Москву царемъ «ради наученія славенороссійскаго народа дѣтей еллинскому наказанію» (Остенъ, стр. 70); б) двукратная отмѣтка въ современной приказной записи о пріѣздѣ Епифанія, что онъ явился для «риторическаго ученія» (А. Ю. и З. Р., Ш, № 330. Каптеревъ, Актовая рѣчь, 20, 21); в) отвѣтъ шведскому посланнику Лигіенталю Паисія Лигарида: «О вѣрѣ грековъ и росіянъ относительно св. Евхаристіи» (1666), написанный «in Alexiano Musaeo» [1]), т. е. въ училищѣ въ Чудовскомъ монастырѣ св. Алексія. Что въ Чудовскомъ монастырѣ была школа—это несомнѣнно, но школа славянская [2]), и если разумѣть подъ лигаридовскимъ «музеемъ» училище, то не это, а открытую по повелѣнію ц. Алексѣя въ Спасскомъ мона-

---

[1]) А. В. Горскій, О духовныхъ училищахъ въ Москвѣ въ XVII ст. (Приб. къ Твор. св. отцовъ, 1845, Ш, 157).

[2]) Въ 1685—1692 г. учителемъ въ ней былъ Аѳанасій Нестеровъ (М. Сменцовскій, братья Лихуды; 37, прим. 1).

стырѣ латинскую школу Симеона Полоцкаго, съ которымъ Паисій Лигаридъ былъ близокъ по сходству образованія и по единству нѣкоторыхъ литературныхъ работъ. Самъ же Епифаній и жилъ долгое время не въ Чудовомъ монастырѣ: по розысканіямъ г. Ротара, онъ по пріѣздѣ въ Москву былъ поселенъ на дворѣ большого московскаго приказа, откуда переведенъ былъ въ Чудовъ монастырь только въ 1657 г. (Кіев. Стар., 1900, IV, 21). Ко всему этому присоединяется полное умолчаніе самого Славинецкаго о педагогической дѣятельности своей. Правда, у него были ученики—Евѳимій, іерод. Дамаскинъ. О первомъ изъ нихъ младшій современникъ его Ѳеодоръ Поликарповъ говоритъ въ предисловіи къ филологическому словарю Епифанія: «подарилъ сію премудрую книгу, творенія и рукъ самыя трудъ богомудраго отца Епифанія Славинецкаго, *ученикъ его*, пречестный отецъ Евѳимій» (Кіев. Ст., 1900, IV, 384). «Подъ руководствомъ этого филолога, заявляетъ проф. Николаевскій, Евѳимій прекрасно изучилъ греческій языкъ, также латинскій, польскій и даже еврейскій; вполнѣ ознакомился съ отеческою литературою не только въ русскихъ и славянскихъ переводахъ, но и въ греческихъ подлинникахъ; самъ сдѣлалъ потомъ массу переводовъ съ греческихъ книгъ, строго придерживаясь языка подлинника согласно съ духомъ и наставленіями своего учителя; кромѣ того явился плодовитымъ писателемъ и неутомимымъ дѣятелемъ въ защиту православія и на пользу русской церкви» (Хр. чт., 1891, II, 158). Между тѣмъ современники рѣшительно заявляютъ, что Евѳимій не въ училищѣ учился. Такъ, Сильвестръ Медвѣдевъ въ книгѣ о Маннѣ хлѣба животнаго говоритъ: «тетратей списатель (Евѳимій) человѣкъ неученый... не точію силогизмы добрѣ вѣсть, имъ же не учился, но и грамматики совершенно, не точію греческія, но и славянскія, не разумѣетъ; точію нѣчто греческихъ реченій памятствуетъ. И тому нача учитися не младъ и не во училищѣ, но въ монастырѣ за медомъ, за пивомъ и за виномъ, и съ лексиконовъ нѣкія словеса... тщится на славянскій языкъ переводити». Домецкій Гавріилъ называетъ Евѳимія человѣкомъ, «всю науку свою окончившимъ псалтырью». И еще рѣшительнѣе выражается діак. Петръ Артемьевъ: «Въ ко-

торыхъ академіяхъ учился?—обращается онъ къ Евѳимію,—развѣ за печкой въ углу, что сверчокъ или муха въ щели. Рцы ми: у которыхъ ты богословцевъ учился? вразумися, блудниче! непщуеши себе жива быти, а се мертвъ еси». Если пренебрежительность этихъ отзывовъ объ учености Евѳимія объяснять полемическимъ задоромъ противниковъ Евѳимія, то остается вѣрною все же та мысль, что онъ учился у Епифанія частнымъ образомъ. А Дамаскинъ, другой ученикъ Епифанія, самъ выдаетъ себя за человѣка чуждаго школьной эрудиціи: «не захотѣлъ я дожидаться, говоритъ онъ о себѣ, пока придутъ люди ученые, но заговорилъ, хоть и худо, и не красно, и не такъ стройно, какъ пишутъ такъ называемые дидаскалы. Тѣ, о чемъ ни заговорятъ, излагаютъ все такъ чинно и въ порядкѣ, хотя и то же самое, что и мы» [1]).

Чудовскіе старцы, и не преподавая въ школѣ, вмѣстѣ съ ртищевскими своею дѣятельностью знакомили москвичей съ кіевской ученостью и кіевской коллегіей и располагали ихъ учиться въ польско-литовскомъ государствѣ. Къ первой половинѣ 50-хъ годовъ относится свидѣтельство п. Іоакима въ «Остнѣ» о началѣ «хлѣбопоклонной ереси» въ Москвѣ: «юноши нѣцыи изъ царствующаго града Москвы восхотѣша отъити въ полское кралевство ради ученія латинскаго. Иже отшедше и учащеся въ латинскихъ училищахъ и, яко ученицы, въ слѣдъ учителей своихъ ходяще въ костелы латинскія, видѣша тамо, въ костелѣхъ, къ сему и въ церквехъ христіанскихъ тамошнихъ странъ, по обыкновенію сосѣдства латинскаго, во время словесъ Христовыхъ, отъ іерея глаголемыхъ, творимы поклоны отъ тамошнихъ человѣкъ и звонъ бывающъ, возмнѣся имъ (яко юпымъ сущимъ и несовершеннымъ въ разумѣ) благочинно и прилично быти сіе... И бывше тамо нѣкое время и понавыкше латинскимъ писаніемъ и тамошнимъ нравомъ, паче же отъ іезуитовъ увѣщани и наказани тому (то бо и тщаніе іезуити имутъ, еже прибавляти юныя ученики всячески въ своя нравы и костеловъ своихъ въ послѣдованія),

---

[1]) Хр. чт., 1891, II, 158. Каптеревъ, Актовая рѣчь... 1889, 24 – 26. Сменцовскій, о. с., 19 и прим. 3.

возвратишася въ своя домы въ царствующій градъ Москву», и разсказавъ знакомымъ своимъ священнослужителямъ и благороднымъ мужамъ о бѣлорусскомъ и латинскомъ обычаѣ поклоненія св. дарамъ во время произнесенія словъ господнихъ: «Пріимите, ядите»,— ввели этотъ обычай и въ Москвѣ. *Потомъ*, когда Богъ покорилъ вел. государю Алексѣю Михайловичу нѣкоторые польскіе города и подъ его высокую руку поддались малороссы, обычай этотъ еще болѣе укрѣпился при частыхъ посѣщеніяхъ московскаго государства іереями, монахами и мірянами» (124, 125) [1]. Не знаемъ, можетъ быть п. Іоакимъ хотѣлъ только дискредитировать своихъ противниковъ ссылкой на латинскій, іезуитскій характеръ ихъ учености и религіозныхъ убѣжденій, какъ говорилось это и о Симеонѣ Полоцкомъ [2], но во всякомъ случаѣ остается несомнѣннымъ обученіе нѣкоторыхъ русскихъ юношей если не въ іезуитскихъ коллегіяхъ, то въ православно-русскихъ и главнымъ образомъ въ кіевской. Уже въ то время извѣстность послѣдней вышла далеко за предѣлы европейской Россіи: въ 1655 г. видимъ въ Кіевѣ Андрюшку Семеновича Незговорскаго, прибывшаго сюда изъ Подольска «собою, книжнаго ради ученія» [3]. И правительство

---

[1]) О томъ же обычаѣ—въ средѣ высшаго русскаго общества—посылать молодыхъ людей за границу для довершенія образованія говоритъ иностранецъ Рейтенфельсъ (Татарскій, Симеонъ Полоцкій, 186). Интересно, кто такой Евстратій Ивановичъ Зяловскій, родомъ москвитянинъ, жившій нѣкоторое время въ Германіи и написавшій книгу о состояніи греческой церкви, изданную въ 1681 г. въ Нюрнбергѣ (Kohlius, Ecclesia graeca lutheranisans (Lubecae 1723) 3, прим. 6.)

[2]) «Нѣкто іеромонахъ, у езуитовъ учившійся по латинѣ, именемъ Симеонъ, прозваніемъ Полотскій, сказа себе восточнаго благочестія послѣдователя быти. Благочестивый же царь и священніи архіерее, повѣривше ему яко благочестиву и православну, вручаху ему всякія церковныя дѣла писати» (Остенъ, 130; ср. 75. Описаніе слав. рук. синод. биб., II, 3, стр. 509. Татарскій, 98). Считаемъ недоказаннымъ, хотя и вѣроятнымъ, предположеніе г. Татарскаго, что Полоцкій послѣ Кіева учился въ польско-катол. академіяхъ (32, 33).

[3]) Чт. Моск. Общ. ист. и древн. росс., 1891 I, Смѣсь.

охотно отпускало въ Кіевъ учиться, такъ какъ оно нуждалось въ знающихъ древніе языки переводчикахъ для посольскаго приказа и для печатнаго двора и такъ какъ оно наполовину отрѣшилось уже отъ прежняго взгляда на гибельность латинской науки. Въ частности, о Кіевской коллегіи ему было извѣстно, что тамъ собраны обученые иноки, «ихже ученіемъ многи благородніи отроцы, въ благочестіи обучившеся, возрастше, столпи непоколебиміи церкви явившеся, отъ иновѣрныхъ церковь Христову своимъ премудрымъ препирательствомъ защищающе» (А. Ю. и З. Р., № 261). Одобрительно относясь къ направленію Кіевской коллегіи, ц. Алексѣй Михайловичъ не отказался имѣть въ своихъ предѣлахъ другое такое же училище, когда, послѣ завоеванія Могилева, повелѣлъ быть могилевской братской школѣ «противъ кіевскихъ училищъ» (1654). Въ пользу этого же направленія послужила встрѣча царя съ его представителемъ въ Полоцкѣ въ 1656 г., когда мѣстный братскій учитель Симеонъ Ситіановичъ Петровскій (Полоцкій) привѣтствовалъ его стихами своего сочиненія, произнесенными съ учениками, затѣмъ напомнилъ ему о себѣ стихами же при представленіи въ Москвѣ въ 1660 г. (Татарскій, Симеонъ Полоцкій, 48—50. 56). Не говоримъ уже о вліяніи на молодого царя п. Никона, который по своимъ отношеніямъ къ западной культурѣ былъ передовымъ человѣкомъ своего времени [1]).

---

[1]) Вирши и орація вошли въ обиходъ жизни Никона раньше, чѣмъ въ дворцовый. Въ патріаршей грамотѣ въ Иверскій монастырь о разныхъ приготовленіяхъ по случаю предстоявшаго пріѣзда туда государя и патріарха (18 ноября 1657 г.) говорится: «Да вамъ же бы Иверскаго монастыря изъ братьи убрати (т. е. разодѣть) 12 братовъ, предъ царемъ и предъ нами орацію говорить, краткую и богословную и похвальную, за его къ вамъ царское посѣщеніе, и намъ вел. государю орацію изготовить потомужъ; да убрать младенцевъ дванадесять же, или и множае, колко обрящется, и выучить такожъ къ царскому и къ нашему пришествію орацію говорить, краткую и богословную и похвальную; такожъ изготовить бы вамъ орацію и къ царскому и нашему изъ Иверскаго монастыря отшествію, и убрать тѣхъ младенцевъ

Переходъ Полоцкаго въ Москву (1663) [1]) и развитіе имъ здѣсь учебно-литературной дѣятельности не были неожиданнымъ скачкомъ,—послѣдній подготовлялся событіями и въ личной жизни Полоцкаго, и въ общемъ ходѣ сближенія московскаго общества съ латино-польской ученостью. Въ Москвѣ Полоцкій началъ съ того, что, живя въ Спасскомъ монастырѣ, сталъ давать уроки латинскаго языка по Альвару молодымъ подъячимъ приказовъ дворцоваго и тайныхъ дѣлъ, т. е. собственной канцеляріи государя. Лѣтомъ 1665 г. въ монастырѣ были выстроены для учебныхъ занятій деревянныя хоромы стоимостью въ 170 р. [2]). Принимая

также хорошенько, по обычаю, какъ у Епископовъ свѣщеносцы бываютъ, золотными или иными какими платны мочно, что-бы было велми дивно» (А. И., IV, № 109). Въ 1659 г. въ Иверской типографіи былъ изданъ «Рай мысленный» съ гербомъ Никона и съ виршами. У пр. Шляпкина (102, 103) и у Перетца (Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы, т. I, ч. 1. 1900, Спб.) читатель найдетъ рядъ данныхъ о проникновеніи въ Москву кіевскихъ пѣвчихъ и нотныхъ партесныхъ книгъ и объ участіи въ немъ Никона. Раскольники винили Никона именно, что онъ «киевское партесное пѣніе началъ въ церковь вводити согласно мирскимъ, гласоломательнымъ пѣніямъ».— Интересно, кто былъ «Петръ Бѣлорусецъ», сотрудничавшій Никону въ дѣлѣ обновленія русской церкви, о которомъ въ 1704 г. писалъ архим. Гавріилъ Домецкій: «ни примудрѣйшій Никонъ святѣйшій патріархъ сего не дерзалъ (обличать противниковъ церкви), но сыскалъ что у себя исправлевати учоными людми, которыхъ у себе держалъ; первый былъ Епифаній, другой Арсеній грекъ, третій Петръ Бѣлорусецъ, которыми много грубости и неистовства вывелъ и просвѣтилъ всю Росію и непрестанно поощрялъ блаженныя памяти вел. гос. царя Алексѣя Михайловича, чтобы школы завести» (Сменцовскій. Прилож. XXXIV).

[1]) Эйнгорнъ, о. с., 235. Въ этомъ же году прибылъ въ Москву другой западноруссъ Еремовичъ, домашній педагогъ младшаго сына Меѳодія Филипповича, епископа мстиславскаго и оршанскаго (ibid., 248, прим. 31).

[2]) Забѣлинъ, Опыты изученія рус. древностей и исторіи, I, 197. Прозоровскій, Сильвестръ Медвѣдевъ (М. 1896), 64, 65. По Ключев-

во вниманіе огромность этой суммы, можно было бы думать, что спасская школа была очень велика—и размѣрами, и количествомъ учащихся. Но доселѣ извѣстны стали только четыре ученика ея: три подьячихъ—Сильвестръ Медвѣдевъ, Симеонъ и Илья Казанцы и Василій Рябскій, пѣвчій, присланный мстиславскимъ епископомъ Меѳодіемъ, по требованію государя, въ августѣ 1665 г. Найденный и напечатанный г. Эйнгорномъ документъ, касающійся Рябскаго, говоритъ, что ему 15 окт. 1665 г. государь пожаловалъ «сукно доброе для тово: по его великаго государя указу велено ему для науки книжного учения словенскаго языка быть на Москвѣ въ Никольскомъ монастырѣ» [1]). Но, начавъ Альваромъ, Полоцкій не могъ, конечно, ограничиться славянской грамотой. И, дѣйствительно, по свидѣтельству приходныхъ книгъ приказа тайныхъ дѣлъ, спасская школа была учреждена для «грамматическаго ученія» и для обученія «по латынямъ». Вѣроятно, Полоцкій обучалъ также своихъ учениковъ піитикѣ, риторикѣ и діалектикѣ и упражнялъ ихъ въ составленіи виршей, орацій и въ веденіи диспутовъ, въ чемъ самъ чувствовалъ себя сильнымъ. По крайней мѣрѣ, лучшій ученикъ его Сил. Медвѣдевъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ выступаетъ, какъ человѣкъ хорошо знакомый съ риторикой и діалектикой и какъ искусный составитель виршей. Его письма и орації составлены по всѣмъ правиламъ риторическаго искусства—съ неизбѣжнымъ приступомъ,

---

скому, тогдашній рубль равнялся приблизительно 17-ти нынѣшнимъ («Русскій рубль XVI—XVШ в. въ его отношеніи къ нынѣшнему»,— Чт. Моск. общ. ист. и др. 1884, I).

[1]) В. О. Эйнгорнъ, 368, прим. 483. Никольскій монастырь находился рядомъ съ Спасскимъ. Что Рябскій былъ ученикъ Полоцкаго и принадлежалъ къ Спасской школѣ, это удостовѣряется росписью на упомянутомъ документѣ: «Государева жалованья Василью Рябскому сукна анбургскаго четыре аршина Сенка Медвѣдевъ взялъ и росписался». Медвѣдевъ, повидимому, былъ старостою въ Спасской школѣ, потому что деньги на ея отопленіе и освѣщеніе выдаются ему на руки (Забѣлинъ, ibid.).

парраціей и конклюзіей и со слѣдами знакомства съ логикой Аристотеля. О привычкѣ и умѣніи Медвѣдева вести богословскіе диспуты лучше всего говоритъ отзывъ его противниковъ о немъ, какъ о человѣкѣ, который «злоковаренъ бѣ отъ юности возраста, и многорѣчивъ, и остроглаголивъ и любонравъ, уста имѣя безъдверна, и изъ гортани изрыгающъ ядъ душегубителный всякаго лжесловія и коварствъ, языкъ же непремолчно блядущъ, толико, яко всему тѣлу его мнѣтися быти языку» (Остенъ, 74, 75). Самъ Медвѣдевъ говоритъ въ одномъ письмѣ, что ученики спасской школы проводили время «читающе и выну разсуждающе начастѣ (т. е. диспутировали, раздѣлившись на двѣ стороны) божественное писаніе». Но и тутъ, конечно, сохранялся характеръ латинской учености съ тѣмъ же господствомъ схоластики и казуистическихъ тонкостей, какъ и въ пройденныхъ Полоцкимъ школахъ. Возможно, наконецъ, что Полоцкій познакомилъ учениковъ и съ начатками греческаго языка [1]).

Потребность въ новой латино-польской наукѣ еще до 1665 г. назрѣла и удовлетворялась въ Москвѣ всякими способами: изученіемъ латинскаго и польскаго языковъ у пріѣзжихъ западно-руссовъ—педагоговъ и непедагоговъ, чтеніемъ латинскихъ и польскихъ книгъ [2]), поѣздками въ западно-русскія и польскія коллегіи и даже изученіемъ латинскихъ наукъ въ московскихъ школахъ у

---

[1]) Прозоровскій 76—79; ср. Сменцовскій, 21.

[2]) По свидѣтельству старца Евѳимія, русская знать во второй половинѣ XVII в., въ видахъ образованія дѣтей, стала держать у себя домашнихъ иностранныхъ учителей и читать латинскія книги. Ср. въ «Христіанопасномъ щитѣ вѣры» инока Авраамія (1670): «мнозижъ нынѣ, гордостію превознешись, языкомъ словенскимъ гнушаются, въ немже крестишася и сподобашася благодати Божія, иже широкъ есть и великославенъ, совокупителенъ и умиленъ, и совершенъ паче простаго и лятцкаго обрѣтается» (Мат. для ист. раск., VII, 14). Въ 1672 г. Лазарь Барановичъ писалъ царю, что его синклитъ (придворные) польскаго языка не гнушается, но чтутъ книги и исторіи ляцкія въ сладость (Эйнгорнъ, 820).

западно-руссовъ и у самихъ грековъ. Вѣдь не даромъ съ 1666 г. и восточные святители говорятъ объ открытіи на Москвѣ училища между прочимъ съ латинскимъ языкомъ. Такъ, газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, самъ, впрочемъ, питомецъ аоанасіевской коллегіи въ Римѣ, въ разборѣ челобитной попа Никиты—расколоучителя, утверждалъ, что росколъ произошелъ отъ мщенія и неимѣнія народныхъ училищъ и библіотекъ, что училища нужны для церковнаго и гражданскаго благоустройства и, обращаясь къ царю, убѣждалъ его: «ты убо, о пресвѣтлый царю... созижди здѣ училища ради остроумныхъ младенецъ, ко изученію трехъ языкъ коренныхъ, наипаче греческаго, *латинскаго* и славенскаго». О латинскомъ языкѣ Лигаридъ выразился, что его слѣдуетъ изучать потому, что онъ «нынѣ царствуетъ въ училищахъ, въ княжихъ домахъ, и, аки обычай, непщуется и глаголетъ же ся едва не отъ всѣхъ родовъ». Наряду съ школой Паисій признавалъ необходимой и государственную библіотеку и расходы на ту и другую предполагалъ возмѣстить изъ епархіальныхъ и монастырскихъ суммъ. «Молю, да повелиши, воеже бы кождо сихъ начальниковъ (архіереевъ), по мѣрѣ своихъ приходовъ, толико имѣлъ питомцевъ и толико клирикъ препитати тщился ради изученія сихъ трехъ языковъ. Подобнѣ же и архимандритове монастырей—ти царскихъ тожде да сотворятъ» (нач. 1666 г. Мат. для ист. раск., IX, 233—243). Очевидно, Паисій Лигаридъ проектировалъ учрежденіе въ Москвѣ (и въ другихъ епархіальныхъ городахъ) духовной семинаріи. Въ томъ же году, въ Рождество Христово, отъ лица двухъ патріарховъ—Паисія александрійскаго и Макарія антіохійскаго было произнесено архіепископомъ рязанскимъ Иларіономъ [1]) поученіе, написанное, по догадкѣ проф. Субботина, тѣмъ же Паисіемъ [2]). Въ немъ русскимъ адресованъ тотъ-же укоръ за

[1]) Тѣмъ самымъ, который изучалъ греческій языкъ у архим. Діонисія «гречини» (Мат. для ист. раск., V, 137).

[2]) Мат. для ист. раск., IX, 280—284. До послѣдняго времени авторомъ его считался Сименъ Полоцкій, такъ какъ оно вошло въ его «Вечерю душевную». Но туда оно попало, какъ переводный (съ латинскаго оригинала) трудъ Симеона (съ сокращеніями).

пренебреженіе къ наукѣ и греческому языку. Даже иновѣрные народы запада и полудикіе арабы—всѣ «за корень премудрости Еллинскій языкъ имѣютъ» и послѣдній «здѣ точію, лѣности ради, зѣло обезцѣнися»... Патріархи предлагаютъ устроить въ Москвѣ школу греческаго языка и мудрости, чтобы сюда ѣздили даже греческіе юноши. Хотя здѣсь рѣчь идетъ о греческомъ ученіи, но въ заключеніи есть намекъ на необходимость школъ и съ другими языками: «положи отнынѣ въ сердцѣ твоемъ—обращаются патріархи къ царю—еже училища тако греческая, (яко словенская) и иная (т. е., очевидно, латинскія) назидати, студеовъ милостію си и благодатію умножати, учители благоискусныя взыскати, всѣхъ же честми на трудолюбіе поощряти, дастъ Богъ, плодъ стократный и полныя рукояти отъ сихъ сѣменъ». И когда, слѣдуя внушенію патріарховъ (и духу времени), прихожане іоанно-богословской церкви въ Москвѣ, въ Бронной слободѣ, задумали въ 1666 г. устроить училище («гимназію») съ преподаваніемъ греческаго, словенскаго и латинскаго языковъ, восточные святители вмѣстѣ съ русскимъ патріархомъ Іоасафомъ благословили ихъ намѣреніе [1]). И такъ какъ прихожане просили себѣ ученаго священника, знающаго кіевское пѣніе, умѣщаго произносить проповѣди и «учить риторскому ученію», то п. Іоасафъ и далъ имъ въ 1669 г. такого священника въ лицѣ малороссійскаго выходца протопопа Шматковскаго, который свой ораторскій талантъ высказалъ еще въ бытность свою въ Москвѣ въ 1664 г., а послѣ въ 1669 г. [2]). Наконецъ, въ 1671 г. іерус. патріархъ

---

[1]) Приб. къ Твор. св. отцовъ, 1845, Ш, 168—171. Татарскій, о. с., 92—96. Г. Татарскій отмѣчаетъ, что въ общей патріаршей грамотѣ разрѣшается училище греческаго и славянскаго языковъ; въ грамотѣ восточныхъ патріарховъ—училище съ тремя языками, и въ грамотѣ п. Іоасафа—училище „діалектовъ славенскаго и латинскаго", безъ греческаго.

[2]) Эйнгорнъ, 543—545. Шматковскаго мы видимъ при богословской церкви въ 1670—1673 гг. (Холмогоровы, Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики московскихъ церквей (1884). 614). Но слѣдовъ существованія училища при этой церкви не сохранилось.

Досиѳей рекомендовалъ московскому пратительству Николая Спаѳарія, «человѣка премудраго въ *латинскомъ* и словенскомъ, а наипаче въ еллинскомъ языцѣ», занимавшагося прежде частнымъ преподаваніемъ древнихъ языковъ. Этому Спаѳарію правительство поручило переводить книги греческія и латинскія и писать греческій, славянскій и латинскій лексиконъ (Доп. къ А. И., VI, № 54, V).

Что касается лично Алексѣя Михайловича, то именно его царствованіе положило начало тому сближенію Россіи съ польско-латинской наукой и культурой вообще, которое ставится въ заслугу его знаменитому сыну. При немъ именно сгладилась та противоположность между греческимъ и латинскимъ, которая такъ рѣзко проявилась при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Филаретѣ и которая опять обострилась въ самомъ концѣ XVII ст., благодаря крайностямъ «латинской части», съ одной стороны, и настояніямъ п. Досиѳея—съ другой. Самъ Алексѣй Михайловичъ «умѣлъ, по свидѣтельству Аввакума, многими языки говорить» (Мат. для ист. раск. VIII, 44). Изъ множества книгъ, переведенныхъ въ его царствованіе съ польскаго и латинскаго, нѣкоторые переведены по его приказу. Затѣмъ, слѣдуетъ указать на вызовъ изъ Кіева ученыхъ старцевъ, знавшихъ между прочимъ латинскій языкъ, оставленіе въ Москвѣ Арсенія Грека для преподаванія этого же языка (Сш. Олябьевъ) и пріемъ Симеона Полоцкаго. Что же удивительнаго, что этому Полоцкому было поручено организовать латинскую школу, столь необходимую какъ для личныхъ практическихъ цѣлей царя, такъ и для общеобразовательныхъ интересовъ? Вѣдь не помѣшали же Алексѣю Михайловичу «особенныя его любовь и почитаніе всего православно-греческаго» отдать своихъ сыновей для воспитанія тому же Полоцкому. И если извѣстно нѣсколько случаевъ недоброжелательнаго, повидимому, отношенія Алексѣя Михайловича къ кіевской наукѣ и ея представителямъ, то они могутъ быть легко объяснены. Когда гетманъ Брюховецкій сообщилъ въ Москву въ 1666 г., что еп. Меѳодій съ духовенствомъ и полковникъ Василій Дворецкій «писали, чтобъ школы Латинскія вновь въ Кіевѣ завести» (въ дѣйствительности

кіевская коллегія въ это время не прерывала своего существованія), правительство московское отвѣтило: «буде имъ (просителямъ) противъ ихъ волностей будетъ не во оскорбленье, и тѣхъ бы школъ имъ не заводить, а буде имъ противъ ихъ волностей то будетъ во оскорбленіе, и великій государь ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ въ Кіевѣ школы заводить и людей въ нихъ учить Кіевскихъ жителей; а изъ непріятельскихъ городовъ въ тѣ школы никого не пускать и не учить, чтобъ отъ нихъ смуты и всякаго дурна не было» (А. Ю. и З. Р., VI, № 34, стр. 86). Ясно, что, только не желая стѣснять правъ малороссіянъ, правительство разрѣшило возстановленіе прямо нежелательной для него кіевской латинской коллегіи. Но очевидно, что это отношеніе къ латинской школѣ вызвано политическими обстоятельствами и отражаетъ боязнь московскаго правительства, какъ бы она не послужила къ утвержденію польскихъ симпатій въ малорусскомъ обществѣ, такъ какъ изъ кіевской именно колегіи вышли Юрій Хмѣльницкій, Ив.Выговскій и болѣе видные представители южнорусскаго духовенства, тянувшіе въ сторону отъ Москвы [1]). Если въ 1670 г. московское правительство холодно отнеслось къ цѣлому ряду ходатайствъ кіево-братскаго училищнаго монастыря, вызванному разореніями и несчастіями предшествовавшихъ годовъ, то это объясняется затрудненіями политическаго же и экономическаго свойства, а съ другой стороны—удовлетвореніе многихъ изъ ходатайствъ зависѣло отъ мѣстной власти—гетмана, къ которому просители и были направлены [2]). Что же касается закрытія доступа въ московское государство малороссійсскимъ книгамъ [3]) и не столь охотнаго пріема, какъ прежде, тамошнихъ уче-

---

[1]) Ср. Эйнгорнъ, 322, 324 и Голубевъ, Кіевская академія въ концѣ XV и нач. XVШ столѣтія (Тр. Кіев. дух. акад., 1901, ноябрь, 307 308).

[2]) Тр. Кіев. дух. акад., 1901, ноябрь, 309 и прим. 11 и 12.

[3]) Царскимъ указомъ въ маѣ 1672 г. повелѣвалось: «въ городахъ на посадахъ и въ слободахъ, а въ уѣздахъ, въ селахъ и въ деревняхъ во всѣхъ мѣстахъ всякихъ чиновъ людямъ учинить заказъ

ныхъ [1]), то это распоряженіе и измѣненіе отношеній, вызванныя религіозными поводами и вліяніемъ п. Іокима грекофила, не доказываютъ ли, что малороссійскіе ученые и книги возымѣли на Москвѣ такую силу, что ихъ пришлось ограничить?.. Но лично Алексѣй Михайловичъ до самой своей смерти продолжалъ покровительствовать малороссійской литературѣ, награждая Барановича и Галятовскаго за ихъ сочиненія и попрежнему жалуя Славинецкаго и особенно Симеона Полоцкаго. Да и книги продолжали привозиться изъ Кіева [2]). Наконецъ, если и допустить, что въ 70-хъ годахъ п. Алексѣй измѣнился въ своихъ отношеніяхъ къ латино-польской учености, то это не было бы доводомъ противъ латинскаго характера и самаго существованія спасской школы, открытой ок. 1665 г.

Впрочемъ, допуская, что въ спасской школѣ училось болѣе 3—4 человѣкъ и что она давала знаніе не только правилъ грамматики, мы не говоримъ, что она подходила подъ обычный въ Польшѣ и Европѣ типъ средне-учебнаго заведенія, коллегіи, и этимъ легко можемъ объяснить собранные п. Каптеревымъ (Акт. рѣчь) и Сменцовскимъ (о с., 19, прим. 3) заявленія современниковъ (Епифанія Славинецкаго, Симеона Полоцкаго, Паисія Лигарида, Сильвестра Медвѣдева, братьевъ Лихудовъ и Ѳ. Поликарпова), по которымъ до 80-хъ годовъ совсѣмъ будто бы не было на Руси правильной школы и что «Богъ намъ въ Московскомъ нашемъ государствѣ не благоволилъ быти школьному дѣлу», такъ что типографское училище (съ 1681 г.) явилось и «дѣломъ новымъ и неслыханнымъ». Всѣ эти лица сравнивали существовавшія въ Москвѣ до 1681 г. школы или съ европейскими и польскими, или съ типографскимъ училищемъ и греко-латино-славянской академіей, а разница между ними была такъ велика,

---

крѣпкой съ большимъ подкрѣпленіемъ, чтобы тѣ люди польскіе и латинскіе печати книгъ никто у себя въ домахъ тай и явно не держали, а приносили бы и отдавали бы воеводѣ» (Эйнгорнъ, 868).

[1]) 1674—1575 гг. Эйнгорнъ, 1007—1009; 126

[2]) Эйнгорнъ, 869—875; 1026.

что первыхъ можно было и не принимать во вниманіе—и по непродолжительности ихъ существованія, и по немногочисленности учениковъ и учительскаго персонала, состоявшаго обыкновенно изъ одного лица, и по неполнотѣ программы.

Немаловажнымъ аргументомъ въ пользу распространенія въ русскомъ обществѣ 50—70-хъ годовъ XVII ст. латино-польской учености являются возгласы противъ нея раскольническихъ писателей. Вообще въ отношеніи ко всему иностранному наши раскольники стояли на той ультра-русской и ультра-православной точкѣ зрѣнія, которая установилась въ Москвѣ еще въ XV—XVI вѣкахъ и которая преслѣдовала вмѣстѣ съ неправославнымъ догматомъ непринятый въ русской книжности способъ защиты его. «Пытливый и своевольный разумъ, пытающійся святотатственно проникнуть въ заповѣдныя тайны бытія и міросданія и передѣлать по своему то и другое, противопоставленъ былъ разуму, плѣнному въ послушаніе вѣры и руководимому Откровеніемъ; при этомъ было признано, что первый есть духъ западной латинской науки и жизни, а второй составляетъ душу восточнаго греко-россійскаго православія; первому усвоенъ былъ характеръ хищный и разрушительный, завоевательный и душегубительный, въ противоположность характеру второго—примирительному и самоотверженному, благодатно—зиждительному и душеспасительному» [1]). Страхъ предъ новизной, мыслившейся связанною съ западнымъ происхожденіемъ, былъ такъ великъ, что наши книжники бѣжали всякой новой мысли, всякой критики сложившагося міровоззрѣнія, всего что носило характеръ не только философіи, но и риторики и грамматики и даже богословія [2]). И въ этомъ смыслѣ писанія расколоучителей

---

[1]) В. О. Ключевскій, Западное вліяніе (и церковный расколъ) въ Россіи XVII в. (Историко-психологическій очеркъ). Вопросы философіи и психологіи, 1897, кн. I (36), 553.

[2]) «Не знаю, говорилъ Ю. Крыжаничъ, кто первый посѣялъ на Руси столь ложный предразсудокъ или мудроборскую ересь, по которой говорятъ: богословіе, философія и языковъ ученіе нѣсть ино, неже ересь» (Прозоровскій, 215, прим. 19).

тѣмъ характернѣе, что они, выражая направленіе мысли огромной массы русскаго народа, свидѣтельствуютъ и о томъ, чѣмъ питались верхи русскаго общества.

Вотъ прежде всего выписка изъ «Словъ» архимандрита покровскаго монастыря Спиридона Потемкина († 1665), человѣка сравнительно широко образованнаго. «Человѣцы, научившеся грамматики, и риторики, философіи, аще не прибѣгнутъ ко истинному учителю Христу, то что поможетъ грамматика, и что пособствуетъ риторика, и како наставитъ философія на путь истинный: единъ бо филосоѳъ аріянинъ, а другій македонянинъ, третій лютеръ, инъ же калвинъ, а інъ римлянинъ, и иныхъ множество, но сіи вси учатся въ римскихъ училищахъ, яже суть школы латынскія, за ученіе не даютъ ничесоже кромѣ душъ своихъ» (Бороздинъ, Протопопъ Аввакумъ, изд. I (1898), 108. «Слова» писаны до 1658 г.). А вотъ выдержки изъ комментарія Аввакума на текстъ: «Погублю премудрость премудрыхъ и разума разумныхъ отвергуся. Гдѣ премудръ, гдѣ книжникъ, гдѣ совопросникъ вѣка сего? Понеже не разумѣ міръ премудростію Бога, благоизволи Богъ буйствомъ проповѣди спасти вѣрующія».—«Алманашники, пишетъ Аввакумъ, и звѣздочетцы и вси зодѣйщики познали Бога внѣшнею хитростію, и не яко Бога почтоша и прославиша, но осцетишася своими умышленьми, уподоблятися Богу своею мудростію начинающе, якоже первый блядивый Невродъ, и по немъ Зевесъ прелагатай, блудодѣй, и Ермисъ піяница, и Артемида любодѣица, о нихже граноѳафъ и вси хроники свидѣтельствуютъ, таже по нихже бывше Платонъ и Пиѳагоръ, Аристотель и Діогенъ, Иппократъ и Галинъ: вси сіи мудры быша и во адъ угодиша... Виждь, *гордоусецъ* и алманашникъ, гдѣ твой Платонъ и Пиѳагоръ! Такъ ихъ, яко свиней, вши съѣли и память ихъ съ шумомъ погибе, гордости ихъ и уподобленія ради къ Богу... Помните ли?—На сонмищѣ той лукавой, предъ патріархами вселенскими, говорите мнѣ Иларіонъ и Павелъ: Аввакумъ милой, не упрямся, что́ ты на русскихъ святыхъ указываешъ, глупы наши святые были и грамотѣ не умѣли, чему имъ вѣрить! Помните, чаю, не забыли, какъ я бранити сталъ, а вы меня бить стали,

разумныя свиньи?.. Еще бы христіаномъ милымъ не горко было! Онъ, бѣдной, мается шесть-ту дней на трудахъ, а въ день воскресной прибѣжитъ въ церковь помолити Бога и труды своя освятити: ано и послушать нечево—по латынѣ поютъ, плясавицы скоморошьи!» (Мат. для ист. раск., V, 297—301). «Не латинскимъ языкомъ, ни грѣческимъ, ни еврейскимъ, ниже инымъ коимъ ищетъ отъ насъ говоры Господь, говоритъ протопопъ въ другомъ мѣстѣ, но любви съ прочими добродѣтельми хочетъ» (Бороздинъ, о. с., прилож., 85—начало житія Аввакума,—ср. рец. П. С. Смирнова—въ Ж. М. Н. Пр. 1898 г.). Общее отношеніе расколоучителей къ гуманитарнымъ наукамъ выражается въ слѣд. словахъ: «Христосъ не училъ насъ діалектики и ни краснорѣчія, потому что риторъ ни философъ не можетъ быти христіанинъ». (Мат. для ист. раск., I, 487).

А между тѣмъ и они не оставались совершенно чужды свѣтской мудрости. Хотя самъ Аввакумъ «виршами филосовскими не обыкъ рѣчи красить» (Бороздинъ, Прилож., 85), у другихъ расколоучителей вирши встрѣчаются. Такъ «Стихи, или вирши къ читателю» имѣются въ началѣ «Христіанскаго щита вѣры противъ еретическаго ополченія» икона Авраамія. Второе помѣщенное здѣсь стихотвореніе—«Стихи, или вирши къ читателеви. Всякаго чина православныхъ къ читателю»—очень похоже на начало обращенія къ читателю предисловія острожской библіи 1581 г. [1]). Безъ сомнѣнія, отсюда ведетъ начало увлеченіе

---

[1]) Мат. для ист. рас., VII, 6—9. Это стихотвореніе помѣщено также въ одномъ Азбуковникѣ XVII ст. (Карповъ, Азбуковники или алфавиты иностранныхъ рѣчей по спискамъ Соловецкой библіотеки (Казань, 1877), 134, 135). Первые опыты виршеписанія на Москвѣ относятся къ началу XVII ст. (см. вторую редакцію повѣсти кн. И. М. Катырева—Ростовскаго. Р. И. Б., XVII ст. 707, 710—712,—у В. Н. Перетца Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы, т. I, ч., I (Спб., 1900), 87). Умѣли писать виршами кн. Шаховской и Хворостининъ, писатели времени ц. Михаила (Соловьевъ, II, 1373, 5). Въ Азбуковникахъ XVII в. встрѣчаются образцы силлабическихъ стихотворныхъ

силлабическими стихами раскольническихъ писателей XVIII и XIX в. Для характеристики отношенія раскольниковъ первой генераціи или, точнѣе, той части русскаго общества, которая дала рядъ вождей раскола, служитъ слѣдующее. Послѣ взятія соловецкаго монастыря войсками (1676) г., въ его библіотекѣ оказались: 5 книгъ діалектикъ, космографія, 4 лексикона, 11 экземпляровъ «Небесъ» Дамаскина (изъ нихъ нѣкоторые «съ осмочастною», т. е. съ грамматикой), двѣ риторики [1]).

Какъ постепенно старыя средства обученія, старое міросозерцаніе и старый кругъ понятій уступали новымъ, видно также изъ исторіи Азбуковника. Эта русская энциклопедія и вмѣстѣ школьная христоматія «въ началѣ XVII в. еще черпаетъ свои свѣдѣнія изъ старо-русскаго, т. е., изъ византійскаго литературнаго запаса. Онъ ссылается на Толковую Палею и Козьму Индикоплова, на Шестодневъ Іоанна Болгарскаго, на Дамаскина и Григорія Богослова,—словомъ на всѣ признанные авторитеты византійской науки. Изъ свободныхъ наукъ и онъ, однако, дѣлаетъ единственное исключеніе—для грамматики. Высшій курсъ свободныхъ знаній (т. е. quadrivium): ариѳметику, музыку, геометрію и астрономію этотъ Азбуковникъ безусловно считаетъ запрещенными («отреченными») науками. Во второй половинѣ XVII в. содержаніе Азбуковника совершенно обновляется. Стремясь поспѣть за расширеніемъ научныхъ знаній, онъ начинаетъ черпать свои свѣдѣнія изъ польскихъ хроникъ, изъ космографій, лѣчебниковъ и ссылается на классическіе и средневѣковые авторитеты: на Плинія, Авицепу, Альберта вел. и т. д. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи, и это новое вліяніе оказывается вовсе не такимъ уже отличнымъ отъ прежняго. Дѣло въ томъ, что на смѣну византійской мудрости къ намъ идетъ теперь средневѣковая византійская ветошь. Научный матеріалъ, воспринятый чрезъ Кіевъ

привѣтствій и посланій (Мордовцевъ, О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII в. (М. 1862), 68—78).

[1]) Библіотека и архивъ соловецкаго монастыря—Мат. для русской ист. С. А. Бѣлокурова, 16, 21, 22, 26, 30.

Москвой XVII в., былъ накопленъ на западѣ еще въ XII—XIII ст., а съ XV-го сталъ быстро терять свою свѣжестъ» (Милюковъ, Очерки по исторіи русской культуры, II (1897), 266—268).

Быть можетъ, въ силу того именно, что даже самая консервативная часть русскаго общества, въ лицѣ раскольниковъ, несознательно заразилась нѣкоторыми, самыми незначительными, элементами новыхъ образовательныхъ системъ, до насъ не дошло памятниковъ литературной борьбы представителей стараго, русскаго педагогическаго направленія съ защитниками новыхъ—латинскаго и греческаго. Мысль о необходимости просвѣщенія по болѣе широкой программѣ, чѣмъ доселѣ, просвѣщенія школьнаго, систематическаго, была уже такъ сильна въ кругахъ интересовавшихся книгой и потребность въ немъ чувствовалась такъ настоятельно, что полемизировать противъ нихъ было бы напраснымъ трудомъ. Авторъ одной записки, посвященной разсмотрѣнію вопроса о сравнительныхъ достоинствъ двухъ образовательныхъ системъ, появившейся ок. 1684 г., почти не находитъ нужнымъ считаться съ старой системой начетчества и съ мнѣніемъ, что будто удобнѣе «въ простотѣ Богу угождати и отъ чтенія разумъ св. писаній познавати», не учась школьныхъ «хитростямъ»—«грамматикѣ, риторикѣ, философіи, и ѳеологіи и стихотворному художеству». Авторъ разъясняетъ, что простота простотѣ рознь, что кромѣ простоты—добродѣтели незлобія есть простота—«невѣжество, рекше неученіе, въ немъ же содержится невѣжество Божіего закона, еже злоба есть преглубока»; неученіе же есть «тма, ослѣпляющая умныя очи», тогда какъ «ученіе ясная луча есть, ею же невѣжества тма разрушается и естественныя человѣческаго разума очеса просвѣщаются, и есть веліе благо» (Сменцовскій, о. с., прилож., VI, VII).

К. Харламповичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Пидъ похылою вербою.

На Днипри зибралось циле мисто зъ плотивъ. Велыки й менши, зъ чепурными «хазяйськымы» куринямы и зовсимъ безъ усякого захисту для людей про негоду,—плоты щильно позбывалысь одынъ до одного, мицно взялысь якорямы за берегы й нерухомо стоялы проты быстрои воды. А вода проходыла мымо зъ якымъ-ся немовъ электрычнымъ, напруженнямъ, и ризала, и лоскотала ихъ слызьки бокы.

Ждалы годыны, щобъ спускатысь на порогы. Але цили тыждни витеръ дувъ одъ моря и, збываючы на порогахъ велыку хвылю, боронывъ пускаты плоты на перлови, ревучи хребты ихъ водобоивъ.

Плотовщане-лытвыны тому й ради булы. Чы ждаты, то й ждаты. Розиклавшы на берези огни, воны лежалы и сыдилы биля ихъ цили дни, байдуже розмовляючы и тягнучы пахучый—на ихъ смакъ—дымъ зъ своихъ люлёкъ. Хмары мошкы и комаривъ мало имъ шкодылы, та й булы то все люде звычни до сіеи веснянои кары. То бувъ сирый, брудный людъ, въ обшарпаній, давно немытій одежи, постолахъ и билыхъ свыткахъ, выткапыхъ зъ билои вовны овець далекои Билорусчыны. Мижъ ихъ попадалысь охочи до піяцтва и воны неслы своему веселому богови добру даныну, корыстуючыся зъ зайвого часу, тыхои годыны, поэтычнои обстановы, а найпаче—зъ того, що мисто, и велыке мисто, було тутъ-же заразъ на гори.

Я кажу—зъ поэтычнои обстановы, бо картына повноводого Днипра була й справди гарна. Тутъ, на берези, надъ водою, стоялы велелитни похыли вербы та осокоры, а тамъ—розвернувся блакитною, жывою площею Днипро. Часомъ, геть понадъ другымъ берегомъ, пробигавъ гомонлывый, маленькый параходыкъ и пидіймавъ обокы себе перловый шумъ хвыли. Опивдень налетила, була, тепла весняна хмара и, покропывшы и вербы, и Днипро, и лытвынивъ весняными тепло-блыскучымы искрамы, полынула дали, затуманюючы на якый часъ жывою ситкою ясну далечинь.

Вечорило. Пидъ одніею вербою, що нахылылась своею вершыною до воды, горивъ огонь, а биля ёго сыдила невелычка купа лытвынивъ. Воны сыдилы, потупывшы погляды своихъ тмяноолывьяныхъ очей въ ломоимя палаючыхъ головешокъ, и мовчалы. Ихъ було трое: маленькый дидокъ, що разъ-у-разъ чухавъ соби спыну, молодый парубокъ—билолыцый и билоголовый, и третій—чоловикъ рокивъ трыдцяты пяты—зъ рудою кудлатою головою и рябымъ облыччямъ.

— А чули, што бають люди?—промовывъ дидокъ, сипаючы правымъ плечемъ,—плытъ-та на парогахъ вчерась разбило... Яны значыть,—на бабайку!.. А ёнъ, лоцманъ-та, гукае: «кидай, само пройдя!..» Анъ ни прашло—хряснуло объ каменя... Яны, лоцманы, тожъ багато знають!..

Ця сумна звистка, здавалось, мало здывувала рудого кудлатого лытвына.

— Што жъ, ето бувае...—сказавъ винъ.—А хыба вчерась вже пускали плыты?

— Пускали.

Имъ обомъ було байдуже: ну, розбыло плота, й розбыло. Бильшъ копы лыха не буде.. Але молодого хлопця, Петруся, що йшовъ зъ плотамы тилькы першый рикъ, ся звистка вразыла гострымъ ножемъ у самисеньке серце.

— А люди ни патопли?—спытався винъ у дида.

— Ни чуть. Мабуть навыплывали.

— А плыть-та чій?—знов пытае Петрусь.

— Чій же будя—жыдовскій!.. Вси плыты у ихъ въ рукахъ.—промовывъ дидъ и трохы перегодя додавъ: – подкинь-ка чурокъ, погасне.

Петрусъ пидкынувъ дривець и огонь заграв веселійше.

Уже зовсимъ звечерило. Теперъ огни лытвынивъ у темряви удавалы фантастычну картыну. Здавалось, що то якись, ще доисторычни, люде зибралысь тутъ пидъ велетнямы-деревамы, и, розиклавшы огни, розмовляють и правлять свои свята, чы трызны.

Плямы свиту сягалы вгору до чорныхъ, лапатыхъ гилокъ, сягалы вбикъ на Днипро и выблыскувалы червоными смугамы по ёго живому скли.

Ось понадъ берегомъ проплывла душогубка и на яку хвылыну помаячыла пидъ сяевомъ на блыскучій води. И зныкла. Пирнула знов у темряву. Знов промайнула ныжче въ освитленій смузи воды и знов зныкла. На ній вымалёвувалось дви чоловичи постати.

Скризь по берези чуты спивы и гоминъ. Десь на далекому плоти хтось тужно грае на рижокъ. Чуты, якъ наблыжается зъ миста кумпанія пьяныхъ лытвынивъ. Воны безладно спивають й выгукують якусь писню. Можна пійматы тилькы слова:

На чужо-ой старанѣ!..

А тутъ же, десь зовсимъ блызько, выспивуе соловей и дрибно розсыпае срибно-яскрявымы перламы своеи все одніеи, але чудовои, писни кохання...

А на всю цю картыну дывыться тысячыма очей замысленопоэтычна украиньска весняна ничъ и ловыть коженъ згукъ тысячыма ушей. А сама мовчыть – велычня и спокійна у своій чаривній вроди.

Лытвыны повечерялы и лягають спаты. Огни догоряють и погасають. Повечерявъ и Петрусь зъ своимы товарышамы и ти, укрывшысь свыткамы, ляглы спаты. Воны заснулы скоро, але Петрусь заснуты не мигъ. Звистка, що на порогахъ розбыло плота, зворушыла всю ёго душу. Та й не дарма. Тилькы торикъ,

на тихъ самыхъ порогахъ, утонъ ёго батько... Петрусь добре памятае, якъ торикъ выряжалы ёго на плоты. Ще тилькы-тилькы ричка стала ввиходыты въ берегы, тилькы що почала вызначатыся звычайна ии течія, якъ ёго поклыкалы до жыда-орендаря: «завтра пускають плоты,—збирайся!» Якъ ёму се було не до вподобы, якъ винъ лаявся!.. Але ничого не вдіешъ. Винъ бувъ у жыда въ рукахъ, якъ пташка въ клитци... Жыдъ годувавъ и ёго, и ёго семью ще зъ Пылыпивкы. Треба видробляты набране на видробитокъ. Треба...

Повернувся до-дому батько темный, якъ ничъ. Винъ, тилькы увійшовъ у хату, почавъ лютуваты и шпурляты все геть видъ себе. Потимъ веливъ жинци зварыты картопли и добуты горилкы. Заставылы якусь одежыну и добулы горилкы. Винъ пывъ ии самъ, мовчкы, не зайидаючы навить картоплею, и скоро упывся. Тоди ставъ веселый. Почавъ хвалытысь,—скилькы винъ свиту побачить, яки мисця,.. Казавъ, що не слидъ журытысь, покы винъ жывый та здоровый... Що винъ прывезе всимъ подарункы... Почавъ цилуваты матиръ... И потимъ заплакавъ. Винъ плакавъ и тилькы вымовлявъ: «ничаво... ничаво...»

Винъ бувъ зовсимъ пьяный.

Другого дни вранци Петрусь пишовъ провожаты ёго до плоту. Плитъ стоявъ уже напоготови коло ричкы, на выруби. Воны силы въ душогубку и поплывлы по поводи, лисомъ, до вырубу. Батько бувъ сумный и неговоркый. Винъ мовчкы грибъ весломъ, помынаючы кущи та дерева. Прыйихалы до плоту. Тамъ уже все було напоготови. Скоро жъ и рушылы въ дорогу. Помолылысь гуртомъ Богови й пустылы плитъ зъ прычалу. Винъ заразъ же й пишовъ плавко за водою. Батько стоявъ на бабайци и гукнувъ ёму на останни: «гляды жъ... дома!..»

Ото винъ чувъ ёго голосъ и бачывъ ёго въ останній разъ. И теперъ, писля того, якъ винъ почувъ про розбытый на порогахъ плитъ, ёго молода, палка думка заразъ же змалювала ёму страшну картыну загыну ёго батька. Ёму здавалося, що винъ чуе заразъ страшный, ревучый гоминъ порогивъ, и колы винъ заплющувавъ очи, то бачывъ велычезни сиры водяни горы, що

клокочуть и стрыбають одна на одну и шалено бижать одна за одною невидомо куды. И баче винъ на тихъ горахъ «плытъ»... Розбывае ёго кожна хвыля все бильше и бильше... Перелякани люде збезглуздилы зъ жаху и упалы и повчиплялысь рукамы за мокри дерева, а други бигають по плоту и провалюются въ щилыны промижъ розметаныхъ деревъ...

О, Боже, яка страшна хвылына!..

А порогы ревуть, и гудуть, и дзвонять, и, стогнуть... А кыплячи хвыли рынуть невидомо куды и штовхають бидный плитъ и туды, и сюды... И винъ самъ гойдается увесь, и дрижыть, и скрыпыть...

Але ось... Боже, що се?!..

То каминь, сирый, гризный каминь вырынае зъ шуму и брызокъ... Винъ рвется до плота проты воды... Розрыва хвыли, якъ гострый нижъ крае хлибъ, якъ плугъ риже землю и страшенно скоро наблыжаеться до плоту...

Тр-р-р-а-хъ!..

И плитъ зъ усёго розгону бьется объ той каминь!.. Якъ трискы, якъ никчемни цуркы, розлетилысь, розирвалысь, поставалы сторчъ и на хвылыну мовъ запынылысь у тымъ становыщи велетеньски стовбури столитнихъ сосенъ и ялынъ... Мыть—и воны поплывлы за несытою, шаленою хвылею...

А люде, де воны?

И баче Петрусь блидого, на смерть переляканого батька. Винъ ухопывся за деревыну и сылкуется удержатысь за неи... Винъ держыться, але тилькы мыть... Деревына гойдается и крутыться, мовъ валъ у водяному млыни... Батько жыво-жыво перебирае рукамы, хапается за неи... хапается за хвылю... и зныкае пидъ кыпучою, гремучою водою...

Пидвився Петрусь. Жене видъ себе страшну оману. Протырае очи... И баче винъ—лагидный и тыхый, якъ небо, Днипро, и выблыскують на ёму, мовъ на неби, ясни зиркы. А дали маячать дерева другого берега, повыти мьякою пичною млою. Погляне вгору,—и баче, якъ звысла надъ нымъ похыла верба, мовъ

нахылылась маты и простяга до ёго свои рукы... А кризь виты вербы сяють ясни, блискучи весняни зори. И чуе винъ, якъ десь недалеко, зовсимъ недалеко, спивае, ажъ умливае, соловейко.

А ляже, укрыется свытою, склепыть очи,—и зновъ ревуть, гудуть, дзвонять, бурхають и стогнуть порогы, и баче винъ шалени сыви хвыли и блиде облыччя на смерть переляканого батька...

М. Чернявськый.

Нѣкоторыя дѣтскія игры въ Маякахъ, Херсонской губ.

(Матеріялы къ изученію игръ).

Помѣщаемыя ниже игры записаны мною отъ дѣтей (учениковъ Маякскаго городского училища) въ 1901 г. Эти записи, насколько возможно, провѣрены мною; но нѣкоторыхъ изъ этихъ игръ самому мнѣ не удалось видѣть, а поэтому провѣрять пришлось, сличая записи отъ нѣсколькихъ лицъ. Изъ игръ большими симпатіями пользуются—«проворный» (№ 3) и «цурка».

1. *Мэта.* Играющіе дѣлятся на двѣ равныя партіи, которыя становятся одна противъ другой на нѣкоторомъ разстояніи. Между ними отмѣчается середина разстоянія (чертой или чѣмъ инымъ). Передъ каждой партіей тоже проводится черта. На этихъ послѣднихъ чертахъ становится по одному играющему изъ каждой партіи. Ставъ на чертѣ, они бросаютъ мячомъ другъ въ друга, стараясь попасть. Остальные играющіе стараются поймать мячъ на лету или отъ «каши» (отскочившій отъ земли). Если кто поймаетъ, то «мета» противной партіи (стоящій на чертѣ) становится на серединную черту. Если же «мету» попадутъ, его смѣняетъ кто-нибудь другой. «Мета» можетъ уклоняться отъ мяча, но раньше долженъ сказать въ какую сторону уклонится, на какую ногу станетъ. Уходить съ мѣста нельзя; можно уклониться въ сторону, поднять ногу, руку, которымъ грозитъ опасность.

2. «*Съ коня на коня*». Играющіе дѣлятся на двѣ равныя партіи. Одна становится на кругу, а другая (верхъ) садится на нихъ верхомъ и перебрасывается мячомъ. Если мячъ три раза обойдетъ кругъ, то играющіе переѣзжаютъ на противоположныя мѣста и опять перебрасываются мячомъ. Если же кто изъ нихъ не поймаетъ мяча, то всѣ они соскакиваютъ и убѣгаютъ, а тѣ, что на кругу стоятъ, схватываютъ мячъ и бросаютъ въ убѣгающихъ. Если кого попадутъ, то занимаютъ ихъ мѣсто, и игра продолжается въ томъ же порядкѣ. (Играютъ взрослые и дѣти).

3. «*Проворный*». Играющіе дѣлятся тоже на двѣ партіи. Двое (по 1 изъ каждой партіи) мѣряются на «маткы». «Верхъ» идетъ въ «городъ», а «нызъ»—«пасты въ полѣ». Матка бьетъ семь разъ, а остальные только лишь «одбигаются», кромѣ «шестерыка», бьющаго 6 разъ и вызволяющаго «матку», если она не ударитъ мячъ. Поддаетъ мячъ въ большинствѣ случаевъ матка «ныза». Въ то время, какъ матка бьетъ мячъ, всѣ играющіе ея партіи должны «одбигтысь»—добѣжать до намѣченнаго мѣста и возвратиться въ городъ. Ударивъ мячъ въ послѣдній разъ, матка тоже должна «одбигтысь». Если же она промахнется, на выручку является «шестерыкъ», бьющій 6 разъ. Когда матка «одбижытся», то опять начинаетъ бить мячъ, а остальные «одбигаются.» Если поймаютъ на лету мячъ, или «побьютъ» кого изъ «одбигающыхъ», то тогда побившіе или поймавшіе идутъ въ «городъ», а побитые—«въ поле пасты». (Эта игра напоминаетъ «матку» Полтав. губерніи. Разница та, что въ «маткѣ» всѣ участники игры бьютъ мячъ: тутъ есть «разовыкы», «троякы», шестерыкы» и т. д.).

4. «*Круговый*». Играющіе дѣлятся на двѣ равныя партіи, мѣряются—чей верхъ. Верхъ становится на кругѣ, а низъ – въ кругу. Тѣ, что на кругѣ, идутъ куда-нибудь въ скрытое отъ противной партіи мѣсто и даютъ кому-нибудь изъ своихъ *мячъ*. Мячъ прячется въ карманъ или подъ полу. Остальные играющіе тоже прячутъ свои руки, чтобы ввести противниковъ въ заблужденіе.

Продѣлавъ это, идутъ на кругъ и бѣгаютъ по нему, пока имѣющій мячъ не броситъ его въ находящихся въ кругу. Если ударитъ кого въ кругу, то находящіеся на кругу убѣгаютъ, а тѣ,

что въ кругѣ, стараются попасть кого-нибудь изъ нихъ мячомъ. Если они промахнутся, то изъ ихъ партіи выходитъ побитый мячомъ, а если попадутъ, то выходитъ изъ игры побитый ими. Послѣ этого опять идутъ прятать мячъ и т. д. Когда на кругу останется только одинъ, то онъ мяча уже не прячетъ и бѣгаетъ по кругу и черезъ кругъ, стараясь ударить кого-нибудь изъ находящихся въ кругу. Бить онъ можетъ только съ круга. Цѣль игры—выбить всю противную партію. Та партія, которая достигнетъ этого, становится на кругу, а побитая—въ кругу. (Эта игра похожа на «городокъ». Весь ходъ игры такой же, только мячъ прячется не каждый разъ, а только лишь при началѣ игры; а потомъ «верхъ» стоитъ на кругу и перебрасывается мячомъ. Поймавшій мячъ можетъ бить находящихся въ кругу. Когда ударитъ—всѣ съ круга убѣгаютъ, а дальше, какъ и въ «круговую». Полт. губ. Луб. у.).

5. «*Середынка*». Чертятъ кругъ. Всѣ играющіе становятся на кругу и перебрасываются мячомъ. Кто не поймаетъ мяча—идетъ въ кругъ (въ «середынку»). Вмѣсто того, чтобы перебрасываться мячомъ, мѣряются, и тогда въ кругъ идетъ нижній или верхній, смотря по условію. Оставшіеся на кругу перебрасываются мячомъ и попадаютъ въ стоящаго въ кругѣ. Кто промахнется, тотъ идетъ въ кругъ, а его мѣсто занимаетъ находившійся въ кругѣ и т. д. (Въ Полт. губ. эта игра извѣстна подъ назв. «въ ко́ла».)

6. «*Жыдивськый*». Играющихъ—сколько угодно. Одинъ изъ нихъ бьетъ мячъ, а остальные идутъ въ «поле» и ловятъ мячъ. Если кто поймаетъ мячъ, то идетъ бить, а бившій мячъ идетъ «въ поле пасты». Если же мяча не поймаютъ на лету, то тогда тотъ, кто его схватитъ, старается попасть имъ въ «гилку» (палка, которой бьютъ мячъ), положенную на землѣ возлѣ бившаго мячъ, и когда попадетъ—идетъ въ «городъ» и бьетъ мячъ, а бившій—въ «поле».

7. «*Яркы*» (*ярки́*) *). Число играющихъ доходитъ до 10, рѣдко больше. Выкапывается въ одну линію столько ямокъ, сколько

*) Произносятъ и такъ и такъ (я́ркы и ярки́).

играющихъ. Играющіе, которыхъ ямки крайнія, наз. «питушкамы». Они катятъ мячъ по ямкамъ. Тотъ, въ чьей ямкѣ остановится мячъ, схватываетъ его и старается ударить кого-нибудь изъ играющихъ, которые въ это время убѣгаютъ во всѣ стороны. Если онъ промахнется, ему въ ямку кладутъ «яйце» (камешокъ, черепокъ и т. п.); если же ударитъ кого—то «яйце» кладутъ этому послѣднему. Играютъ до 5 «яець» и больше, смотря по условію. У кого число «яець» дойдетъ до условленнаго числа, тотъ выходитъ изъ игры, а остальные играютъ до тѣхъ поръ, пока не останется только одинъ. Оставшійся казнитъ всѣхъ вышедшихъ. Казнь состоитъ въ слѣдующемъ: казнимые становятся къ нему спинами, немного пригнувшись, а онъ, отойдя шаговъ на 15, бьетъ каждаго изъ нихъ по разу мячомъ. Если же игра прекращается раньше, чѣмъ останется только одинъ, то казнитъ тотъ, у кого «яець» меньше. Въ Полт. губ. (г. Лубны) эта игра извѣстна подъ назв. «яечка», «рослята». Крайніе играющіе наз. «грабарямы». Если кто не успѣетъ убѣжать отъ ямокъ, когда мячъ попадетъ въ чью-либо ямку, то ему даютъ «свичку», т. е. тотъ, въ чьей ямкѣ остановился мячъ, кидаетъ вверхъ, и въ это время оставшіеся у ямокъ должны убѣжать. (Дѣтская игра).

8. «*Стинкы*». Играющихъ неограниченное число. Мячъ бьютъ о стѣну и потомъ ловятъ; при этомъ сначала ударяютъ его прямо о стѣну, потомъ пробрасываютъ подъ рукой («ручкы»), подъ ногой («ножкы»), дѣлаютъ «свичку», во время которой «умываются», «утыраются» и т. д...

9. «*Клабасе*» (клабасей). Играющихъ сколько угодно. Они мѣряются или считаются, кому быть «клабасеемъ». Если считаются, то «прыказують»: «клабасе(й), клабасе, клады палочку на се», и на комъ закончится эта присказка, тотъ становится «клабасеемъ». Послѣ этого «к-й» беретъ палку и стучитъ ею, приговаривая «клабасе(й)» и т. д., какъ и при счетѣ, а остальные прячутся. Когда «к-й» простучитъ условленное время, то оставляетъ палку въ «городи» (дуку) и идетъ разыскивать спрятавшихся. Если кого увидитъ—бѣжитъ въ «городъ» и «застукуе» его, т. е. ударяетъ по чемъ-нибудь (стучитъ) палкою, приговари-

вая «клабасе...» Когда «к-ею» удастся всѣхъ «застукать», то первый изъ нихъ занимаетъ его мѣсто. Но если во время поисковъ кто-либо изъ спрятавшихся прибѣжитъ раньше «к-я» въ городъ и застучитъ палкою, то этимъ «вызволяются» всѣ «застукани» раньше, и «клабасеемъ» остается прежній.

10. «*Шлякы*». Играющіе чертятъ на землѣ квадратъ небольшихъ размѣровъ—«городокъ»; за нѣсколько шаговъ отъ него проводятъ черту; на чертѣ «городка» ставитъ каждый играющій по 2 «шлякы» (тоже, что «паци»); потомъ идутъ до черты и оттуда бросаютъ «плазикамы» [1]) въ «шлякы», стараясь попасть и сбить ихъ съ мѣста. Если выбросятъ всѣ «плазикы», а «шлякы» еще останутся въ «городкѣ», то тогда бросаютъ «плазикы» съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они попадали. Первымъ бьетъ тотъ, чей «плазикъ» лежитъ дальше. Если чей «плазикъ» лежитъ на чертѣ городка, то этотъ играющій закрываетъ одинъ глазъ, а если въ городкѣ—то закрываетъ оба и тогда бьетъ «плазикомъ» «шлякы». Это называется—«слипкы». Выигрываетъ тотъ, кто выбьетъ «шляка» за «городъ».

11. «*Чуръ-жыдъ*». Чертятъ городокъ и на его чертѣ ставятъ «чуръ-жыда» («скракля», цилиндрическій чурбанъ). Послѣ этого всѣ играющіе, ставши въ рядъ, бросаютъ палки. Чья упадетъ ближе, тотъ становится пастухомъ. Остальные отходятъ отъ «городка» на нѣсколько шаговъ (20 и больше) и становятся на чертѣ. Отсюда они бросаютъ въ «чуръ-жыда». Если собьютъ, тогда пастухъ спѣшитъ поставить его, а тѣ, кто бросалъ палки, бѣгутъ за ними и стараются возвратиться въ «городъ», пока еще «ч.-ж.» не поставленъ. Когда же «ч.-ж.» поставленъ, они должны остановиться и ждать, пока кто не «вызволе» ихъ. Кто «ч.-ж.» не выбьетъ изъ «городка», тотъ идетъ въ пастухи. Смѣняется пастухъ еще и тогда, когда всѣ останутся «въ полѣ» и некому ихъ «вызволыты». Тогда игра начинается сначала, снова мѣряются.

12. «*Горщечкы*». Играющихъ нечетное число. Всѣ, кромѣ одного, образуютъ двойной кругъ, становясь по-парно—одинъ за

---

[1]) «Плазикамы» наз.—камни или куски чугуна, которыми сбиваютъ «шлякы».

другимъ, лицомъ въ средину круга. Въ средину круга становится одинъ изъ играющихъ, которому нѣтъ пары. Это—«купець». Играющіе, образующіе наружный кругъ наз. «горщечкамы», а внутренній—«хазяинамы». «Купець», обращаясь къ кому-нибудь изъ «хазяинивъ», спрашиваетъ: «продаешъ горщечокъ, чы ни?». Если продаетъ, начинается торгъ. Когда сойдутся въ цѣнѣ, выходятъ и купецъ и хозяинъ за кругъ и бѣгутъ въ противоположныя стороны, вокругъ играющихъ. Кто раньше прибѣжитъ къ продаваемому «горщечку», тотъ становится его хозяиномъ. Затѣмъ игра идетъ въ томъ же порядкѣ. (Играютъ дѣти и взрослые. Въ настоящее время это исключ. дѣтская игра).

13. «*Блудокъ*». Играющихъ неограниченное число. Берутъ колочекъ величиною пальцевъ въ 5 (по толщинѣ пальцевъ). Каждый изъ играющихъ беретъ этотъ колочекъ между двухъ пальцевъ и бьетъ по нему палкой, чтобы вколотить его въ землю; потомъ беретъ межъ другихъ двухъ пальцевъ и т. д., до конца; потомъ бьетъ уже такъ, если еще не весь колочекъ забитъ въ землю. Кто забьетъ весь колочекъ—тотъ выигралъ. Кто забьетъ колочекъ въ землю найменьше, тому завязываютъ глаза, и онъ долженъ искать колочекъ, пока не найдетъ.

14. «*Трампижа*». Играющихъ четное число. Они дѣлятся на двѣ партіи, каждая со своей «маткой». «Маткы» мѣряются между собою, и чей верхъ, та «матка» начинаетъ игру. «Матка» беретъ палку, бросаетъ ее куда-нибудь и кричитъ: «трампиж(а)». Въ то время, какъ «матка» бросаетъ палку, обѣ партіи становятся одна противъ другой по-парно и закрываютъ другъ другу глаза «бецмáнамы» (большими пальцами рукъ). Когда же «м-ка» крикнетъ «трампиж(а)», тогда всѣ играющіе бѣжатъ и ищутъ палку. Кто найдетъ, бѣжитъ къ своей «маткѣ», а изъ противной партіи стараются отнять палку, Если же онъ добѣжитъ до своей «маткы», то уже отнимать нельзя, и его партія считается выигравшей, и «матка» этой партіи начинаетъ игру въ томъ же духѣ. Играютъ обыкновенно въ полѣ. Играютъ взрослые, а также и дѣти.

15. «*Верныголова*». Играющихъ 8 душъ. Четверо изъ нихъ становятся въ двѣ пары—одна противъ другой, нагибаются и прячутъ головы подъ грудь одинъ другому. Другіе четверо, разбѣжавшись, вскакиваютъ на нихъ и, перевернувшись черезъ голову, становятся на ноги. Послѣ этого они принимаютъ положеніе первыхъ, а тѣ перепрыгиваютъ черезъ нихъ и т. д. Играютъ «парубки».

16. «*Салдатыкы*». Играющіе дѣлятся на двѣ партіи. Дѣлаетъ каждая партія небольшой земляной валъ, становится за валомъ и оттуда стрѣляетъ въ противную партію, для чего употребляетъ камышины, набитыя порохомъ. Пострѣлявъ немного, поютъ пѣсни, маршируютъ съ палками, вмѣсто ружей, и флагомъ; потомъ опять стрѣляютъ. (Въ эту игру въ настоящее время совсѣмъ не играютъ. Играли въ нее до 98 г. и играли взрослые парни. Почему теперь не играютъ, мнѣ не удалось узнать).

Кромѣ того, распространены здѣсь игры—въ «дучкы» («свынка» «дулка»...), «цуркы», «гусей», «ворона»; играютъ дѣти и въ «краскы», «перстня»... Но эти игры, кажется, распространены повсемѣстно и почти ни чѣмъ не отличаются въ разныхъ мѣстахъ... Въ «дучкы» и «цуркы» играютъ какъ взрослые, такъ и дѣти. Въ «гусей», «ворона», «перстня», насколько мнѣ удалось замѣтить, играютъ больше дѣти. Въ послѣднее время начали распространяться среди дѣтей, особенно учащихся, т. н. подвижныя гимнастическія игры, въ которыя заставляютъ играть дѣтей на урокахъ гимнастики («двоихъ мало», «троихъ много», «жгуты» и т. п.). Эти игры понемногу вытѣсняютъ чисто народныя мѣстныя игры. Этому помогаетъ еще запрещеніе играть въ нѣкоторыя игры въ училищномъ дворѣ. Играютъ еще—«у тиснои бабы», «цюци-бабы» (слипои бабы), «жмуркы», «довгои лозы» и «скракли».

П. П.

Двадцатипятилѣтіе со дня смерти Осипа Максимовича Бодянскаго.

(6 сентября 1877 г.—6 сентября 1902 г.).

---

6 сентября исполняется 25 лѣтъ со дня смерти извѣстнаго слависта, одного изъ основателей школы славяновѣдѣнія въ Россіи, Осипа Максимовича Бодянскаго, который умеръ въ Москвѣ 6 сентября 1877 г.

Онъ былъ, по происхожденію, изъ духовнаго званія и родился 31 октября 1808 года въ м. Варвѣ, лохвицкаго уѣзда, полтавской губерніи. По окончаніи курса въ духовной семинаріи, Бодянскій въ 1831 году поступилъ въ московскій университетъ по словесному отдѣленію и кончилъ его въ 1834 году со степенью кандидата. Въ 1837 году Бодянскій получилъ степень магистра словесныхъ наукъ и былъ командированъ съ ученой цѣлью заграницу, преимущественно въ славянскія земли. Въ 1842 году, по возвращеніи изъ командировки, Бодянскій получилъ каѳедру исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій въ московскомъ университетѣ, которую и занималъ, съ небольшимъ перерывомъ въ нѣсколько мѣсяцевъ, до второй половины 1860-хъ годовъ, когда катково-леонтьевская партія выжила его изъ московскаго университета.

Изъ ученыхъ трудовъ О. М. Бодянскаго особой извѣстностью и вниманіемъ въ ученомъ мірѣ пользуются: «О мнѣніяхъ касательно происхожденія Руси» (1835), «О народной поэзіи славянскихъ племенъ» (1837), «О времени происхожденія сла-

вянскихъ письменъ» (1855 г.). Кромѣ того, Бодянскому принадлежатъ также переводы: съ чешскаго «Славянскихъ древностей» Шафарика и другихъ его сочиненій, а съ польскаго—переводъ сочиненія Зубрицкаго «Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси» (М. 1845 г.).

Кромѣ своихъ научныхъ работъ, О. М. Бодянскій пріобрѣлъ еще извѣстность, какъ секретарь «Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ». Въ званіе секретаря онъ былъ избранъ въ 1845 году; въ тоже время онъ сдѣлался и редакторомъ органа Общества «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ». «Чтенія» получили при немъ характеръ періодическаго, правильно, въ опредѣленные сроки выходящаго сборника. Въ «Чтеніяхъ» времени редакторства О. М. Бодянскаго напечатаны многіе важнѣйшіе памятники по исторіи, филологіи, литературѣ и т. д. Въ 1848 году, когда, подъ вліяніемъ событій въ Западной Европѣ, усилилась строгость относительно цензуры въ Россіи, стряслась бѣда и надъ О. М. Бодянскимъ. Онъ напечаталъ въ «Чтеніяхъ» переводъ извѣстнаго сочиненія Флетчера о Россіи конца XVI в. Въ результатѣ явилось отстраненіе О. М. Бодянскаго отъ секретарства въ Обществѣ и перемѣщеніе его на каѳедру слевянскихъ нарѣчій въ казанскій университетъ на мѣсто В. И. Григоровича, который былъ тогда же переведенъ въ Москву. Но Бодянскій въ Казань не поѣхалъ и, поэтому, 2 января 1849 года былъ уволенъ въ отставку. Впрочемъ, его отставка продолжалась недолго: 22-го ноября 1849 года онъ снова былъ опредѣленъ на прежнюю каѳедру въ московскій университетъ. Секретаремъ же Общества онъ не могъ сдѣлаться до начала царствованія императора Александра II-го и былъ избранъ вновь только въ 1858 году. Въ этомъ званіи онъ оставался до самой смерти и до самой же смерти былъ редакторомъ «Чтеній».

Малороссъ по происхожденію, О. М. Бодянскій живо интересовался историческими судьбами своей родины и, по возможности, стремился способствовать ея изученію. Самъ онъ не былъ историкомъ, хотя его предисловія къ изданнымъ имъ памятни-

камъ показываютъ, что онъ былъ глубокимъ знатокомъ прошлаго своей родины. О. М. Бодянскимъ изданы важнѣйшіе памятники для исторіи Малороссіи, которые значительно двинули ея изученіе впередъ. Назовемъ соч. Ригельмана, Симоновскаго, лѣтопись Самовидца, Источники малороссійской исторіи 2 т., Реестры войска запорожскаго, Діаріушъ Ханенка и т. д.

Редакція «Кіевской Старины» надѣется помѣстить въ одной изъ ближайшихъ книжекъ статью, въ которой нѣсколько подробнѣе будутъ выяснены заслуги О. М. Бодянскаго относительно малорусской исторіографіи.

Алексѣй Александровичъ Андріевскій.

Алексѣй Александровичъ Андріевскій.

(Некрологъ).

Съ грустью редакція «Кіевской Старины» заноситъ въ свой списокъ утратъ ближайшихъ и постоянныхъ сотрудниковъ новое имя—*Алексѣя Александровича Андріевскаго*, много поработавшаго для изученія прошлой судьбы нашего края.

Потери редакціи въ текущемъ году особенно тяжелы: въ мартѣ мы лишились А. М. Лазаревскаго, 9-го іюля—А. А. Андріевскаго, помѣщавшихъ свои статьи въ нашемъ журналѣ со времени его возникновенія и до послѣднихъ дней своей жизни. Смерть А. А. А—го была почти такъ же неожиданна, какъ и смерть А. М. Л—го. Онѣ внезапно положили конецъ нашимъ надеждамъ на то, что, полные энергіи, эти труженики исторіи еще долго будутъ поддерживать насъ на нашемъ трудномъ пути. И вотъ, приходится подводить итоги ихъ дѣятельности!

А. А. Андріевскій родился въ апрѣлѣ 1845 г. въ г. Каневѣ (Кіев. губ.), гдѣ его отецъ состоялъ законоучителемъ Каневскаго уѣзднаго дворянскаго училища. Мы не знаемъ, здѣсь ли, въ Каневѣ, онъ получилъ первоначальное образованіе и закончилъ въ Кіевѣ, во 2-й гимназіи, или же прошелъ курсъ послѣдней отъ 1-го до 7-го класса; раннее окончаніе А. А. гимназіи, именно въ 16 лѣтъ, показываетъ, что имъ не былъ потерянъ ни одинъ годъ и онъ принадлежалъ къ числу лучшихъ учениковъ.

«Въ послѣднихъ двухъ классахъ, пишетъ о себѣ А. А. г. Венгерову для его «Словаря», [1]) я находился во время попечительства Н. И. Пирогова и испыталъ на себѣ силу глубокого нравственнаго вліянія этого знаменитаго педагога», а куда направлено было это вліяніе, лучше всего показываютъ слова самого Н. И. Пирогова, въ которыхъ онъ характеризуетъ состояніе учебныхъ заведеній въ концѣ 50-хъ годовъ: «Всѣ, знакомые съ краемъ и любящіе правду, вѣроятно, согласятся въ томъ, что вмѣсто патріархальности, отеческой заботы, братской любви и т. п., произволъ непосредственныхъ начальниковъ отразился какъ на ученикахъ здѣшнихъ гимназій, такъ и на учителяхъ. Органическая связь между учениками и учителями была уже давно нарушена. Между ними стояли начальники заведеній. Чувство законности было сильно потрясено произволомъ. Недовѣріе къ справедливости гимназическаго начальства глубоко вкралось въ убѣжденіе учениковъ» [2]). Пироговъ устранилъ эти печальныя явленія въ школьной жизни того времени, что и высказано было однимъ изъ ораторовъ въ своей рѣчи на обѣдѣ въ честь Пирогова, уволеннаго отъ должности попечителя въ 1861 году. Между прочимъ, по мысли Пирогова были устраиваемы литературныя бесѣды для учениковъ 1-й и 2-й кіевскихъ гимназій съ цѣлью поощрить ихъ самостоятельный трудъ и вызвать въ нихъ научное соревнованіе. Въ этихъ бесѣдахъ принималъ участіе и А. А. [3]); онъ представилъ критику на сочиненія товарищей своихъ: Росцишевскаго—«Литва до введенія въ нее христіанства», Липпомана—«Степь и море, верблюдъ и корабль», и одного ученика 1-й гимназіи, писавшаго «О крестовомъ походѣ Людовика XI святого». Бесѣды происходили по субботамъ, вечеромъ; на нихъ каждый разъ присутствовалъ Н. И. Пироговъ. А. А. былъ избранъ въ секретари этихъ ученическихъ собраній и очень гордился тѣмъ, что сидѣлъ рядомъ съ Пироговымъ, и съ этихъ поръ

---

[1]) Т. I. стр. 269.

[2]) «Кіев. Стар.» 1902 г. № 7—8 стр. 183.

[3]) Ibid, стр. 188.

онъ горячо полюбилъ послѣдняго; портретъ его всегда висѣлъ въ кабинетѣ А. А. на ряду съ другими «апостолами правды и науки».

Пребываніе въ университетѣ въ періодъ 1862—65 гг. также положило глубокую печать на убѣжденія и симпатіи А. А.; въ это время тамъ господствовало польское и малорусское національное движеніе; принимались правительственныя мѣры къ распространенію въ народѣ просвѣщенія: студенчество было призвано мѣстной учебной властью (въ лицѣ М. А. Тулова) къ содѣйствію и откликнулось на этотъ призывъ со всѣмъ пыломъ молодости; тогда же А. А. сблизился съ М. П. Драгомановымъ, бывшимъ въ то время студентомъ университета и стоявшимъ во главѣ учащейся молодежи; время студенчества положило печать на всю дальнѣйшую дѣятельность А. А. по выходѣ изъ университета: національныя симпатіи и просвѣтительная дѣятельность стали его отличительными чертами на всю жизнь. Въ 1865 году А. А. окончилъ университетъ по историко-филологическому факультету, а въ январѣ слѣдующаго 1866 года былъ назначенъ учителемъ рус. языка и словесности въ Екатеринославскую гимназію; здѣсь онъ оставилъ по себѣ славную память, какъ учредитель «Общества попеченія о женскомъ образованіи», для котораго составилъ и понынѣ дѣйствующій уставъ. Вопросъ о женскомъ образованіи незадолго до того выступилъ на очередь, и А. А., чутко прислушивавшійся къ біенію общественнаго пульса, сознавая недостаточность однихъ правительственныхъ мѣропріятій, побудилъ и мѣстное (Екатеринославское) общество принять посильное участіе въ дѣлѣ, которое стало тогда истиной, не требующей доказательства. Въ январѣ 1871 г. А. А. переведенъ былъ въ Одессу, гдѣ, состоя на службѣ, сначала въ Ришельевской, а затѣмъ во 2-й Одесской гимназіяхъ, преподавалъ и въ двухъ учебныхъ заведеніяхъ города. Для характеристики А. А., какъ педагога, приведемъ отзывъ одного изъ его учениковъ, г. І. Г. Бровермана: «А. А. вносилъ въ дѣло преподаванія всю мощь и красоту своего внутренняго душевнаго міра, всѣ свои глубокія познанія, всю свою любовь къ дѣтямъ и человѣку вообще, кто бы онъ ни былъ—эллинъ или іудей... Не ограничиваясь русскою литературою, А. А. знакомилъ

насъ съ иностранными классиками и часто на дому у себя по долгу бесѣдовалъ съ нами о великихъ завѣтахъ мыслителей и писателей»... Въ педагогическихъ совѣтахъ А. А. былъ всегда ярымъ врагомъ всякаго формализма и сухого отношенія къ ученикамъ, являлся самымъ горячимъ заступникомъ несправедливо обойденныхъ и преслѣдуемыхъ» [1]).

Но педагогическая дѣятельность А. А. въ Одессѣ должна была вскорѣ прекратиться; въ 1877 г. онъ былъ переведенъ учителемъ въ г. Архангельскъ; слабое здоровье его не могло вынести суровости дальняго сѣвера; въ сентябрѣ того же года онъ былъ назначенъ въ г. Тулу учителемъ реальнаго училища; здѣсь покойный серьезно заболѣлъ и въ январѣ 1878 г. вышелъ въ отставку; переселившись тогда же въ г. Одессу, А. А. получилъ мѣсто преподавателя въ юнкерскомъ училищѣ; недостаточность получаемаго содержанія заставила его заниматься частными уроками и участіемъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ»; въ этой газетѣ А. А. помѣстилъ свою первую историко-литературную работу: «Григорій Федоровичъ Квитка (Основьяненко), 1778—1843 гг. Біографическій очеркъ. Составилъ А—ръ». Работа эта была написана А. А. по поводу исполнившагося столѣтія со дня рожденія Г. Ф. Квитки; простой и изящный языкъ, яркая характеристика малорусскаго писателя и теплое чувство автора, проникающее очеркъ, были причиной того, что послѣдній выдержалъ два изданія. Начавшіяся такъ удачно занятія А. А. южно-руской литературой должны были вскорѣ замѣниться работами по сѣверно-русской исторіи. Дѣло въ томъ, что А. А. въ 1879 году долженъ былъ переселиться на жительство въ г. Вятку. Здѣсь приготовлялись къ празднованію столѣтія учрежденія губерніи; мѣстный статистическій комитетъ предпринялъ изданіе въ память этого событія сборника: «Столѣтіе Вятской губерніи» въ двухъ томахъ. Кромѣ участія въ общемъ трудѣ по составленію «Лѣтописей» губерніи, А. А. написалъ слѣдующія статьи для сборника: «Историческій очеркъ г. Вятки до открытія намѣстничества», «Вятская

---

[1]) «Одес. Нов.» отъ 11 іюля 1902 г. № 5686.

хроника за послѣднія 25 лѣтъ» и «Объ языческихъ обрядахъ и жервоприношеніяхъ крещеныхъ инородцевъ Вятской губерніи». Былъ имъ составленъ для сборника еще одинъ очеркъ: «Картофельный бунтъ въ Вятской губерніи», но туда почему-то не вошелъ и появился позже (въ 1881 г.), въ «Историч. Вѣстникѣ». Перечисленныя работы А. А. показываютъ, что время, проведенное имъ въ Вяткѣ, не прошло даромъ: здѣсь онъ пріобрѣлъ навыкъ въ археографіи, такъ что въ 1881 году, когда А. А. возвратился на родину и былъ назначенъ редакторомъ неоффиціальной части «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», этотъ навыкъ былъ для него весьма кстати.

Съ переходомъ на службу въ Кіевъ для А. А. открывается широкое поле дѣятельности. Въ качествѣ редактора неоффиціальной части «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», онъ приступаетъ къ пользованію богатѣйшимъ архивомъ Кіевскаго Губернскаго Правленія; извлекаемые оттуда матеріалы А. А. помѣщаетъ въ «Вѣдомостяхъ»; изъ нихъ потомъ составлялись отдѣльные оттиски, выходившіе выпусками; каждый выпускъ размѣромъ in—16° состоялъ болѣе чѣмъ изъ 200 страницъ; такихъ выпусковъ въ теченіе 1882—86 годовъ вышло десять подъ общимъ заголовкомъ: «Историческіе матеріалы изъ Архива Кіевскаго Губернскаго Правленія»; содержаніе ихъ было разнообразно и весьма богато интересными фактами изъ прошлаго Юго-Западнаго края; сюда входили матеріалы, касавшіеся исторіи церквей и монастырей, быта духовенства, пограничныхъ сношеній Кіевскаго генералъ-губернаторства съ Турціей и Польшей, факты пограничныхъ столкновеній населенія, внутренняго управленія, дворянскаго и городского самоуправленія, изъ быта горожанъ, жизни козачества, гайдамацкихъ движеній, внутренняго строя Запорожья, состоянія школъ и быта учащихся, экономическаго и финансового состоянія края, быта иновѣрцевъ и инородцевъ края; особенно же много помѣщено матеріала по вопросамъ Кіевскаго городского самоуправленія, современное состояніе котораго горячо тогда обсуждалось въ мѣстныхъ газетахъ: «Кіевлянинѣ», «Зарѣ» и «Трудѣ». Большое количество документовъ, касающихся Кіевскаго городского самоуправленія,

помѣщены А. А. въ нашемъ журналѣ за разные годы, а въ 1894 году они вышли отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ: «Изъ жизни Кіева въ XVIII вѣкѣ (архивныя замѣтки)». Но особенно подробно А. А. рисуетъ мрачную картину самоуправленія Кіева, въ статьѣ «Войтовство И. Сычевскаго въ Кіевѣ (1754—66 гг.)», также печатавшейся въ нашемъ журналѣ и вышедшей отдѣльнымъ оттискомъ въ 1891 г. Обиліе матеріаловъ у А. А. было столь велико, что въ этотъ же періодъ времени онъ печатаетъ въ «Запискахъ Император. Одес. Общества исторіи и древностей» (т. XIV-й) большой сборникъ «Матеріаловъ для исторіи Южно-русскаго края въ XVIII стол. (1715—1774 гг.)»; матеріалы эти исключительно касаются Запорожья и Крыма; въ XVI т. тѣхъ же «Записокъ» напечатанъ второй сборникъ «Матеріаловъ по исторіи Запорожья и пограничныхъ сношеній (1743—1767 гг.)»; эти сборники являются въ высокой степени цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для южно-русскаго бытописателя. Жизнь Запорожскаго козачества въ XVIII в. представлена здѣсь во всѣхъ подробностяхъ и со всѣхъ сторонъ одинаково освѣщается изданными «Матеріалами». Сюда же относятся его статьи: «Русскіе конфиденты въ Турціи и Крыму въ 1765—68 гг.», съ сообщеніями этихъ конфидентовъ о политическихъ слухахъ, ходившихъ въ Турціи и Крыму по поводу сношеній ихъ съ Россіей и «Коммиссія 1749 г. для разбора взаимныхъ претензій татаръ и запорожцевъ»; статьи эти были помѣщены въ 1894 году въ VIII и IX-й книгахъ «Чтеній» Общества Нестора-лѣтописца.

Въ книгѣ «Чтеній» этого же Общества напечатана и статья о «Послѣднихъ Кіевскихъ сотникахъ», изъ-за которой происходила полемика въ мѣстныхъ газетахъ между А. А. и современными потомками послѣднихъ кіевскихъ сотниковъ—Гудимовъ... Снабжая матеріалами историческія общества: Одесское—исторіи и древностей и Кіевское—Нестора-лѣтописца, А. А. одновременно сообщалъ таковой, какъ мы уже неоднократно упоминали, и редакціи «Кіевской Старины», гдѣ, между прочимъ, были помѣщены его статьи: «Васильковская таможня и городничіе монахи» (1883 г. № 1),

«Запорожскіе выборы и порядки въ XVIII в.» (1883 г. № 5), «Изъ писемъ помѣщиковъ Кіевской губ. къ губернатору» (1884 г. № 1), «Изъ дѣлъ объ оскорбленіи гетманской чести» (1884 г. № 12), «Сербы въ Кіевѣ» (1885 г. № 7), «Нѣсколько словъ къ исторіи Кіево-Межигорскаго монастыря» (1885 г. № 9), «Къ исторіи пограничныхъ сношеній съ Крымскимъ ханствомъ» (1885 г. № 2), «Кіевскія смуты средины XVIII в.» (1886 г. № 12), «Кіевскіе толмачи» (1889 г. № 5 и 6-й) и друг. Издавая историческіе матеріалы, А. А. держался или формы разсказа, излагая въ немъ ходъ дѣла, или приводилъ документы, то цѣликомъ, то въ значительныхъ извлеченіяхъ, связывая послѣднія краткой передачей опущенныхъ мѣстъ. Въ рецензіяхъ по поводу издававшихся А. А. матеріаловъ и мы лично, и покойный редакторъ «Кіевской Старины» Ѳ. Г. Лебединцевъ подъ разными иниціалами и псевдонимами, и проф. В. Б. Антоновичъ не разъ указывали на важное значеніе дѣятельности А. А., какъ археографа, и на цѣнность печатаемыхъ имъ «Историческихъ матеріаловъ». Насколько полезнымъ работникомъ былъ А. А. въ качествѣ редактора неоффиціальной части «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», показываетъ вышеприведенный перечень напечатанныхъ имъ матеріаловъ; но этимъ не ограничивалось его неустанное трудолюбіе: онъ помѣщалъ большое количество статей въ кіевскихъ газетахъ «Зарѣ» и «Трудѣ», главными руководителями которыхъ были М. И. Кулишеръ и А. А. Русовъ, а позже въ «Жизни и Искусствѣ»; перечислить его газетныя статьи по разнаго рода «злобамъ дня» въ настоящее время не представляется возможнымъ, такъ какъ имъ А. А. счета не велъ, а отдѣльные оттиски не изготовлялись; газетныя статьи всѣ были написаны «съ огонькомъ». Изъ этого рода работъ съ особеннымъ интересомъ читались его фельетоны: «Словами поэта». Изъ нихъ мы помнимъ разборъ А. А. сочиненій Д. В. Веневитинова, А. Жемчужникова и А. Н. Апухтина; въ этихъ работахъ своихъ А. А., сообщивъ біографическія данныя о каждомъ поэтѣ, указывалъ на ихъ міросозерцаніе и идеалы, на ихъ стремленіе къ истинѣ, добру, любви и красотѣ, и такія указанія сопровождалъ выдержками изъ произведеній поэтовъ; эти статьи онъ подписывалъ иногда псевдо-

нимами А-ръ, Донъ-Кихотъ Не-Ламанчскій, или просто называлъ ихъ «Бесѣдами отставного учителя словесности»; по такой же программѣ напечатана была А. А. статья и объ «Я. П. Полонскомъ» въ газетѣ «Жизнь и Искусство» за 1895 г. Если эти статьи написаны А. А. въ формѣ классныхъ уроковъ по исторіи русской литературы, то нельзя не признать, что въ своей педагогической дѣятельности онъ долженъ былъ производить глубокое впечатлѣніе на учениковъ, что̀ одинъ изъ нихъ (г. І. Г. Броверманъ) и выразилъ въ своемъ воспоминаніи о недавно умершемъ учителѣ.

Редакторство губернскихъ вѣдомостей и сотрудничество въ газетахъ не мѣшало, однако, А. А. быть въ тоже время и преподавателемъ словесности въ Кіевской министерской женской и въ Фундуклеевской гимназіяхъ. Но болѣе всего выдѣлялась дѣятельность А. А. въ качествѣ члена Кіевской Коммисіи народныхъ чтеній, переименованной теперь въ Кіевское Общество содѣйствія начальному образованію, дѣятельность, которую онъ, начиная съ 1882 года, непрерывно продолжалъ съ большой самоотверженностью и полной преданностью дорогому для него дѣлу во все время пребыванія своего въ Кіевѣ.

Коммиссія незадолго до того возникла. Дѣло было новое, публика не привыкла внимательно слушать, а между тѣмъ чтенія происходили въ самыхъ бойкихъ пунктахъ уличнаго движенія (на Крещатикѣ) и привлекали не однихъ только любознательныхъ слушателей, но и просто гуляющую публику. Уже тогда А. А. выдѣлялся необыкновенно живымъ и энергичнымъ отношеніемъ къ дѣлу, пишетъ намъ въ своихъ воспоминаніяхъ о покойномъ В. И. Щербина. Онъ не пропускалъ ни одного чтенія, внимательно слѣдилъ за порядкомъ и рѣдко малѣйшее нарушеніе тишины ускользало отъ его вниманія; иногда А. А. самъ выступалъ въ качествѣ лектора, но и тутъ не переставалъ наблюдать за порядкомъ, прерывалъ чтенія въ случаѣ шума и дѣлалъ замѣчанія. Публика нисколько не обижалась этими замѣчаніями и постепенно пріучалась къ порядку. А. А. заботился и о содержаніи чтеній. По его мысли возникли существующія и теперь

секціи—историко-литературная и естественно-историческая, въ которыхъ производился выборъ брошюръ для чтенія и самыя чтенія приспособлялись для этой цѣли. Уже въ то время имъ поставленъ былъ вопросъ о систематизаціи чтеній, занимающей общество и въ настоящее время. Не довольствуясь спискомъ брошюръ, разрѣшенныхъ для чтенія, А. А. старался пополнять его составленіемъ новыхъ. Будучи редакторомъ неоффиціальной части «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», А. А. открылъ въ этой газетѣ особый отдѣлъ «для народнаго чтенія», въ которомъ печатались статьи, составленныя самимъ А. А. и нѣкоторыми другими членами Коммиссіи народныхъ чтеній; статьи эти выходили потомъ отдѣльными оттисками, и большая часть ихъ была допущена къ произнесенію въ народной аудиторіи. Всего было издано 11 брошюръ; изъ нихъ А. А. принадлежатъ четыре: «Крымъ и Крымскіе татары», «В. А. Жуковскій», «Первый русскій книгопечатникъ» и «Изъ бесѣдъ о любви къ животнымъ»; такимъ образомъ имъ положено было начало издательской дѣятельности Коммиссіи.

Въ 1885 г. А. А. былъ назначенъ инспекторомъ гимназіи въ м. Златополь, и связь его съ тѣми учрежденіями, въ которыхъ онъ принималъ горячее участіе, на время прервалась. Въ Златополѣ А. А. вскорѣ нашелъ для себя дѣло, кромѣ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей; онъ составилъ и напечаталъ «Историческую записку о Златопольской прогимназіи» ко дню ея 50-лѣтняго юбилея въ августѣ мѣсяцѣ 1887 года. Кромѣ того, каждую субботу А. А. устраивалъ литературные вечера и сформировалъ учепическій оркестръ, которымъ самъ управлялъ, но только по слуху, такъ какъ музыкѣ не обучался, а слухомъ обладалъ прекраснымъ; въ златопольской гимназіи памятникомъ А. А. служитъ разведенный имъ большой красивый садъ и высокій курганъ, насыпанный имъ и его учениками; съ этого кургана открывается прекрасный видъ на красивую окружающую мѣстность.

Черезъ пять лѣтъ онъ возвратился въ Кіевъ, предпочтя мѣсто учителя словесности въ 1-й гимназіи мѣсту инспектора гимназіи въ глухомъ мѣстечкѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ возвратился и къ своей широкой общественной, педагогической дѣятельности. Къ этому вре-

мени относятся его заботы объ устройствѣ въ Кіевѣ постоянной народной аудиторіи. Мысль объ устройствѣ аудиторіи всецѣло принадлежитъ А. А., и онъ съ необыкновеннымъ рвеніемъ принялся за ея осуществленіе. Общее собраніе членовъ Коммиссіи народныхъ чтеній 15 марта 1893 года постановило приступить къ постройкѣ, а 8-го октября 1895 г. состоялось уже освященіе новаго зданія. Главная роль въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ А. А.; еженедѣльно въ его квартирѣ собиралось правленіе Коммиссіи для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ постройкой: выбора мѣста, плана аудиторіи, изысканія средствъ на постройку, которыми Коммиссія не располагала, и пр.; въ то время, когда рѣшено было приступить къ постройкѣ, въ кассѣ Коммиссіи не было и 2000 р.; тутъ А. А. пришлось употребить все свое умѣнье и настойчивость, чтобы довести дѣло до конца: въ газетахъ печатались воззванія, разсылались подписные листы, устраивались литературно-музыкальные вечера, катанія на пароходахъ. «Конечно, пишетъ намъ В. И. Щербина, во всѣхъ этихъ хлопотахъ принимали участіе и другіе члены Коммиссіи, и въ особенности ея предсѣдатель проф. Н. А. Хржонщевскій, но все-таки значительную долю труда пришлось взять на себя А. А.» Въ короткое время необходимая сумма въ 25,000 руб. была собрана, и аудиторія построена безъ копѣйки долга. Пожертвованія притекали со всѣхъ сторонъ: здѣсь были и крупныя пожертвованія кіевскихъ благотворителей отъ 1000 до 3000 руб., и мелкія суммы въ 10 и даже въ 5 руб., собиравшіеся по подпискѣ изъ копѣечныхъ взносовъ; пожертвованія поступали не только отъ кіевлянъ, но и изъ разныхъ городовъ и селъ Кіевской, Подольской, Волынской, Черниговской и Полтавской губерній.

По окончаніи постройки нужно было позаботиться о внутреннемъ убранствѣ аудиторіи. А. А. и тутъ продолжалъ энергично собирать пожертвованія: онъ обходилъ всѣ болѣе или менѣе извѣстные магазины въ Кіевѣ и просилъ пожертвовать тѣ или другія вещи, нисколько не стѣсняясь отказами, которые приходилось ему нерѣдко выслушивать. Такимъ путемъ, кромѣ предметовъ, относящихся къ обстановкѣ аудиторіи, письменныхъ принадлеж-

ностей и т. п., были получены нѣкоторыя художественныя произведенія, напр., прекрасная икона Спасителя въ натуральную величину, пожертвованная г. Мурашкомъ.

Въ благодарность за труды А. А. на пользу дѣла, Коммиссія народныхъ чтеній избрала его своимъ почетнымъ членомъ, торжественно отпраздновала 25-лѣтіе его педагогической дѣятельности и постановила помѣстить портретъ А. А. въ зданіи аудиторіи, который теперь и украшаетъ ее.

Прослуживъ необходимый срокъ для полученія пенсіи по учебному вѣдомству и оставивъ преподавательскую дѣятельность, А. А. перешелъ къ административной службѣ по тому-же вѣдомству: въ мартѣ 1896 г. онъ былъ назначенъ инспекторомъ народныхъ училищъ Екатеринославской губерніи; обязанности его состояли теперь въ заботахъ о народныхъ сельскихъ и городскихъ училищахъ. Съ обычной своей энергіей А. А. принялся за изученіе положенія училищъ; все время онъ проводилъ въ разъѣздахъ по селамъ своего района Верхнеднѣпровскаго уѣзда, знакомясь съ бытомъ учителей и постановкой учебнаго дѣла, и результатомъ его изученія школъ явилось пять докладовъ, представленныхъ Уѣздному Земскому Собранію, именно: 1, объ основаніи общества о народномъ образованіи; 2, объ отмѣнѣ разрядовъ жалованья учителей и объ увеличеніи на 3500 руб. ежегоднаго бюджета на школы; 3, объ ассигнованіи 3500 руб. на постройку образцовой школы въ память императрицы Екатерины II-й; 4, объ ассигнованіи суммы въ основной капиталъ на постройку новыхъ школъ въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ, и 5, объ ассигнованіи суммы на двухклассное училище. Собраніе внимательно отнеслось къ докладамъ А. А., и первые четыре изъ нихъ имѣли полный успѣхъ; собраніе постановило благодарить А. А. за его труды; наконецъ, А. А. ходатайствовалъ о постройкѣ новаго зданія для 3-хъ класснаго городского училища въ Верхнеднѣпровскѣ, такъ какъ прежнее было очень неудобно; съ этой цѣлью на актѣ училищъ А. А. произнесъ горячую рѣчь и положилъ золотой (5 р.) для начала; тутъ же было собрано еще около 20 руб.; многіе думали, что дѣло на этомъ и станетъ; но

въ текущемъ году А. А. получилъ изъ Верхнеднѣпровска письмо отъ городского головы г. Любарскаго съ выраженіемъ благодарности и съ увѣдомленіемъ, что новое зданіе училища построено и золотой А. А. выросъ въ 5000 руб. Къ письму былъ приложенъ и фотографическій снимокъ зданія. Нерѣдко также А. А. получалъ телеграммы и отъ предсѣдателя Земской управы г. Абазы объ открытіи то одной, то другой школы по почину А. А.

Не смотря на постоянные разъѣзды по служебнымъ дѣламъ, А. А. не переставалъ интересоваться научными и литературными задачами, матеріалъ для которыхъ былъ имъ собранъ раньше. Такъ напр., въ письмахъ къ своимъ роднымъ осенью 1896 г. А. А. говоритъ о своемъ намѣреніи издать описаніе путешествія по Кіевской губерніи и иллюстрировать его видами наиболѣе замѣчательныхъ мѣстъ и зданій; это путешествіе А. А. совершилъ вмѣстѣ съ К. М. Щербиной, изготовившимъ большое количество фотографическихъ снимковъ; позднѣйшія условія жизни отвлекли А. А. отъ этого намѣренія, и исполненіе послѣдняго остается на спутникѣ его въ этомъ путешествіи—К. М. Щербинѣ.

А. А. не переставалъ интересоваться и оставленной имъ Коммиссіей народныхъ чтеній въ Кіевѣ: въ письмахъ къ роднымъ мы постоянно встрѣчаемъ его вопросы о ходѣ дѣлъ въ сооруженной имъ народной аудиторіи, для чтенія въ которой онъ собирался написать историческій разсказъ объ императрицѣ Екатеринѣ II; не оставлялъ А. А. мысли и о «Кіевской Старинѣ», собираясь приготовить для нея статьи о переяславскихъ войтахъ по матеріаламъ, добытымъ еще имъ въ архивѣ Кіевскаго губернскаго правленія.

Постоянные разъѣзды по уѣзду утомляли А. А.; онъ сталъ подумывать о болѣе спокойномъ трудѣ; онъ хлопоталъ о мѣстѣ директора народныхъ училищъ въ Екатеринославѣ или директора городскаго сиротскаго дома въ Одессѣ; къ полученію перваго мѣста встрѣтились препятствія, и А. А. остановилъ свой выборъ на второмъ. Въ декабрѣ 1896 г. онъ переселился уже въ Одессу.

Здѣсь, какъ въ центрѣ умственной жизни края, А. А. находитъ обширное поле для просвѣтительной дѣятельности и под-

держку со стороны сочувствующихъ ему людей. Но первое время его службы въ сиротскомъ домѣ было поглощено заботами о приведеніи въ нѣкоторый порядокъ этого благотворительнаго учрежденія.

Указаніе на то, въ какомъ состояніи находился Сиротскій Домъ при вступленіи А. А. въ завѣдываніе имъ, показываютъ его письма къ роднымъ. Такъ, въ письмѣ отъ 21 декабря 1896 года онъ сообщаетъ: «Съ пріѣзда сюда я не читаю газетъ, я не имѣю передышки, а главное—горю, ибо это страшное дѣло... Воспитанники моментально приведены въ христіанскую вѣру, но общее положеніе таково, строй жизни и порядокъ расходованія бюджета таковъ, что это—разбойничій вертепъ». Записку о состояніи Сиротскаго Дома А. А. представилъ тогдашнему городскому головѣ г. Лигину и читалъ ее въ Попечительскомъ Совѣтѣ, который рѣшилъ предоставить директору широкія полномочія, помимо инструкцій. Такую же безотрадную картину состоянія Сиротскаго Дома наканунѣ вступленія въ него А. А. даетъ и г. Знакомый въ № 177 «Одес. Листка» за текущій годъ въ своихъ «Откликахъ»: «Сиротскій Домъ—съ выбитыми стеклами, поломанными дверьми, съ сорванными замками, проданными питомцами на толкучкѣ»... «грязными, оборванными, нолудикими»... «распущенными»; поэтому то въ свое время (въ 1896 г.), говоритъ г. Знакомый, отчетъ о всемъ видѣнномъ въ Сиротскомъ Домѣ я озаглавилъ: «На одесскомъ Сахалинѣ». Принятыя А. А. мѣры привели къ тому, что, какъ пишетъ онъ 16 сентября 1897 г. своимъ роднымъ въ Кіевъ, «положеніе Сиротскаго Дома значительно улучшилось сравнительно съ прошлымъ, но все-таки—омерзительно». 17-го ноября онъ прибавляетъ въ письмѣ: «Внѣшній порядокъ теперь въ Сиротскомъ Домѣ дѣйствительно водворенъ изрядный; но для дальнѣйшаго, для существеннаго—для воспитанія—нема... ажъ никогисинько».

Въ виду этого А. А. пришелъ къ мысли подготовить себѣ помощниковъ изъ числа непристроенныхъ никуда сиротъ, «нѣчто въ родѣ пепиньерокъ»; изъ сиротъ, пишетъ онъ далѣе, «выходятъ чудесные надзиратели и учителя для 1-го класса—и дешево и

сердито». Заботясь о разумныхъ развлеченіяхъ для питомцевъ Сиротскаго Дома, А. А. организовалъ изъ нихъ хоръ, устраивалъ литературныя утра и дѣтскіе спектакли и съ этой же, кажется, цѣлью приспособилъ «Басни Крылова, къ сценѣ дѣтскаго театра» (Одесса, 1899 г.), мотивируя свой трудъ тѣмъ, что «постановка ихъ на сценѣ дѣтскаго театра имѣетъ извѣстный интересъ, и во всякомъ случаѣ, цѣлесообразнѣе постановки нарочитыхъ дѣтскихъ комедій»; приспособленіе состояло въ томъ, что А. А. «связалъ нѣсколько басенъ въ одно цѣлое и составилъ такимъ образомъ четыре «представленія»: 1, «Волкъ дѣдушки Крылова»; 2, «Въ саду у дѣдушки Крылова; 3, «Лиса дѣдушки Крылова»: 4, Звѣрьё дѣдушки Крылова». Для такихъ представленій, по мнѣнію автора, очень легко изготовить маски и костюмы домашнимъ способомъ.

Присмотрѣвшись къ порядкамъ Сиротскаго Дома, видя ихъ недостатки, А. А. находилъ настоятельно необходимымъ реформировать ихъ. Съ этой цѣлью имъ составленъ былъ обширный докладъ «О преобразованіи городского Сиротскаго Дома», который, однако, долго оставался безъ движенія въ Одесской городской управѣ и только въ текущемъ году напечатанъ въ «Извѣстіяхъ Одесской Городской Думы». Имѣя въ виду, что задача Сиротскаго Дома «состоитъ прежде всего въ призрѣніи сиротъ и подготовкѣ къ практической жизни», и наблюдая изъ года въ годъ, что по выходѣ изъ Сиротскаго Дома, питомцы его поступаютъ въ мореходные классы, учительскую семинарію, фельдшерскія училища и т. п., а не дѣлаются ремесленниками, какъ готовилъ ихъ къ тому съ большими денежными затратами Сиротскій Домъ, А. А. находилъ, что «сама жизнь убѣдительнѣйшимъ образомъ доказываетъ неумѣстность ремесленнаго училища при Сиротскомъ Домѣ» и предлагалъ замѣнить его образцовымъ двухкласснымъ училищемъ Мин. Нар. Просв. съ пятилѣтнимъ курсомъ и программой, утвержденной 31 мая 1869 г.: затѣмъ способные и достойные питомцы Сиротскаго Дома могутъ, конечно, получать и болѣе широкое общее и спеціальное образованіе, но—внѣ стѣнъ Сиротскаго Дома». Что же касается до ремесленныхъ работъ, то А. А. отводилъ для нихъ второстепенное мѣсто и придавалъ имъ подготовительное

лишь значеніе, какъ средству для физическихъ упражненій дѣтей и пріобрѣтенія снаровки въ работѣ для тѣхъ, кто въ будущемъ желалъ бы заняться спеціально какимъ-либо мастерствомъ. Какая судьба постигла или постигнетъ этотъ докладъ—не имѣемъ свѣдѣній.

Но завѣдываніе Сиротскимъ Домомъ было не по душѣ А. А. Онъ пишетъ роднымъ (II-го сентября 1897 г.): «Развѣ я мѣсто это занимаю ради денегъ? Нужна человѣку осмысленная работа, нужно мѣсто въ природѣ и въ обществѣ. Работа у меня тяжелая и не по душѣ, мѣсто безпокойное, не даетъ досуга, приноситъ массу огорченій. Изъ этого слѣдуетъ одно: надо искать другого. Я и ищу. Подходящаго пока нѣтъ». Онъ искалъ мѣста—просилъ о назначеніи его директоромъ 2-й одесской гимназіи или директоромъ народныхъ училищъ въ Екатеринославъ; велъ также А. А. переговоры о мѣстѣ редактора газеты въ Екатеринославѣ или въ Кіевѣ; особенно онъ стремился въ Екатеринославъ, и въ письмѣ отъ 24 апрѣля 1897 г. объясняетъ роднымъ причину своего стремленія туда: «Умственной жизни, духовныхъ интересовъ—больше въ Екатеринославѣ, т. е. тамъ можно ими жить, а здѣсь (въ Одессѣ)—нѣтъ». Служебная сутолока и постоянное безпокойство вызывали у него нейрастенію; онъ лѣчился у доктора Шорштейна. Въ маѣ того же года онъ опять пишетъ роднымъ: «А изъ Сиротскаго Дома надо уходить поскорѣе, потому что скоро никакой Шорштейнъ не поможетъ той крайней раздражительности, какая можетъ здѣсь развиться».

Но устроиться на такомъ мѣстѣ, которое, при болѣе спокойной жизни, представляло бы и широкое поле для дѣятельности, такъ и не удалось А. А.; быть можетъ, это постоянное служебное кипѣніе и ускорило его смерть. Тѣмъ не менѣе, однакоже, несмотря на массу хлопотъ по Сиротскому Дому, онъ находилъ время принимать участіе въ одесскихъ народныхъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ. Здѣсь въ 1897 году было разрѣшено чтеніе въ народной аудиторіи публичныхъ лекцій; онѣ имѣли огромный успѣхъ; слушателей собиралось до тысячи человѣкъ. Подъ вліяніемъ впечатлѣнія отъ этой огромной аудиторіи А. А. пишетъ въ

одномъ изъ писемъ къ роднымъ (отъ 17 ноября 1897 г.): «народныя чтенія, въ той формѣ какъ ведутся они въ Кіевѣ, право теряютъ свой смыслъ въ большихъ городахъ; пора дать рабочему городскому, мастеровому, нѣчто большее»... Въ народной аудиторіи онъ читаетъ рядъ общедоступнаго содержанія лекцій по русской и западно-европейской литературѣ: о Ломоносовѣ, Жуковскомъ, Пушкинѣ, Бѣлинскомъ, Плещеевѣ и друг.; о Донъ-Кихотѣ, о Робинзонѣ Крузе (о Дефо) и др., а также по теоріи словесности. Въ аудиторіи на слободкѣ Романовкѣ А. А. прочтено три лекціи по исторіи Новороссійскаго края (собственно по исторіи Запорожья)[1]); увлеченный успѣхомъ лекцій А. А. побуждалъ въ своихъ письмахъ знакомыхъ кіевлянъ похлопотать о томъ же и для Кіева. Дѣятельность Кіевской коммиссіи всегда была ему близка: въ мартѣ 1897 г. онъ проситъ родныхъ: «прошу передать отъ меня искренній дружескій привѣтъ Правленію. Признаю себя виновнымъ, что до сихъ поръ никакимъ литературнымъ трудомъ не выразилъ своей связи съ Коммиссіей. А такъ мнѣ этого хотѣлось, такъ былъ я увѣренъ, переходя въ Одессу, что здѣсь я что-нибудь составлю для народнаго чтенія и издамъ подъ флагомъ Кіевской Коммиссіи». Сожалѣя о томъ, что Коммиссіи одно время запрещено было устройство общедоступныхъ концертовъ, А. А. совѣтуетъ объ организаціи пѣвческаго общества при народной аудиторіи. Но всѣ его совѣты ждутъ еще исполненія и энергичнаго ходатая объ ихъ разрѣшеніи.

Кромѣ народной аудиторіи А. А. часто читалъ и въ литературно-артистическомъ обществѣ: имъ прочтено нѣсколько рефератовъ о Шевченкѣ, Добролюбовѣ и Глѣбѣ Успенскомъ. Рефераты о Шевченкѣ печатались своевременно въ одесскихъ газетахъ, напр.; «Т. Г. Шевченко—другъ семьи» («По морю и сушѣ» № 8 за 1895 г. подъ псевдонимомъ А Каневскій); «Объ отношеніи Т. Г. Шевченка къ жизни» («Южное Обозрѣніе», № 738 за 1899 г.);

---

[1]) Кромѣ того, А. А. готовилъ лекціи и по малорусской литературѣ: о Нищенскомъ, о Кулишѣ, о Шевченкѣ; но прочесть ихъ, кажется, уже не успѣлъ.

«Шевченко и Мицкевичъ» («Одес. Новости» № 5224 за 1901 г.); «Поминки Т. Г. Шевченка въ сороковую годовщину смерти поэта: 1) «Памяти Т. Г. Шевченка» и 2) «Перебендя» Т. Г. Шевченка» («Одес. Листокъ» №№ 22 и 23 за 1901 г.); «Поминки Т. Г. Шевченка въ «Южномъ Обозрѣніи» 25 и 26-го февраля 1901 г.. и «Поминки Т. Г. Шевченка въ русской печати въ сороковую годовщину его смерти» («Южно-рус. Альманахъ». Одесса, 1902).

Не менѣе дѣятельное участіе принималъ А. А. и въ «Трудахъ Одесскаго отдѣла русскаго Общества охраненія народнаго здравія»; въ IV-й секціи его по гигіенѣ воспитанія и образованія онъ исполнялъ обязанности товарища предсѣдателя.

Здѣсь прочтены А. А. слѣдующіе рефераты; 1) «Какія мѣры необходимы къ поднятію физическаго воспитанія въ средней школѣ». Рефератъ этотъ напечатанъ въ вып. III «Трудовъ Одесскаго отдѣла» (Спб. 1902, стр. 113 и слѣд.); хотя прочтенъ еще въ сентябрѣ 1899 года. Главныя положенія этого реферата вполнѣ почти согласуются съ тѣми мѣропріятіями, какія рекомендуются теперь Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для увеличенія физическихъ силъ учащихся въ средней школѣ. 2) «О дѣтскихъ играхъ и упражненіяхъ»—прочтенъ въ пользу Пироговскаго Комитета помощи голодающимъ; чтеніе дало сбора 206 р. 3) «О борьбѣ съ пьянствомъ посредствомъ школы»; 4) «Объ отдыхѣ учащихся»; 5) «О новѣйшей литературѣ по вопросамъ о физическомъ воспитаніи» и 6) «Отчетъ о лѣтней колоніи для учениковъ городскихъ народныхъ училищъ въ с. Бурлачьей Балкѣ въ іюнѣ и іюлѣ 1901 г.» Изъ статьи Одесскаго отдѣла рус. общества охраненія народнаго здравія за 1901—2 гг., мы, между прочимъ, узнаемъ, что эти колоніи возникли въ началѣ лѣта 1901 г. по внесенному въ Совѣтъ предложенію А. А. Совѣтомъ собрано было по этому поводу особое совѣщаніе, къ участію въ которомъ приглашены учителя и учительницы городскихъ школъ; предложеніе А. А. было принято сочувственно и рѣшено было открыть на два лѣтнихъ мѣсяца двѣ колоніи—одну для мальчиковъ въ с. Бурлачьей Балкѣ, а другую для дѣвочекъ въ с. Холодной Балкѣ; первая находилась въ завѣдываніи А. А., а вто-

рая—Н. П. Васильевскаго; результаты опыта, по свидѣтельству отчета, въ отношеніи физическаго укрѣпленія дѣтей получились блестящіе.

Наконецъ, въ концѣ 1898 года возникло въ Одессѣ новое общество—любителей науки, литературы и искусства. А. А. принялъ участіе и въ его трудахъ. Членами этого общества въ 1900 г. издана была «Литературная хрестоматія для всѣхъ» (пособіе для устройства образовательныхъ литературныхъ чтеній въ учебныхъ заведеніяхъ, аудиторіяхъ и семьѣ). Она составлена изъ произведеній лучшихъ русскихъ и западно-европейскихъ писателей или въ извлеченіяхъ или цѣликомъ, если произведеніе небольшого объема; къ произведеніямъ почти каждаго писателя присоединялась общая характеристика его произведеній и краткія біографическія свѣдѣнія о самомъ писателѣ, а иногда пояснительныя примѣчанія къ произведеніямъ. Для этой хрестоматіи А. А. выбраны и снабжены характеристиками и примѣчаніями извлеченія изъ произведеній А. М. Жемчужникова (стр. 62), Н. А. Добролюбова (стр. 320), Я. П. Полонскаго (стр. 321), А. Н. Плещеева (стр. 325), гр. Л. Н. Толстого (стр. 387), А. Н. Апухтина (стр. 387) и И. З. Сурикова (стр. 481).

Привлекали еще А. А. къ участію въ обществѣ «Самопомощь», недавно также возникшимъ въ Одессѣ; но отъ участія въ немъ А. А. уже отказался: у него не хватило уже времени и силъ. Въ концѣ 1901 г. А. А. на пути въ Москву, куда онъ былъ командированъ городомъ для изученія постановки дѣла призрѣнія сиротъ, посѣтилъ Кіевъ, присутствовалъ въ случившемся какъ разъ въ то время очередномъ засѣданіи Историческаго Общества Нестора-Лѣтописца, принималъ участіе въ полемикѣ по поводу сдѣланныхъ докладовъ, а на другой день посѣтилъ Центральный Архивъ университета, въ которомъ ему не разъ случалось работать во время службы въ Кіевѣ. Онъ очень интересовался нѣкоторыми матеріалами по исторіи Запорожья, и мы указали ему на тѣ, которыми онъ могъ воспользоваться. Но А. А. не суждено было воспользоваться этими указаніями. Скоро, неожиданно наступило начало печальнаго рокового конца, о которомъ тогда

никто не могъ даже подумать,—такъ казался А. А. свѣжъ и бодръ.

А. А. Андріевскій заболѣлъ еще въ февралѣ мѣсяцѣ: ежедневныя головныя боли по утрамъ, кашель по ночамъ и боль въ колѣнахъ. Но до половины апрѣля работалъ съ удвоенной энергіей, какъ бы предчувствуя скорую развязку: Еще 6-го апрѣля онъ поминалъ Г. И. Успенскаго въ Одесскомъ Литературно-Арт. Обществѣ и, несмотря на сильный кашель, читалъ $1^1/_2$ часа, не кашлянувъ ни разу. Всю страстную недѣлю онъ занимался съ мальчиками посадкой деревьевъ въ маленькомъ саду, примыкающемъ къ квартирѣ директора. Въ пятницу были посажены 4 послѣднія березы, а въ субботу онъ едва не упалъ на дворѣ и уже слегъ сперва на диванъ, а затѣмъ въ кровать, но почти до послѣдняго дня онъ вставалъ, одѣвался и сидѣлъ въ креслѣ, бесѣдуя и читая. Сначала врачи предполагали у него переутомленіе, инфлюэнцу и бронхитъ; велось и соотвѣтственное леченіе, тѣмъ не менѣе больной все слабѣлъ и часто въ минуты унынія приглашалъ къ себѣ мальчиковъ Сир. Дома спѣть ему по-украински «Коло млына, коло броду два голуба пылы воду!» (пѣсня, которая особенно нравилась ему въ послѣднее время) и «Заповитъ». Къ слову сказать, покойный завелъ въ Сир. Домѣ пѣніе малорусскихъ пѣсенъ. «Десяткы» г. Лысенка и пѣлись, и игрались на оркестрѣ. «Козу-дерезу» ставили неоднократно. На пѣніе «Заповита» близкіе смотрѣли, какъ на просьбу похоронить его въ Кіевѣ. И судьба рѣшила послать ему кончину въ Кіевѣ, исполнить его волю. Именно добрая судьба, такъ какъ доктора посылали больного заграницу, въ Швейцарію. И больному самому хотѣлось сначала взглянуть на красоты Фирвальдштетскаго озера, которыя, онъ думалъ, психически вылечатъ его. Уже и паспортъ былъ выправленъ и визированъ у австрійскаго консула. 6-го іюня должны были выѣхать, но 4-го больной пробовалъ съѣздить прокататься къ морю и почувствовалъ, что поѣздка заграницу немыслима,—такъ велика его слабость. Тогда рѣшили ѣхать въ Кіевъ, въ Святошинскія дачи. Къ этому времени и діагнозъ, болѣе близкій

къ истинѣ былъ уже поставленъ и въ Кіевъ ѣхали лишь для того, чтобы не лишать больного надежды на поправку.

21-го іюня больной переѣхалъ въ Кіевъ, чтобы оттуда перебраться въ Святошинъ, но непрерывные дожди и холодъ удержали его въ Кіевѣ до кончины. Въ продолженіе всей болѣзни больной, несмотря на свои порою сильныя страданія, интересовался съ своей обычною живостью общественными интересами, страдалъ отъ неурядицъ послѣдняго времени, тосковалъ по средней школѣ. Читалъ онъ послѣднее время: Бѣлоголоваго, Щедрина, Успенскаго и «Воспоминанія» Яновскаго (попечителя Кавказ. учеб. округа). Еще за сутки до смерти ему читали Успенскаго, и онъ сказалъ: «произведенія Успенскаго очищаютъ людей, но только тѣхъ, кто способенъ къ этому».—Но, съ какой-то нѣжностью, можно сказать, онъ слушалъ и самъ читалъ вышедшіе недавно II и Ш-й томы «Вика»,—большая книга, которую съ трудомъ уже держала его слабѣющая рука. Бредилъ больной исключительно общественными интересами, печальной судьбой многихъ изъ современной молодежи, судьбой, въ которой онъ, какъ и всегда, винилъ среднюю школу.

Смерть была тихая и спокойная. 9-го іюля утромъ больной заснулъ; онъ видимо угасалъ... «Все пропало»!—были послѣднія его слова. Скоро А. А. не стало [1]).

Вѣсть о смерти А. А. быстро разнеслась повсюду; въ теченіе 10-го и 11-го іюля вдова покойнаго, Клавдія Михайловна Андріевская, получила около полутора десятка телеграммъ съ выраженіемъ соболѣзнованія о понесенной ею утратѣ; между про-

---

[1]) Въ настоящемъ краткомъ некрологѣ мы далеко не исчерпали всего біографическаго матеріала, не подвергли разбору его историческихъ, историко-литературныхъ и педагогическихъ взглядовъ—это дѣло біографа. А написать біографію было бы весьма необходимо, потому что покойный А. А. представлялъ собою завидный примѣръ того, какъ много можетъ сдѣлать общественный дѣятель при энергіи, несмотря ни на какія стѣснительныя условія для полезной просвѣтительной дѣятельности, на что́ такъ любятъ ссылаться многіе въ оправданіе своей апатіи.

чимъ, телеграммы были присланы г. Одесскимъ городскимъ головой, обществомъ охраненія народнаго здравія (его Одесскимъ отдѣломъ) и проч., а также многими друзьями и знакомыми.

Въ четвергъ, 11-го іюля, состоялось отпѣваніе и погребеніе А. А. Андріевскаго на новомъ Байковомъ кладбищѣ; отдать послѣдній долгъ покойному собрались многочисленные его друзья, знакомые, сослуживцы и сотрудники; небольшая Вознесенская церковь, гдѣ происходило отпѣваніе, была полна народу; при выносѣ тѣла изъ церкви И. М. Каманинымъ была произнесена прочувственная рѣчь, въ которой онъ характеризовалъ покойнаго какъ энергичнаго общественнаго дѣятеля и издателя многихъ цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ; затѣмъ печальная процессія двинулась по Львовской улицѣ и далѣе по Бульварно-Кудрявской; здѣсь у зданія народной аудиторіи была отслужена краткая литія, послѣ которой, въ глубокомъ душевномъ волненіи, было сказано прощальное слово В. И. Щербиной, указавшимъ на заслуги покойнаго по распространенію просвѣщенія среди народа и на сооруженіе имъ народной аудиторіи.

На гробъ покойнаго А. А. Андріевскаго было возложено много вѣнковъ; отъ Одесской городской управы вѣнокъ былъ возложенъ докторомъ Липпэ, спеціально командированнымъ для этой цѣли въ Кіевъ; были вѣнки отъ Одесскаго сиротскаго дома, отъ Одесскаго отдѣла охраненія народнаго здравія по секціи воспитанія, отъ редакціи «Кіевской Старины», Кіевскаго общества содѣйствія начальному народному образованію и другихъ учрежденій, друзей и почитателей покойнаго А. А. [1])

П. Каманинъ.

---

[1]) Подробности о погребеніи см. въ «Кіев. Газетѣ» отъ 13-го іюля за текущій годъ № 191.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Свѣдѣнія о четвероевангеліи въ переводѣ на малорусскій языкъ Ф. С. Морачевскаго. Объ этомъ трудѣ Ф. С. Морачевскаго въ печати появлялись отрывочныя извѣстія еще въ началѣ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка, а затѣмъ никакихъ свѣдѣній о судьбѣ рукописи не было публикуемо въ теченіе почти 40 лѣтъ, даже подлинникъ перевода считался утереннымъ, и только въ послѣднее время опять заговорили въ печати, но очень неясно, объ этомъ почтенномъ трудѣ. Наиболѣе пролито свѣта на исторію этой рукописи и наиболѣе выясняется характеръ самого труда Ф. С. Морачевскаго въ замѣткѣ, напечатанной В. И. Срезневскимъ въ т. XVI, № 4 текущаго года, «Извѣстій Императорской Академіи Наукъ». Надѣясь въ ближайшихъ номерахъ нашего журнала посвятить очерку литературной дѣятельности Ф. С. Морачевскаго особую статью, мы ограничиваемся теперь перепечаткой замѣтки В. И. Срезневскаго, дающей очень цѣнныя свѣдѣнія исключительно о малорусскомъ переводѣ Евангелія, сдѣланномъ еще въ 1860 году. Въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки Императорской Академіи Наукъ находится въ настоящее время три части этого труда. Первая часть въ 4-хъ тетрадяхъ, на 176 лл., заключаетъ въ себѣ черновикъ перевода евангелія, исполненнаго Ф. С. Морачевскимъ въ 1860 г. Вторая часть (на 127 лл.) представляетъ собою копію съ принадлежащаго журналу «Кіевская Старина» списка того же перевода, сравнительно съ черновой рукописью дающаго нѣкоторыя разночтенія. Въ третьей тетради, озаглавленной «Замѣтки поправокъ Евангелія», находится перечень исправленій къ переводу первой редакціи;

въ эту тетрадь вложено 9 листковъ замѣчаній къ переводу; писана рукою Морачевскаго въ 1862 году.

Филиппъ Семеновичъ Морачевскій, переводчикъ евангелія, по служебному положенію инспекторъ нѣжинскаго лицея кн. Безбородка (р. 1806 г., ум. 1879 г.), въ литературѣ малорусской оставилъ по себѣ слѣдъ немногими, малозначительными стихотвореніями, изъ которыхъ болѣе другихъ извѣстны вошедшія въ сборникъ «До чумака, або война ягло-хранцузо-турецька у 1853 и 54 рокахъ» (Кіевъ, 1855). Имя Морачевскаго было бы совершенно забыто, какъ забыты теперь его сочиненія, если бы не было связано съ переводомъ на малорусскій языкъ нѣсколькихъ книгъ священнаго писанія, до нынѣ къ горести многихъ остающихся подъ спудомъ.

Переводъ евангелія исполненъ Морачевскимъ въ 1860 г.; какъ видно изъ отмѣтокъ черновой рукописи, онъ начатъ 14 марта 1860 г. евангеліемъ отъ Іоанна и конченъ 16 ноября того же года евангеліемъ отъ Марка; вслѣдъ за тѣмъ, что видно также изъ отмѣтокъ рукописи, Морачевскій занялся пересмотромъ своего перевода; этотъ пересмотръ продолжался въ теченіи декабря мѣсяца 1860 года. Послѣ неудачнаго представленія въ 1860 г. начала труда митрополиту Исидору, въ 1861 году переводъ евангелія въ полномъ видѣ былъ пересланъ Морачевскимъ въ Академію Наукъ, съ просьбою дать о немъ отзывъ и, если послѣдній окажется благопріятнымъ, разрѣшить печатаніе. Всесторонне разсмотрѣнный академиками Востоковымъ, Никитенкомъ и Срезневскимъ, переводъ былъ найденъ «трудомъ въ высшей степени замѣчательнымъ и полезнымъ»; признавъ, что «евангеліе на народномъ нарѣчіи малороссіянъ весьма много способствовало бы ихъ нравственно-религіозному образованію», академики предложили собранію отдѣленія русскаго языка и словесности ходатайствовать въ установленномъ порядкѣ о напечатаніи перевода. Въ 1864 г. трудъ Морачевскаго былъ возвращенъ переводчику по его просьбѣ для исправленія и въ концѣ года вновь полученъ отъ Морачевскаго съ просьбою «принять оный экземпляръ и хранить какъ біографическую рѣдкость между рукописями академіи, пока представится возможность напечатать рукопись и выпустить въ свѣтъ для народнаго употребленія». При подробномъ пересмотрѣ въ 1899 году рукописнаго отдѣленія библіотеки, архива отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ, бумагъ И. И. Срезневскаго, А. В. Никитенка и А. Х. Востокова—этого экземпляра перевода не нашлось. Два вновь

поступившихъ въ 1902 г. экземпляра перевода являются восполненіемъ потери перваго; наибольшее значеніе, несомнѣнно, принадлежитъ черновой рукописи, чрезвычайно наглядно изображающій весь постепенный ходъ работы переводчика; при будущемъ изданіи перевода евангелія этотъ черновикъ долженъ послужить главнымъ пособіемъ издателю.

Сколько можно судить по черновой рукописи, въ основу своего текста Морачевскій взялъ тексты русскій и церковно-славянскій и первоначально держался ихъ однихъ; затѣмъ уже при пересмотрѣ перевода онъ сличилъ ихъ съ текстами латинскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ и польскимъ: такъ 1-й ст. гл. 9-й Мр. русскаго и славянскаго перевода первоначально помѣщенъ Морачевскимъ въ 9-й гл. и только впослѣдствіи отнесенъ къ гл. 8-й, какъ ст. 39, согласно тексту другихъ переводовъ; ст. 34 гл. 1-й Мр. первоначально прочтенъ съ русскимъ и церковно-славянскимъ дополненіемъ «его Христа суща»— «що вінъ Христосъ», чего нѣтъ въ иныхъ переводахъ (см. также дополненіе въ ст. 15 гл. 8-й Луки); ст. 34 гл. XIII-й Луки первоначально прочтенъ согласно съ русскимъ текстомъ «какъ птица птенцовъ своихъ подъ крылья», хотя въ славянскомъ текстѣ стоитъ «гнѣздо свое», и слова «своихъ писклятъ» только потомъ передѣланы въ «гніздо свое». Въ мѣстахъ, переводчику казавшихся, вѣроятно, сомнительными и затруднительными для перевода, онъ на поляхъ приводитъ соотвѣтственые тексты на нѣсколькихъ языкахъ; греческаго и еврейскаго въ параллельныхъ текстахъ не встрѣчается. При ссылкахъ на другія книги св. писанія на поляхъ нерѣдко приводятся выписки изъ нихъ въ переводѣ на малорусскій языкъ; такимъ образомъ, работы Морачевскаго простирались и на эти книги.

л. 1 об. (черновой рукописи). Примѣчаніе къ тексту о значеніи скобокъ при нѣкоторыхъ словахъ.

л. 2. «Святе Евангелие Исуса Христа по евангелисту Матьвію». Сверху наискось приписано рукою Морачевскаго «Господа нашего Исуса Христа Святе Евангелие по евангелисту Матьвію на Малороссийскімъ язиці»; съ другой стороны листа приписка «Господи благослови». На об. 3 л. дата начала перевода евангелія отъ Матѳея «1860 г. Іюля 7»; на л. 50 дата окончанія перевода «Августа 3» и окончанія пересмотра «Декабря 5». Въ заглавіи копіи (л. 1) передъ сл. «Исуса Христа» прибавлено «Господа нашого».

л. 51. Нѣсколько объяснительныхъ примѣчаній къ тексту евангелія на русскомъ языкѣ, сдѣланныхъ переводчикомъ, по всей вѣроятности, для самого себя.

л. 54. «Святе Евангелие Исуса Христа по евангелисту Маркови». На верху листа приписано «Господи благослови». Въ концѣ текста (л. 81 об.) отмѣтки «16-го ноября 1860. Среда $^1/_2$ 6-го пп.»—дата окончанія перевода, и «Дек. 12»—дата окончанія пересмотра. Дата начала перевода 24 окт. 1860 стоитъ на л. 55-мъ. Въ заглавіи копіи (л. 37), какъ и при евангеліи отъ Матѳея, прибавлены слова «Господа нашого».

л. 86. «Святе Евангелие Исуса Христа по Луци»; въ копіи (л. 61) «Святе евангелие Господа нашого Исуса Христа по евангелисту Луці». Сверху листа приписка «Господи благослови», затѣмъ дата начала пересмотра «Дек. 12»; въ концѣ евангелія (л. 139 об.) отмѣтки «Окт. 18. Вторникъ $1^1/_4$ ночи» (1860 г.)—дата окончанія перевода, затѣмъ «Окт. 23» и «23 дек.»; начатъ переводъ, какъ видно изъ отмѣтки на л. 87, 9-го сент. 1860 г.

л. 144. «Святе Ѐвангельѐ Исуса Хрыста по Ивану». Съ краю наискось приписано «Господа нашого Исуса Христа Святе Евангелие по евангелисту Ивану на малороссийськімъ язиці», слова «Господи благослови» и дата начала пересмотра перевода—декабря 23. Заглавіе копіи (л. 99) измѣнено такъ же, какъ и въ другихъ евангеліяхъ. Въ концѣ черновой рукописи дата окончанія перевода евангелія отъ Іоанна «Іюня 16, 1860 г. Нѣжинъ» и вслѣдъ за нею черновикъ прошенія въ Московскую духовную академію о разсмотрѣніи перевода.

Рукописи принесены въ даръ библіотекѣ отъ наслѣдниковъ Ф. С. Морачевскаго въ 1902 году. По новой описи: 1. 3. 53—55.

ОБРАЗЕЦЪ ПЕРЕВОДА [1]).

Евангеліе отъ Матѳея, гл. V.

1. Бачучи стількі народу, Исусъ изійшовъ (=зійшов) на гору; и (=а) якъ сівъ, то підойшли до ёго ученики ёго; 2. и (=а) вінъ

---

[1]) Текстъ напечатанъ по черновой рукописи съ исправленіями, помѣщенными въ отдѣльной тетрадкѣ; разночтенія копіи (повидимости далеко не вполнѣ исправной) поставлены въ скобки; съ отмѣткой вар. стоятъ варіанты черновой рукописи.

одкривши уста свої, почавъ учити (=навчавъ) іхъ, кажучи: 3. Блаженні убогиі (=-гі) духомъ: бо іхъ е царство небесне. 4. Блаженні плачущиі (=-щі): бо вони втішатця. 5. Блаженні тихиі (=тихі): бо вони наслідять (=-слідують) землю. 6. Блаженні ті, що бажають істи й пити правди: бо вони накормлені й напоені будуть. 7. Блаженні милостивиі (=-ві): бо вонй помилувані будуть. 8. Блаженні чистиі (=-ті) сердцемъ: бо вони Бога уздрять (=вбачать). 9. Блаженні миротворці: бо вони синами Божими назовутця. 10. Блаженні гонимиі (=-мі) за правду: бо іхъ е царство небесне. 11. Блаженні ви, коли васъ ганьбитимуть, и гнатимуть, и роспускатимуть про васъ усяку дурну славу неправедно, за Мене. 12. Радуйтесь и веселітесь: бо велика вамъ награда на небесахъ. Такъ гнали и пророківъ, що були ще до васъ. 13. Ви сіль землі; а коли сіль вивітритця, то чимъ солона буде (=осоліе)? Вона вже ни на що пригодна (=здатна) не буде, якъ тількі щобъ викинути іі (=викинута була) вонъ и (=та) топтати (=потоптана) ногами (=людьми). 14. Ви світло світа: не може вкритися городъ, коли стоіть на горі. 15. И (=тай) засвітивши свічку, не ставять (=становлять) іі підъ посудину, а на лихтарі, и вона світить усімъ, хто тількі е у господі (=хати). 16. Такъ нехай світить світло ваше передъ людьми, щобъ вони бачили добрі діла ваши, и (=та) прославляли Батька вашого небесного (=котрий на небесахъ). 17. Не думайте, що я пришовъ нарушити (=зруйновати) законъ або пророківъ: не нарушити (=зруйновати) пришовъ я (проп.), а виповнити. 18. Запевне бо кажу вамъ: поки (это слово проп.) небо и земля не («не» проп.) мине, ні (=а не) одна ёта, або кома зъ закону не мине (=а не одна ёта не мине зъ закону), ажъ поки не виповнитця усе. 19. Такъ, хто нарушить (=зруйнуе) одну зъ сіхъ найменшихъ заповідей, и навчить такъ (=та такъ і научить) людей; той найменшимъ назоветця у царстві небеснімъ; а хто виповнить и научить, той великимъ у царстві небеснімъ назоветця. 20. Бо кажу вамъ: коли правда ваша не переважить (=-важе) правди (=кривди) книжниківъ и хварисеівъ, то не увійдете у царство небесне. 21. Ви чули, що сказано предкамъ: «не вбий; а хто убье, той повиненъ суду». 22. А я кажу вамъ: усякий, хто гнівается на брата своего дурно, той (проп.) повиненъ судý; а хто скаже братові свойму: ледащо, той повиненъ громаді; хто жъ скаже: дурню, той повыненъ огню пекельному. 23. Такъ, коли (приб.: ти) принесешъ даръ твій до олтаря, и (=та) тутъ згадаешъ, що братъ твій щось мае на тебе. 24. Покинь тамъ даръ твій передъ олтаремъ,

и (=та) піди помирись перше зъ братомъ твоімъ; и (=а) тогді приди (=шовши), и (проп.) принеси даръ твій. 25. Еднайся хутчій зъ ворогомъ твоімъ. поки ти зъ нимъ (приб.: ще) на (=у) дорозі: щобъ ворогъ не оддавъ тебе судді, а суддя не оддавъ тебе слузі, и ти не бувъ би кинутъ у темницю. 26. Запевне, кажу тобі: не вийдешъ звідтіля, поки не оддаси до останнёго шеляга (=поки останнего шеляга не оддаси). 27. Ви чули, що сказано предкамъ: «не любочинсьтвуй». 28. А я кажу вамъ: усякий, хто тількі погляне на молодицю (=жінку) зъ похотіниемъ (=похотливимъ окомъ), той любочинсьтвовавъ уже зъ нею у своімъ серці. 29. Коли праве око твое доводить тебе до гріха (=искушае тебе), вирви ёго, и (=та й) кинь одъ себе: бо ліпше для тебе, щобъ одинъ зъ удівъ твоіхъ згинувъ, ніжъ щобъ усе тіло твое кинуто було у пекло. 30. А коли права рука твоя доводить тебе до гріха (=искушае тебе), одотни ії, и (=та й) кинь одъ себе: бо ліпше для тебе, щобъ одинъ зъ удівъ твоіхъ згинувъ, ніжъ щобъ усе тіло твое кинуто було у пекло. 31. Сказано тожъ: «хто розводитця (=росходитця) зъ жінкою своею, той дай ій листъ розводний». 32. А я кажу вамъ: хто розведетця зъ жінкою своею, окромъ за любочинсьтво, той примушае ії любочинсьтвувати; а хто женитця на розводці (=розвідний), той (приб. самъ) любочинсьтвуе. 33. Ще ви чули, що сказано предкамъ: «не клянись дурно, але виповняй клятви твої передъ Господомъ» (=не клянись у неправді, а оддавай клятви твої Господеві). 34. А я кажу вамъ: ні якъ не присягайсь (=не клянись): ні небомъ, бо воно е престолъ Божій; 36. ні землею, бо вона підніжокъ нігъ ёго; ні Ерусалимомъ, бо вінъ (=то) великого Царя городъ. 36. Ні головою своею не присягайсь (=не клянись), бо не можешъ (=зможешъ) ні одного волоска (приб.: на ій) зробити білимъ або чорнимъ. 37. Але (=а) нехай буде слово ваше: такъ, такъ (=ей, ей); ні, ні; а що більше одъ сёго, те (=то) одъ лукавого. 38. Ви чули, що сказано: «око за око, зубъ за зубъ». 39. А я вамъ кажу: не змагайся зъ лихимъ; але коли хто ударить тебе у праву щоку твою, то підставъ ёму и другу; 40. и хто схоче судитця зъ тобою и (=та) зняти зъ тебе чуйку, то оддай ёму и сорочку. 41. И хто примусить тебе пройти зъ нимъ одну верству, то иди зъ нимъ дві. 42. Тому, хто просить у тебе, дай, и одъ того, хто хоче позичить у тебе, не одвертайся. 43. Ви чули, що сказано: «люби ближнёго твого и ненавидь твого ворога». 44. А я кажу вамъ: любіть ворогівъ вашихъ, благословляйте тихъ, що клянуть васъ, добро чиніть тимъ, що ненавидять васъ, и молітця

за тихъ, що наластвують на васъ и васъ гонять. 45. Щобъ ви були синами Батька вашого небесного, котрий велить сходити сонцю надъ злими и добрими и посилае дощъ на праведныхъ и неправедныхъ. 46. Бо коли ви любите тихъ, що васъ люблять: то якоі (приб. жь) чекати вамъ награди? И митари чи не те жъ чинять? И коли ви щирі (вар. прихилні) тількі до другівъ вашихъ, то що ви більше (=незвичайне) чините (=робите)? и невірниі (=-ні) чи не те жъ (приб. саме) чинять (=роблять)? 48. Будте жъ (приб.: ви) чисті, якъ чистий Батько вашъ небесний.

Изъ прошлаго Полтавщины[1]). 1) *Прилука, Лубны и Кобеляки и ихъ повѣты сто лѣтъ назадъ.* I. *Прилука.* Городъ расположенъ,—писалъ городничій, частью—на горѣ, а частью «больше въ удоліи»,—т. е. въ долинѣ, при «болотистой» р. Удаѣ, и занималъ площадь въ 702 десятины и 945 квадр. саженъ. Построенъ «въ древнія времена». Городничій замѣчаетъ, что онъ старался точно разузнать въ дѣлахъ полиціи о времени «построенія города», но понятно, отыскать не могъ, поэтому онъ прибавляетъ, что «по неотысканіи въ дѣлахъ вида» сказать о времени основанія города нельзя. Всѣхъ дворовъ въ городѣ было 1077, лавокъ 74, церквей 5, изъ нихъ двѣ каменныхъ. Жителей въ городѣ было 5561 ч., женскаго пола болѣе мужскаго на 173 д. По сословіямъ—купцовъ 58, дворянъ 45, мѣщанъ 1603, владѣльческихъ крестьянъ 428, козаковъ 362 ч. Всѣхъ ремесленниковъ 152 ч. Евреевъ было 45 ч. Цѣны на продукты были слѣдующія: четверть ржаной муки стоила не менѣе 1 р. 60 к. асс. (дороже другихъ повѣтовъ) и восходила до 2 р. 80 к. На мясо была положена такса, чего не встрѣчаемъ въ другихъ городахъ; по этой таксѣ фунтъ наилучшаго мяса стоилъ $3^1/_2$ к., худшаго 2 к.; свинина и баранина также 2 к. за фунтъ. Во время великаго поста мясо вовсе не продавалось, такъ какъ городничій сообщаетъ въ своемъ донесеніи: «теперь же въ разсужденіи великопостнаго времени на говядину никакая цѣна не существуетъ». Пудъ соли крымской стоилъ 80 к., а «бѣлоозерки»—70 к. Въ этомъ повѣтѣ особенно дешевы были ягоды, что указываетъ на обиліе садовъ; такъ въ 1800 году ведро вишенъ стоило

---

[1]) См. „Кіев. Стар“ 1902 г., №№ 7—8, отд. 2, стр. 6.

5 к., сливъ «угоркыхъ»—20 к., а простыхъ—5 к. Въ 1804 былъ неурожай ягодъ и цѣна ведра вишенъ достигала до 40 к. Ярмарокъ въ Прилукѣ было четыре; на нихъ пріѣзжали купцы московскіе, калужскіе, орловскіе и др.

Арестованныхъ при полиціи въ среднемъ, начиная съ 1797 года, бывало по сту человѣкъ съ небольшимъ.

Въ повѣтѣ всѣхъ платившихъ подати было 52616 ч., изъ нихъ помѣщичьихъ крестьянъ было 31873; козаковъ 15483 ч., мѣщанъ 1603, купцовъ 58; евреевъ было муж. пола 139, а женскаго 127, а всего 366 ч. Въ повѣтѣ владѣли имѣніями два генерала и 33 штабъ-офицера; у двухъ помѣщиковъ, въ имѣніяхъ были каменные дома.

Всѣхъ церквей было 78; священиковъ 87, а церковно-служителей 166 ч.

Изъ монастырей былъ одинъ Ладинскій, въ коемъ было 24 монахини, Густынскій же былъ незадогло предъ тѣмъ закрытъ. Возстановленъ онъ впослѣдствіи, по ходатайству архіепископа полтавскаго Гедеона (1837 † 1849).

«Капелій» музыкантовъ было двѣ: у П. Г. Горленка и маіора Григорія Ив. Галагана. Конскихъ заводовъ было 5. Винокуренъ 113, пивоваренъ 86. (Арх. Губ. Правл., по описи № 200).

—

П. *Лубны.* Городъ расположенъ, какъ сообщаетъ городничій, при р. Сулѣ, «въ полуденной странѣ, на гористыхъ мѣстахъ», занимая площадь въ 1000 квадр. саженей. Дома въ немъ все деревянные, каменныхъ не было. Большинство домовъ принадлежало мѣщанамъ (140), затѣмъ дворянамъ (78), а остальные другимъ сословіямъ. Всѣхъ домовъ было болѣе 450. Церквей было 7, все деревянныя, а каменная была только заложена въ томъ году (1804). Въ городѣ былъ аптекарскій дворъ и при немъ 5 амбаровъ. Здѣсь городничій разумѣлъ казенную большую аптеку и при ней ботаническій садъ. Аптека и садъ принадлежали казнѣ; здѣсь разводились лѣкарственныя растенія, которыми снабжались всѣ аптеки на югѣ и военные лазареты.

Жителей въ городѣ было очень немного, всего 2910 человѣкъ (изъ нихъ наиболѣе, по сословіямъ, было мѣщанъ,—432 муж. и 464 жен. пола). Евреевъ было 158 муж. пола, а женскаго 152. Ремесленниковъ было 204 ч., изъ нихъ наиболѣе сапожниковъ (83). Было два «серебряника», т. е. серебряныхъ дѣлъ мастера, и одинъ часовой мастеръ. Два раза въ недѣлю были базары («два торга», какъ назы-

ваетъ городничій). Ярмарокъ было четыре; изъ нихъ одна только продолжалась недѣлю, остальныя не болѣе трехъ дней. «Троицкая же ярмарка»—замѣчаетъ городничій,—«начинается за четыре недѣли заранѣе»; торговали, главнымъ образомъ, рогатымъ скотомъ. На ярмаркахъ бывали пріѣзжіе изъ Екатеринославской, Слободско-Украинской (нынѣ Харьковской), Черниговской и др. губерній. Квартиры и припасы не увеличивались въ цѣнѣ въ ярмарочное время, что указывало на сравнительно малый съѣздъ. Паспортовъ было выдаваемо въ теченіе года не болѣе 300.

Цѣны на продукты были слѣдующія: четверть ржаной муки (8 мѣрокъ) отъ 1 р. 50 к. до 2 р. 50 к.; овесъ—отъ 80 к. до 1 р. 50 к., фунтъ говядины—$2^1/_2$ к., свинины и баранины отъ $1^1/_2$ к. до $2^1/_2$ к.; пудъ меда—отъ 4 р. 80 к. до 5 р. 80 к.; ведро вишенъ продавалось отъ 18 к. до 60 к.; по такой цѣнѣ продавались и сливы (угорки). Садами славилось въ то время село Калайдынцы. Число арестованныхъ при полиціи (свѣдѣнія отъ 1797 г. по 1804) было наиболѣе въ 1798 г.—166 чел., а въ 1804 году всего 9 душъ. «Отъ помѣщиковъ крѣпостныхъ людей къ наказанію или укрощенію въ полицію представляемо не было.» Что же касается какихъ-либо достопримѣчательностей, то городничій увѣдомлялъ, что «ни о какихъ древнихъ достопримѣчательностяхъ въ Лубнахъ свѣдѣній не отыскано».

Населеніе уѣзда было 46247 д., изъ нихъ преобладали помѣщичьи крестьяне, коихъ было 23694 д., а затѣмъ козаковъ 18389 ч. Монастырь былъ одинъ Мгарскій, въ 4-хъ верстахъ отъ Лубенъ. Въ немъ было монаховъ въ то время 16. Къ сожалѣнію, этимъ и ограничиваются свѣдѣнія о монастыряхъ, доставляемыя нижнимъ земскимъ судомъ. Въ уѣздѣ было 6 чел. изъ «генералитета, живущихъ и владѣніе имѣющихъ»; подъ ними разумѣлъ земскій судъ сановныхъ лицъ изъ числа мѣстныхъ дворянъ. Церквей въ уѣздѣ было 59, священниковъ 66, а церковнослужителей 118. Замѣчательно отсутствіе въ Луб. уѣздѣ крупныхъ поселеній (какъ и нынѣ): во всемъ уѣздѣ не было села, имѣвшаго болѣе двухъ церквей. Евреевъ въ уѣздѣ было 54 д., цыганъ 35 д., а «другихъ иностранцевъ», какими считалъ земскій судъ евреевъ и цыганъ, «не имѣется». Интересно, что земскій судъ счелъ нужнымъ сообщить и о числѣ незаконнорожденныхъ въ уѣздѣ; ихъ было 207. Далѣе говорится о лѣсахъ и перечисляются села, гдѣ ихъ наиболѣе; по счету земскаго суда, въ уѣздѣ было болѣе тысячи десятинъ строевого лѣса. Дома у помѣщиковъ были все деревянные, только

у одного Александра Новицкаго, въ Снѣтинѣ, былъ каменный домъ. Хоръ музыкантовъ («капелія» какъ тогда называли) былъ только въ с. Высокомъ Горбѣ, у маіора Ивана Боярскаго. Въ уѣздѣ было много винокуренъ, именно 212; были и пивоваренные заводы, содержимые помѣщиками. Въ селахъ уѣзда было всего 5 ярмарокъ. (Арх. Полт. Губ. Правл., по описи № 200).

—

III. *Кобеляки.* Какую площадь занималъ въ то время городъ, этого не зналъ и самъ городничій, потому что (пояснялъ онъ) «такого плана еще не прислано отъ начальства и знать нѣ почему». Всѣхъ дворовъ было 1035. Лавокъ было 47, всѣ, конечно, деревянныя. Жителей было 4609, считая въ это число и лицъ женскаго пола. Церквей было 11, изъ нихъ одна каменная; такого числа церквей не было въ то время ни въ одномъ уѣздномъ городѣ, какъ нѣтъ и теперь; большая часть ихъ была перенесена по хуторамъ уже въ началѣ 1860-хъ годовъ. Всѣхъ ремесленниковъ числилось 273 ч., изъ нихъ однихъ ткачей было 106 чел., что указываетъ на развитіе ткачества въ городѣ. Въ городѣ было два врача и оба нѣмцы. Что касается цѣнъ, то рожь покупалась отъ 1 р. 80 к. до 2 р. 40 к. за четверть, овесъ—отъ 1 р. до 1 р. 30 к.; мясо—3 к., баранина $1^1/_2$ к., дешевле другихъ городовъ. Пудъ соли—60 к. Ягоды: ведро вишенъ отъ 20 до 30 к., сливъ отъ 12 до 15 к. Базаръ былъ только по воскреснымъ днямъ. Ярмарокъ было 5.

Въ то время, по заявленію городничаго, въ Кобелякахъ не было ни одного еврея, что сомнительно. Вѣроятно, евреи жили не приписываясь къ городскому обществу, какъ это бывало въ то время во всѣхъ городахъ, во избѣжаніе платежа податей, ибо въ то время со всякаго еврея взималось въ казну съ каждой души по 4 р. 67 к., а если онъ былъ купецъ, то долженъ былъ платить уставленный налогъ съ объявленнаго имъ капитала.

Фабрикъ въ городѣ не было; изъ заводовъ были только селитряный и кирпичный. Кирпичъ продавался по 3—4 р. тысяча. Главнымъ занятіемъ горожанъ, по сообщенію городничаго, было хлѣбопашество. Не мало ихъ ежегодно отправлялось въ Крымъ за солью и на Донъ за рыбою. Съ 1798 года по 1804 г. включительно было выдано паспортовъ всѣмъ отправлявшимся за солью и рыбой 802. За винный откупъ городъ получалъ 8010 р. въ годъ. Въ городѣ было 17 водяныхъ мельницъ и вѣтряныхъ 5.

Всѣхъ жителей въ уѣздѣ, плативших подати, было 39681 ч., изъ нихъ наиболѣе было козаковъ—20820 ч., а затѣмъ помѣщичьихъ крестьянъ 12898 (меньше помѣщичьихъ крестьянъ въ уѣздахъ Полтавской губерніи было только въ одномъ Зѣньковскомъ—10586 чел.). Всѣхъ церквей въ уѣздѣ было 50, изъ нихъ 3 каменныхъ. Въ нѣсколькихъ мѣстечкахъ было по 5 церквей, а именно: въ Соколкѣ, Китай-городѣ и Бѣликахъ, а въ Голтвѣ, Царичанкѣ, Орликѣ, Кишенкѣ—по 4 церкви, въ Маячкѣ—2, а въ Новомъ Санжаровѣ, имѣвшемъ 3919 жителей, было 6 церквей. Въ мѣстечкахъ Орликѣ, Китай-городѣ и Царичанкѣ священники занимались обученіемъ дѣтей грамотѣ. Въ уѣздѣ этомъ не было винокуренныхъ заводовъ, какъ и въ Полтавскомъ,—только въ этихъ двухъ и не было ихъ, но зато здѣсь помѣщики занимались разведеніемъ рогатаго скота венгерской и волоской породы, какъ, напримѣръ, помѣщица Сушкова, Масловъ и Ив. Остроградскій въ с. Буняковкѣ, а у Ефросиньи Остроградской былъ заводъ рогатаго скота голландской породы. Конскіе заводы были у Александровича, Маслова и Сушковой. Въ этомъ же уѣздѣ было нѣсколько «капеллій», какъ-то: у ротмистра Шашина, Сушковой и повѣтоваго маршала Чарбы. Оранжерея была только одна во всемъ уѣздѣ, у ротмистра Куна. Уѣздъ былъ богатъ помѣщиками; нижній земскій судъ насчитываетъ однихъ штабъ-офицеровъ, жившихъ въ уѣздѣ, 35 ч. (Арх. Губ. Правленія, № 200).

---

2) *О цѣнахъ въ Малороссіи на жизненные припасы въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій.* Гадячскій городничій Шнейдеръ, по предписанію князя А. Б. Куракина, доставилъ въ 1804 г. очень подробную таблицу о цѣнахъ на продукты, начиная съ 1782 года по 1803 г. включительно. Хотя она и относится, главнымъ образомъ, къ Гадячскому повѣту, но не будетъ ошибкой, если скажемъ, что цѣны эти, развѣ съ малыми колебаніями, были во всей Полтавщинѣ. Укажемъ на главные предметы потребленія. Четверть пшеницы, заключавшая въ себѣ 8 мѣрокъ, не продавалась дешевле 1 р. 10 коп. асс. и то только въ одномъ 1785 г., а обыкновенно шла по 2 руб. съ копѣйками; единственный разъ, именно въ неурожайный 1795 годъ, ея цѣна поднялась до 4 и даже до 6 р. 50 к. за четверть. Въ 1803 г. цѣна ея была 2 р. 40 к. асс. Остальные сорта хлѣбовъ стоили дешевле. Просо покупалось по 80 к. за четверть, а въ 1795 г. поднялось до 4 р. 50 к., а обыкновенная цѣна его была 1 р. 20 к. и доходила до

3 р.; послѣдняя цѣна была въ 1803 году. Приблизительно такія же цѣны, съ небольшими колебаніями, были на рожь, ячмень, овесъ и гречиху. Овесъ только въ 1782 г. покупался по 30 к. за четверть, ячмень по 36, а гречиха по 50 к. Эти цѣны держались до 1786 г., когда онѣ поднялись до 60—70 к. за четверть, послѣ чего опять повысились до 1 р., 1 р. 10 к. и выше и такъ оставались до 1803 года.

Говядина въ 1782 году стоила $3^1/_2$ к. фунтъ; выше 5 к. не было. Затѣмъ цѣна подымается въ 1783 г. до 4 к. и держится такъ до 1788 года, когда она поднялась до 6 к. за фунтъ. Другіе виды мяса, какъ-то: баранина, свинина, стоили дешевле. Баранины фунтъ не былъ выше 4 к. и то лучшій сортъ, а обыкновенная цѣна ея была $1—1^1/_2$ к., съ 1782 г. по 1789 г., а затѣмъ повышается до 2 и 3 коп. Въ 1803 г. цѣна дошла до 5 к. Свинина покупалась отъ 1 к. до 3 к., за исключеніемъ одного 1798 г., когда фунтъ ея стоилъ 4 к.

Другой продуктъ первой необходимости—коровье масло продавалось въ 1783 г. отъ 4 до 6 к. за фунтъ, но это былъ исключительно дешевый годъ, затѣмъ цѣна повышается до 5, 6, 7 к. за фунтъ, а въ 1799 г. уже нельзя было купить менѣе 10 к. Иногда цѣна доходила до 15, 16, но выше 17 к. никогда не была. (Арх. Полт. Губ. Правл. по описи № 200).

—

3) *О привитіи оспы въ Полтавской губерніи въ началѣ XIX столѣтія.* Знаменитое открытіе Дженнера нашло въ лицѣ А. Б. Куракина, перваго малороссійскаго генералъ-губернатора, яраго поклонника. Будучи человѣкомъ просвѣщеннымъ и при томъ очень сердечнымъ по натурѣ своей, онъ не мало сдѣлалъ для страждущаго человѣчества: устраивалъ больницы, родильные пріюты и т. п. Въ 1802 г., вскорѣ послѣ вступленія въ должность, князь А. Б. Куракинъ предписалъ всѣмъ повѣтовымъ врачамъ заняться привитіемъ оспы. Врачебная управа поинтересовалась знать статистику привитія оспы и потребовала отъ повѣтовыхъ врачей свѣдѣній, что и было сдѣлано. Оказалось, что въ Полтавской губерніи, за время съ 22 іюня 1802 года по февраль 1804 года была привита оспа 10920 младенцамъ. Наибольшую энергію въ этомъ дѣлѣ проявили полтавскій штабъ-лѣкарь Сагредо, привившій оспу 1646 младенцамъ и переяславскаго повѣта штабъ-лѣкарь 8 класса Василій Захарженскій, привившій 3879 младенцамъ. Наименѣе энергичнымъ въ этомъ дѣлѣ оказался лубенскій штабъ-лѣкарь Василій Соболь, привившій оспу всего только 39 мла-

денцамъ. Занимались привитіемъ оспы и вольнопрактикующіе врачи, которыхъ въ то время было очень мало. Въ Кременчугѣ такимъ врачомъ былъ Гнѣдичъ, сдѣлавшій только 20 прививокъ. Въ самой же Полтавѣ привитіемъ оспы занимался врачъ Кондура, который еще до перевода своего въ Полтаву, въ Нѣжинѣ, гдѣ онъ началъ прививку, привилъ оспу 847 младенцамъ. Князь А. Б. Куракинъ, объѣзжая въ первый годъ своего генералъ-губернаторства Черниговскую губернію, замѣтилъ Кондуру и очень сочувственно отнесся къ его дѣятельности по привитію оспы, что и послужило поводомъ для перевода его въ Полтаву. Помѣщики не относились враждебно къ дѣлу привитія оспы и нѣкоторые сами заводили прививку въ своихъ имѣніяхъ. «По дошедшему въ Управу слуху,—писалъ въ своемъ отчетѣ инспекторъ врачебной управы—помѣщиками привита за тотъ же періодъ оспа 505 младенцамъ». Помимо этихъ врачей, инспекторъ управы говоритъ, что полковые врачи, а также и нѣкоторые лѣкаря, живущіе въ отставкѣ, прививаютъ коровью оспу, но свѣдѣній въ Управу не присылаютъ; «о таковомъ ихъ упражненіи» инспекторъ узналъ случайно, при посѣщеніи своемъ полковыхъ лазаретовъ. (Арх. Полт. Губ. Правл., по описи № 200).

—

4) *Заботы князя Куракина объ устройствѣ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ.* 28 марта 1803 г. было издано высочайшее повелѣніе о «лучшемъ устроеніи и повѣркѣ хлѣбныхъ магазиновъ». Еще до изданія этого закона кн. Куракинъ обращалъ вниманіе на вопросъ о хлѣбныхъ магазинахъ, а новый законъ побудилъ его еще болѣе настаивать на устройствѣ ихъ. Въ этихъ видахъ князь Куракинъ предложилъ въ 1803 году дворянству полтавской губерніи озаботиться устройствомъ въ селеніяхъ хлѣбныхъ магазиновъ. Магазины эти должны быть устроены въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ были волостныя правленія, и при томъ «мѣрныя по ихъ пространству, дабы тѣмъ удобнѣе было производить ихъ повѣрку, не перемѣривая каждый разъ». Каждое селеніе, въ которомъ было не менѣе 50 д. крестьянъ, должно было имѣть запасной магазинъ, при чемъ съ каждой ревизской души собиралось по четверику хлѣба и полугарнцу овса и ячменя. Полтавскій губернскій предводитель дворянства Чарнышъ, получивъ предписаніе генералъ-губернатора, внесъ этотъ вопросъ на обсужденіе собранія дворянъ губерніи. Болѣе пяти лѣтъ тянулось обсужденіе этого вопроса и все-таки не привело къ желаемымъ результатамъ. Дворянство, видимо, не

хотѣло въ своихъ имѣніяхъ устраивать магазины, отговариваясь разными предлогами. Дворянское собраніе, послѣ долгихъ преній отклонило предложеніе князя. «Чувствуемъ это для себя,—писало оно въ протоколѣ,—крайне затруднительнымъ, а соглашеніе къ тому малопомѣстныхъ дворянъ неудобовозможнымъ, тѣмъ паче, что въ здѣшней губерніи, большею частью въ безлѣсныхъ мѣстахъ, построеніе таковыхъ магазиновъ сопряжено съ немаловажными заботами и дороговизной». Ссылка на отсутствіе лѣса, несомнѣнно, была только предлогомъ: лѣсовъ въ то время въ Полтавщинѣ было очень много, они еще тогда не истреблялись такъ безжалостно, какъ въ послѣдующіе годы, да и лѣса немного нужно было на постройку магазиновъ. Во всякомъ случаѣ, дворянство рѣшило ходатайствовать о разрѣшеніи дворянамъ хранить запасный хлѣбъ для крестьянъ не только въ деревянныхъ помѣщеніяхъ, но и въ ямахъ и скирдахъ, «на его попеченіи и отчетѣ»... Но такое рѣшеніе не понравилось кн. Куракину, который, ссылаясь на высочайшее повелѣніе, предписалъ его исполнить, а губернскаго предводителя просилъ пригласить уѣздныхъ предводителей побудить дворянъ къ устройству магазиновъ. Въ силу этого были созваны по уѣздамъ дворянскія собранія. Но дворяне и на этотъ разъ отнеслись несочувственно къ дѣлу. Только полтавское уѣздное дворянство согласилось, другія же уѣздныя собранія отвѣчали если не прямымъ отказомъ, то отклоняли дѣло по тѣмъ или другимъ причинамъ. Константиноградское дворянство находило, что хлѣбъ возможно хранить и въ скирдахъ; лубенское находило постройку магазиновъ «крайне затруднительной»—опять по тѣмъ же причинамъ, какъ высказалось и губернское дворянское собраніе. Золотоношское же дворянство пошло въ разрѣзъ съ закономъ и порѣшило устроить магазины въ тѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, гдѣ было 500 и болѣе д. крестьянъ; оно также считало возможнымъ хранить хлѣбъ въ земляныхъ ямахъ. Такимъ образомъ и уѣздныя дворянскія собранія не охотно пошли на призывъ кн. Куракина и, видимо, не желали тратить средствъ на устройство магазиновъ, потребность въ которыхъ скоро обнаружилась. Въ 1805 г. былъ неурожай и саранча истребила не мало хлѣба въ константиноградскомъ, золотоношскомъ и лохвицкомъ уѣздахъ, такъ что помѣщикамъ пришлось раздавать хлѣбъ крестьянамъ. Кн. Куракинъ вновь предложилъ дворянству озаботиться устройствомъ хлѣбныхъ магазиновъ. Опять были созваны въ 1806 году по уѣздамъ дворянскія собранія; но и эти собранія не дали желательныхъ результатовъ. Какъ

бы на выручку дворянамъ, былъ изданъ въ 1805 г. высочайшій указъ на имя литовскаго военнаго губернатора, разрѣшавшій помѣщикамъ виленской, гродненской и др. губерній не строить магазиновъ, а держать въ своей экономіи «на свой страхъ» извѣстный запасъ хлѣба и выдавать его, когда это понадобится. Полтавскіе дворяне, узнавъ объ этомъ указѣ, какъ бы сговорились и во всѣхъ дворянскихъ собраніяхъ пятнадцати уѣздовъ порѣшили не строить магазиновъ, а ходатайствовать, какъ это разрѣшено литовскому дворянству, «дабы возложено сіе было помѣщикамъ на свой страхъ». Надо сказать, что незадолго до этого черниговскій губернскій предводитель Стороженко ходатайствовалъ передъ министромъ о томъ, чтобы дозволено было помѣщикамъ не строить запасныхъ магазиновъ, а держать у себя извѣстный запасъ хлѣба, но графъ В. П. Кочубей на это не согласился, о чемъ и далъ знать малороссійскому генералъ-губернатору кн. Куракину. Понятно, что послѣ такого отвѣта министра, постановленія дворянскихъ уѣздныхъ собраній не могли удовлетворить князя Куракина, и онъ продолжалъ настаивать на исполненіи закона. Надо замѣтить, впрочемъ, что упорное нежеланіе помѣщиковъ устраивать хлѣбные магазины было тогда общимъ явленіемъ въ Россіи, вызывавшимъ даже правительственныя репрессальныя мѣры. По высочайшему повелѣнію, отъ 8 марта 1808 года, были наложены штрафы на помѣщиковъ, неисполнившихъ указа 1803 года: ихъ велѣно было штрафовать на первый разъ 25 р., на второй—вдвое, на третій—втрое и т. д.

Въ началѣ того же 1808 г. кн. Куракинъ оставилъ Малороссію и занялъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Это дало ему большую возможность настаивать на устройствѣ хлѣбныхъ магазиновъ, и онъ, дѣйствительно, въ концѣ 1808 г. предписалъ всѣмъ губернскимъ предводителямъ внушить дворянамъ истинную цѣль учрежденія запасныхъ магазиновъ; но вполнѣ цѣли все-таки не достигъ: далеко не вездѣ они были устроены. Въ 1810 г. полтавское дворянство вторично ходатайствовало о разрѣшеніи каждому помѣщику имѣть на «свой страхъ и попеченіе» извѣстный запасъ хлѣба. Чѣмъ кончилось это ходатайство, мы не знаемъ. Видно только, что полтавское губернское дворянское собраніе каждое трехлѣтіе избирало изъ своей среды особыхъ «попечителей хлѣбныхъ магазиновъ» по 3—4 на уѣздъ. Такъ дѣло продолжалось до 1860-хъ годовъ. (Арх. Двор. депут. собр. 1803 г., по описи № 8).

И. Фр. Павловскій.

Изъ области народныхъ вѣрованій о выходцахъ съ того свѣта. Въ малорусскомъ народѣ, какъ извѣстно, существуетъ вѣрованіе, что чрезмѣрная тоска по умершемъ, слишкомъ продолжительное и безутѣшное его оплакиваніе непріятны душѣ умершаго и нерѣдко вызываютъ съ его стороны мстительныя дѣйствія по отношенію къ тѣмъ, кто такимъ оплакиваніемъ не даетъ его душѣ покоя. Приводимый здѣсь разсказъ возникъ на почвѣ именно этого вѣрованія. Народъ и понынѣ придаетъ такимъ легендамъ вѣру, какъ истиннымъ событіямъ, почему въ нихъ нерѣдко точно опредѣляется время и мѣсто дѣйствія.

«Це робылось двадцять литъ назадъ. Въ сели Соснивци, заславського повиту, волынськои губерніи, жыла мужыцька симья. Була у тыхъ господаривъ йиднымъ йидна дочка, дивка,—хочъ заразъ замижъ. Отъ та дивка заслабла, злягла, та недовгый часъ пролежавшы, и вмерла. Батькы свою Оляну любылы безъ памьяты, особливо стара маты Горпына, котра, писля іи смерты, дуже за нею вбывалась и плакала. Прыйшла перша вилія, чы кутя. Стара Горпына въ той день, готовлячы то те, то се на кутю, зъ самого ранку гирко плакала, спомынаючы свою Оляну, и думала, якъ вона теперъ мусыть сама все робыты и працюваты, и якъ безъ неи буде таке вэлыке свято—кутю и Риздвяни свята—стричаты й проводыты. Прыйшовъ вечиръ, чы то вже сама вилія; стара Горпына стала ще гирше плакаты, що якъ то вона сяде за стилъ, буде вечераты, буде йисты кутю безъ своеи коханои дочкы Оляны. Не хочется ій сидаты и за стилъ, за ту вечеру; выйшла Горпына на двиръ, и надвори, до мисяця, стала плакаты, голосыты, ламаты рукы, та прычытуваты, та щось шептаты и заклынаты.—«Прыйды, зъявыся, моя Олясю, до мене хочъ на цей вечиръ, хочъ на йидну хвылыну!»—голосыла Горпына.—Війшла Горпына до хаты, силы вси, вся симья за стилъ вечераты, колы глянь—хтось у викно дывыться,—ажъ Оляна, якъ була на смерть наряжена, такъ, якъ жыва, и стоить пидъ викномъ. Зъ того дня почалось: абы вечиръ,—вже Оляна човпется або въ комори, або въ синяхъ, або на горыщи, човпется всю ничъ, и якыхъ тилькы збыткивъ вона не выробляла своій матери! Въ комори горохъ, пшоно, муку, крупу—все змишае до купы, та ще й до того десь визьме, насыпе попелу, або писку; або все те порозсыпае по комори, по синяхъ; все, що на горыщи, летыть звидтиль на землю; въ комори, въ синяхъ все кыдае, все тарахкотыть. Перелякалысь батькы небожкы Оляны, терпилы-

терпилы все те, а дали давай робыты, що хто казавъ и радывъ: служылы молебни, акахвысты, службы Божи—ничого не помагае. Позвалы батюшку посвятыты хату. Отъ якъ батюшка святывъ хату,—дывыться, ажъ Оляна въ бындахъ на голови, зъ роспущенымы косамы по плечахъ, йиднымъ словомъ, такъ якъ була похована, такъ промижъ людьмы протыскуется зъ хаты въ сины, а зъ синей війшла въ комору; те бачылы тилькы батюшка и Горпына; воны пишлы въ комору—дывлятся, ажъ у комори, въ кутку стоить ожогъ, а на ёму начепляни быны и одежа: спидныця, кафтанъ Оляны, котре все зосталось писля ій смерты и було у старои Горпыны сховане въ скрыни пидъ замкомъ. И посвящиння хаты, и молебни ничого не помоглы: Оляна, абы ничъ, такы ходыть и збыткы робыть. Бачать батькы—плохе дило; думають соби, переберемся въ другу хату, може перестане. Видцуралыся своеи хаты, нанялы у сусидивъ, перейшлы въ чужу; а свою зоставылы пусткою,—та де тамъ! Куды воны—туды и Оляна зъ своимы збыткамы, и що-ночи ходыть и човпется, якъ ходыла и човплась. Такъ батькы зъ хаты въ хату, все село обійшлы, скризь потроху жылы, и скризь Оляна за нымы зъ збыткамы,—але жъ нихто не хотивъ ихъ въ хати довго трыматы, бо було неспокійно и сусидамъ. Горпына мовчала-мовчала, терпила, молылась, а нарешти давай лаяты и проклынаты небожку Оляну; зъ того часу збыткы сталы ще гирши и бильши. Идного разу Горпына купыла соби рыбы, справыла, посолыла, и поставыла накрыту въ мысныку; рано встае—нема рыбы: пропала, якъ въ землю провалылась; нибы хто вкравъ, чы зйивъ. Горпына стала дуже лаяты и проклынаты ту нечысту сылу, що ій рыбу взяла. Выйшла чогось Горпына въ сины, а кисткы зъ ій рыбы зъ горыпца прямо у вичи Горпыни хтось такъ и кынувъ. Якъ разъ на ту пору въ синяхъ стоявъ чоловикъ-сусидъ. Винъ забачывшы цее, засміявся та й каже:

— Бачъ, якъ (вылаявся) добре выцилыла! Добре шпурляе нечыста сыла!!..

Тилькы що винъ це промовывъ, якъ йиденъ клубокъ валу, що высилы на горыщи, прямо тому чоловикови въ шыю такъ и вшкулывъ, ажъ той чоловикъ заточывся. Чоловикъ вже не выдержавъ и вылаявся видъ серця. Колы ще другый клубокъ валу зъ горыща чоловикови въ бикъ. Бачыть чоловикъ, що не перелывкы, та зъ синей скорише и писля того зо дви недили болила шыя и бикъ видъ тыхъ клубкивъ.

А то зновъ другого разу зъ вечора зайшлы до Горпыны сусидкы и стала вона зъ нымы радытысь, що робыты, щобъ таке несчастя позбуты. Хтось зъ сусидокъ порадывъ, щобъ достаты маку и засіяты нымъ могылу Оляны, и достаты осыкового килка и вбыты въ могылу.

— Колы якъ на тее жъ, нема въ мене ни маку, ни осычыны, и нема де достаты,—каже Горпына.

Лягла Горпына спаты, рано встала, до дверей—не можна дверей одчыныты, не можна зъ хаты выйты: мусила лизты черезъ викно; входыть у сины, а тамъ пидъ дверыма цила фура осычыны лежыть, такъ що двери геть закладени, що й одчыныты не можна, а по синяхъ скризь посыпано макомъ.

Прырадылы люде Горпыни питы до Почаёва на отпустъ, помолытыся Божій Матери Почаёвській,—може тоди перестане дочка на костыты. Стала Горпына збираты потрошку гроны на отпускъ до Почаёва, зибрала вже цилыхъ два рубли, та все дрибнымы и сриблом, и мала на другый день йты въ дорогу. Встала Горпына на другый день, до скрыни, до грошей—нема: якыйсь чортъ укравъ и забравъ, хочъ скрыня и була замкнена. Прыйшлось видкласты Горпыни дорогу до Почаёва, бо не було зъ чымъ йты на отпустъ. Пройшовъ писля того де-якый часъ. Йидного ранку Горпына стояла коло печи, варыла обидаты, колы—дзень!—срибна сорокивка зъ комына на прыпичокъ такъ и впала. Горпына перше перелякалась, а потимъ засунула руку въ комынъ и стала тамъ мацаты, и на прымурку, на взымсыку, що бувъ у комыни, найшла розложани вси ти два рубли, що вона приготовыла на отпустъ до Почаёва.

Рокивъ зо-два, або й зо-три таке выроблялось у батькивъ небожкы Оляны, алежъ Горпына стала ходыты по отпустахъ, по манастыряхъ, була въ Почаёви, въ Кыиви, стала часто сповидатыся, говиты, служыты службы и потроху стало все стыхаты, меныше й меныше, ридше й ридше робытыся, и нарешти и зовсимъ утыхло й перестало.

Въ Соснивци вси говорылы, якъ въ бубонъ былы, що Горпына була видьма, зналась зъ нечыстымъ, вмила чаклуваты, и що то нечыстый влизъ въ тило Оляны, въ іи тулупъ, въ іи образи ходывъ и таке выроблявъ; ну, а потимъ, якъ Горпына покаялась, стала молытыся за себе и за свою небожку Оляну, обернулася до Бога,—все те и перестало, нечыстый и видчепывся, видставъ видъ неи.

Сообщ. **Ив. Бѣньковскій.**

Указъ объ обязательномъ обученіи дѣтей священнослужителей въ школахъ латинскому языку, 1723 г. Варлаамъ Ванатовичь, Божіею Милостію православный архіепископъ Кіевскій и Галицкій і Малія Россіи. Всѣмъ обще, кому о семъ будетъ вѣдати надлежало, а именно: пречестнымъ оцамъ протопопамъ, честнымъ іереомъ, діяконамъ и всему притчу церковному, при благословеніи нашомъ архіерейскомъ, извѣстно творимъ. Донеже мы пастиръ, принявши, по милости Божіей и государской, за благословеніемъ святѣйшаго правителствующаго Сунода, пастирское правленіе в епархіи Кіевской, должни по званію нашему всякия благочиния і благостроения около церквей святихъ и во всемъ притчѣ духовномъ, власти нашой архипастирской подсутствующимъ, устроевати и размножати, и ку болшей хвалѣ Божой и лучшой ползѣ церковной и устроенію духовному, чого ради всему притчу церковному властію нашею пастирскою приказуемъ и всячески имѣти хощемъ, даби всѣ духовніе члени: протопрезвитори, іереи и діякони, отселѣ дѣтей своихъ отъ младихъ ихъ ногтей, вопервихъ, страха Божія и благочестия научати, потомъ грамматѣ и чтенію некосноязичному священого Писанія обучали би, при добромъ воспитаніи и нравоученіи добродѣтелнаго младенческаго ихъ житія. Изучившихжеся добрѣ грамматѣ и навикшихъ искусному и внимательному чтенію Божественого Писанія, без умедленія присилать и отпускать в латинского ученія искуство, повелѣваемъ для наученія латинского язика и взисканія премудрости, еже есть всему благу корень и человѣческому жітію добрая наставница. Аще же какіе презвитори не похотятъ дѣтей своѣхъ в латинские школи в наученіе прислати і онихъ в томъ снабдѣватъ, то не токмо воздадутъ отвѣтъ в нерадѣніи около синовъ своихъ Господу Богу, но и наслѣдия мѣстца своего прафіялного чадъ своихъ лишати будутъ, ибо отселѣ кто не будетъ в школахъ латинскихъ и не покажетъ ся изученъ быти, то не сообрящется наслѣдия престола отческаго, но весма отчужденъ явится, на мѣсто же ихъ станутъ люде ученіе и добродѣтелніе промоватися в чини духовнія. При сем же вамъ, пречестнімъ оцамъ протопопамъ, пилно приказуемъ, абисте, по полученіи сего нашего пастирского указу, всякъ в своей протопопіи вибрали по единому презвитеру, в чтеніи, в житіи добродѣтелномъ, в трезвости и во всякомъ постоянствѣ іерейскомъ искусного, и прислали бъ къ намъ, у катедру, немедлено, для нѣкоторихъ нашихъ духовніхъ інтересовъ. А хотя уже не единократно вамъ, протопопамъ, чрезъ укази наши

архіерейскіе, пастирско повелѣвали, чтобъ ви не изучившихся добрѣ наизусть десятословія, блаженствъ, седми сакраментовъ и прочіего катихизіческого ученія, до іерейского найпаче чина надлежащаго, аколѣтовъ и ставленіковъ к намъ не присилали, однакъ видимъ, что тие оукази наши у васъ ничто не успѣваютъ, понеже (видимъ) не тилко не умѣющихъ вишереченого оученія, но и книжного чтенія весьма не обученихъ, самихъ рекше нечиталовъ, на священство промуете и присилаете, знать нѣкоего ради лихоимѣнія и подсулъ, вамъ подсуляемихъ, о чемъ вамъ уже дается вѣдати; если отселѣ такіе идіоти и нечитатели і младіи лѣтами впредъ к намъ отъ васъ будутъ прісилатіся во презвітерство, то не токмо они не получатъ желаемого чину священнического, лечъ и ви, присилающіи такѣхъ неумелцовъ противъ указу нашего, будете жестоко наказани при отчужденіи чести протопопской и священодѣйствія. І какъ ви, отци протопопи, презвитерѣ, діякони и весь причетъ духовній, сей нашъ пастирскій указъ получите, и ви въ во всемъ всякъ в своей протопіи всему духовенству оніи опромолговавши, чинили бъ по оному непремѣно, исправлялися тщателно, опасаяся на себе за ослушаніе жестокого штрафва. Данъ з катедрѣ Свято-Софѣйской Киевской, 1723 року, ноеврия 17.

Вишменованній Архіепископъ Кіевскій рукою власною.

Сообщ. **С. Рѣлицкій.**

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Къ характеристикѣ кіевскаю военнаго губернатора, генералъ-лейтенанта, сенатора и кавалера, Княжнина.* Въ 30-мъ году богуславскій земскій исправникъ представилъ при рапортѣ прошеніе нѣкоего Щербцова, ходатайствовавшаго о предоставленіи ему должности квартальнаго надзирателя въ заштатномъ городѣ Каневѣ.

Изъ Кіева воспослѣдовала резолюція военнаго губернатора: «Даю знать, что въ должности я назначаю чиновниковъ по *своему* выбору, *не полагаясь на представленія,* а потому поставляя сіе на видъ вашему благородію, предписываю на будущее время не осмѣливаться дѣлать подобныя представленія».

---

2) *Къ исторіи кіевскихъ дворцоваю, кловскаю виноградноаю и шелковичнаю садовъ.* 2 марта 1828 г. кіевскій гражданскій губерна-

торъ докладывалъ кіевскому военному губернатору, генералъ-лейтенанту и кавалеру, Петру Федоровичу Желтухину: «Смотритель кіевскихъ государевыхъ садовъ кол. ас. Спиридоновъ [1]) представляетъ мнѣ, что дворцоваго саду садовый мастеръ П. Волковъ [2]), поступя на службу ученикомъ при томъ садѣ 1798-го году, и находясь подмастерьемъ съ 22 марта 1811, мастеромъ 25 янв. 1824 г., какъ удостовѣряютъ данные отъ бывшихъ смотрителей аттестаты, велъ себя весьма хорошо, по службѣ былъ всегда рачителенъ. Принялъ отъ иностранца, садового мастера Лангауза въ теплицахъ и оранжереяхъ растенія *«въ самомъ худоложеніи»*, которыя попеченіемъ своимъ исправилъ, значительно оныя умножилъ. Подъ его же надзоромъ состоятъ Кловскій, Виноградный и Шелковичный сады, причемъ жалованіе весьма ограниченное»... Испрашивалось награжденіе XIV-мъ классомъ.

Военный губернаторъ, въ томъ соображеніи, что на подобные случаи нѣтъ точнаго постановленія, отказался отъ дальнѣйшихъ по сему дѣлу переписки и хлопотъ.

---

3) *Губительное на организмъ дѣйствіе рожковъ* [3]) *и благодѣтельное въ семъ случаѣ послѣдствіе отрубленія руки.* Въ январѣ 1841 г. Радомысльскій земскій судъ доносилъ Главному Начальнику края: .....деревни Опочицы крестьянинъ «будучи отъ употребленія хлѣба съ черными рожками до той степени больнымъ, что сталъ на время въ нѣума; взявъ подъ небытность жены своей топоръ и вышедши въ сѣни, положивъ лѣвую руку на замерзшую землю, отрубилъ совершенно руку на самомъ составѣ, отъ каковаго отрубленія руки и терпимой боли, при лекарскомъ пособіи можетъ быть приведенъ къ совершенному здоровью»...

Сообщ. **А. Мёрдеръ.**

---

[1]) Въ сентябрѣ того же года н. сов. Спиридоновъ, вовсе незнакомый съ садоводствомъ, будучи канцелярскимъ чиновникомъ, проситъ усердно объ увольненіи; на его мѣсто предположено назначить чиновн. X кл. Свиньина.

[2]) Кіевскаго дворцоваго сада ученика сынъ.

[3]) См. „Рожки въ хлѣбныхъ колосьяхъ"—Май, 1902 г. „Кіев. Стар."

Отрывокъ изъ письма В. В. Порскалова къ Н. В. Шугурову. Въ прошлой книжкѣ (№ 7—8) нашего журнала былъ помѣщенъ рисунокъ, изображающій трехъ близкихъ нашей редакціи покойниковъ—В. В. Тарновскаго, А. М. Лазаревскаго и Н. В. Шугурова, и статья, посвященная памяти ихъ. Изъ этой статьи, равно какъ и изъ некролога Н. В. Шугурова, напечатаннаго въ № 12 прошлаго года, видно, насколько этотъ человѣкъ былъ проникнутъ любовью къ своему родному краю, насколько научная разработка судебъ этого края была близка его сердцу и составляла единственное его занятіе въ свободныя минуты отъ служебныхъ работъ. Намъ доставлено теперь одно письмо къ Н. В. Шугурову, писанное въ 1863 году родственникомъ его В. В. Порскаловымъ, письмо интересное потому, что въ немъ мы находимъ указанія на то, что въ молодые годы Н. В. Шугурова, въ періодъ ученія его въ Москвѣ, въ немъ скорѣе можне было-бы предвидѣть человѣка съ космополитическимъ воззрѣніемъ на жизнь, чѣмъ того убѣжденнаго и лирически-настроеннаго украинца, какимъ мы знаемъ его въ теченіе многихъ лѣтъ его жизни въ возрастѣ зрѣломъ и пожиломъ. Письмо это представляетъ еще и тотъ интересъ, что знакомитъ насъ съ преобладающимъ настроеніемъ въ извѣстныхъ кружкахъ кіевлянъ въ началѣ 60-хъ годовъ. Авторъ письма, В. В. Порскаловъ, какъ-бы желающій исправить Н. В. Шугурова съ пути космополита на дорогу національную, былъ въ то время учителемъ исторіи въ Кіевской 2-й гимназіи, а затѣмъ прошелъ служебныя ступеньки, занимая должности инспектора кіевской прогимназіи (нынѣ 4-ая гимназія), директора Новогородсѣверской гимназіи и директора училищъ Черниговской губерніи, умеръ онъ въ Кіевѣ, въ отставкѣ, въ 80-хъ годахъ.

«Благодарю Васъ, Николай Васильевичъ, что написали мнѣ несмотря на мое молчаніе: происходило оно отъ тѣхъ же самыхъ причинъ, что и Ваше: просто, кажется, писать нечего, а вѣдь Вы моложе меня, значитъ и писать Вамъ нужно-бы охотнѣе. Изъ Вашего письма вижу я, что Вы скучаете, или, еще хуже, недовольны жизнью—вещь неудивительная въ наше время, да недовольство недовольству рознь—вотъ что! А мнѣ кажется, что недовольство Ваше пассивное, и въ такомъ случаѣ да пройдетъ оно скорѣе! Найдите себѣ идею, убѣжденіе жизни, лозунгъ,—вѣрнѣе, дѣло, къ которому можно-бы прилѣпиться, да найдите не извнѣ (въ такомъ случаѣ это будетъ фантазія), а въ себѣ самомъ, поройтесь въ своемъ собственномъ «я», авось найдете тамъ такую вещь, которая спасетъ Васъ отъ скуки. Вы, кажется, мало ду-

мали до сихъ поръ о своей національности, мало обращали вниманія на значеніе всего малорусскаго, на свои отношенія къ нему. Подумайте объ этомъ—вотъ и дѣло! Здѣсь, въ Кіевѣ, есть нѣсколько лицъ, горячо любящихъ свою родину, свой языкъ, свой народъ, знающихъ свою исторію, свои думы, пѣсни, работающихъ искренно на пользу этого края, и они, эти люди, не скучаютъ, а живутъ полною жизнью. Неужели у Васъ въ Москвѣ отвлеченный, безплодный космополитизмъ царитъ надъ молодостью? Вѣдь онъ самый лучшій разсадникъ бюрократовъ-чиновниковъ; а чиновническое направленіе—это страшная болѣзнь у насъ. Космополитизмъ настроеніе отвлеченное, логическое, а не изъ жизни взятое, и грустно видѣть, какъ онъ дѣлаетъ Чайльдъ-Гарольдовъ въ разныхъ тонахъ изъ людей, которые, безъ него, могли-бы и сами быть счастливыми, и людямъ добро сдѣлать. При свиданіи съ Вами я замѣтилъ въ Васъ его вліяніе и, испытавши на собственной персонѣ, всю безплодность его, рѣшился и Вамъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ»...

«Въ Кіевѣ приняты мѣры полицейскія противъ поляковъ: много войска, днемъ и ночью разъѣзды козаковъ, обыски, шпіоны и т. п. Серьезнаго, впрочемъ, ничего нѣтъ [1]). Новый генералъ-губернаторъ Анненковъ человѣкъ дѣятельный, какъ говорятъ чиновники, съ административными способностями. Добраго впрочемъ, пока ничего еще отъ него не видѣли. Университетъ (профессора) изъ рукъ вонъ плохъ; иные факультеты не стоютъ и одного порядочнаго профессора»... «Основу» читаете? Прочтите статью Ефименка за октябрь 1862 г., да и много другихъ статей въ ней. Жаль, говорятъ, что она падаетъ, не будетъ издаваться»..

Сообщ. **В. Н.**

Украинофильство Гоголя. Въ № 7—8 нашего журнала за 1901 г. въ отдѣлѣ библіографіи было уже отмѣчено письмо Залѣскаго къ Духинскому о встрѣчѣ его съ Мицкевичемъ и Гоголемъ, напечатанное въ «Przewodnik'ѣ naukowy'мъ i literacki'мъ» (т. XXIX, кн. 6, ст. 466—467). Въ настоящее время подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ на страницахъ «Новаго Времени» (№ 9483) г. А. Л. напечаталъ переводъ всего письма съ нѣкоторыми комментаріями къ нему

---

[1]) Писано 26 марта 1863 года.

и съ прибавленіемъ тѣхъ мѣстъ изъ писемъ Гоголя къ М. Максимовичу, которыя были пропущены въ изданіи Кулиша. Въ виду интереса, какой представляетъ сопоставленіе этой переписки Гоголя, мы приводимъ статью г. А. Л. цѣликомъ.

«Среди біографическихъ матеріаловъ о Гоголѣ имѣется интересное свидѣтельство о нашемъ писателѣ извѣстнаго польскаго украйнофила и поэта Богдана Залѣскаго (1802—1886). На это свидѣтельство А. Л. наткнулся случайно, просматривая переписку Іосифа-Залѣскаго съ разными лицами, напечатанную въ журналѣ «Przewodnik naukowy i literacki» (приложеніе къ «Gazeta Lwowska») за 1901 годъ. Въ шестой книжкѣ этого журнала (t. XXIX, zeszyt VI, ст. 466—467) помѣщено письмо Залѣскаго изъ Фонтенебло отъ 19 февраля 1859 года, къ извѣстному польскому патріоту Франциску Духинскому, создателю пресловутой теоріи о «туранствѣ» великоруссовъ (москалей). Въ настоящее время эта теорія, отрицающая арійское (въ частности славянское) происхожденіе великоруссовъ, не имѣетъ успѣха и среди серьезныхъ польскихъ ученыхъ. Лѣтъ 50 назадъ дѣло обстояло иначе. Залѣскій начинаетъ свое письмо съ благодарности Духинскому за присылку его книги. По всей вѣроятности онъ благодаритъ за книгу Духинскаго «Zasady dziejów Polski i innych krajów słowiańskich».

Продолженіе письма Залѣскаго приводимъ въ русскомъ переводѣ:

«Твоя книжка, уважаемый землякъ, отличается ученостью, поучительностью и патріотизмомъ. Общій взглядъ на исторію поляковъ, родственныхъ народовъ и великоруссовъ кажется мнѣ правильнымъ. Что издавна понемногу представлялось отдѣльнымъ лицамъ (niejednej głowie), то ты разъяснилъ своими изслѣдованіями почти до очевидности. Я не сомнѣваюсь, что какъ въ этой части твоей «Исторіи», такъ и въ послѣдующихъ ты одинаково успѣшно докажешь свою главную мысль и докажешь ее притомъ на пользу общую и во славу Польши. Не перехожу къ разбору того или другого изъ твоихъ предположеній и мнѣній, потому что не имѣю для того ни мѣста ни времени. Вмѣсто этого предпочитаю присоединить небольшую подробность, которая можетъ пригодиться тебѣ при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ.

«Лѣтъ 25 назадъ гостилъ въ Парижѣ знаменитый русскій поэтъ Гоголь. Съ Мицкевичемъ и со мной, соукраинцемъ (spółukraińcem), онъ былъ въ тѣсной дружбѣ (zostawał w ścisłej zażyłości). Мы сходились тогда часто по вечерамъ для литературно-политическихъ бесѣдъ.

Конечно, мы говорили болѣе всего о великоруссахъ (moskalach), внушавшихъ отвращеніе (wstretnych) и намъ и ему. Вопросъ о финскомъ ихъ происхожденіи (kwestya finskosci) былъ безпрерывно предметомъ обсужденія. Гоголь подтверждалъ его со всею своею малорусской запальчивостью. Онъ имѣлъ подъ рукой у себя замѣчательные сборники народныхъ пѣсенъ на разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Итакъ, по вопросу о финскомъ происхожденіи великоруссовъ (moskalów) онъ написалъ и читалъ намъ прекрасную статью (wyborne pisemko). Въ ней онъ указывалъ, на основаніи сравненія и детальнаго сопоставленія пѣсенъ чешскихъ, сербскихъ, украинскихъ и т. д. съ великорусскими (moskiewskiemi), бьющія въ глаза отличія въ духѣ, обычаяхъ и въ нравственныхъ взглядахъ (moralnosci) у великоруссовъ и у другихъ славянскихъ народовъ. Для характеристики каждаго человѣческаго чувства (o kazdem uczuciu ludzkiem) онъ подобралъ особую пѣсню: съ одной стороны нашу славянскую, сладостную, нѣжную (słodka, łagodna) и рядомъ великорусскую (moskiewska)—угрюмую, дикую, нерѣдко канибальскую (ponura, dzika, nie rzadko kanibalska), словомъ—чисто финскую. Уважаемый землякъ, ты легко можешь себѣ представить, какъ эта статья искренно обрадовала Мицкевича и меня.

«Много лѣтъ спустя, въ Римѣ я думалъ раздобыть (zażądac) у Гоголя эту параллель... Какова же, однако, судьба этой статьи? Неужели въ посмертномъ собраніи сочиненій Гоголя нѣтъ ничего подобнаго? Она послужила бы прекраснымъ подтвержденіемъ твоихъ выводовъ. Во всякомъ случаѣ найдется или же не найдется эта статья между сочиненіями Гоголя, и въ настоящее время не трудно составить подобную параллель. Но достойна сожалѣнія утрата многихъ и характерныхъ анекдотовъ о великоруссахъ,—анекдотовъ, которые могъ знать только Гоголь и которые онъ одинъ могъ разсказать съ особымъ, ему свойственнымъ остроуміемъ».

Таково воспоминаніе Залѣскаго о Гоголѣ. Далѣе А. Л. говоритъ:

«Предоставляя знатокамъ біографіи Гоголя подробное его разъясненіе, мы ограничимся въ настоящей замѣткѣ только самымъ краткимъ комментаріемъ. Сближеніе Гоголя съ Богданомъ Залѣскимъ и Мицкевичемъ относится ко времени пребыванія его въ Парижѣ въ 1836 году. Бесѣдовалъ Гоголь съ Залѣскимъ, по свидѣтельству Данилевскаго, чаще всего по-малорусски. (В. И. Шенрокъ: Матеріалы для біографіи Гоголя, т. III, стр. 166). Дошла до насъ и небольшая

дружеская записка нашего поэта къ Залѣскому, писанная также по-малорусски (Письма Гоголя, Спб. 1902 г., т. I, стр. 431). Въ письмахъ Гоголя находимъ рядъ сочувственныхъ отзывовъ о Мицкевичѣ, какъ поэтѣ. Дружескія собранія нерѣдко сопровождались юмористическими разсказами Гоголя. По поводу встрѣчи съ разными «комическими» лицами Гоголь «всегда любилъ пошутить или придумывая разныя забавныя положенія, въ которыхъ ярче выступали ихъ комическія стороны, или представляя въ новомъ юмористическомъ освѣщеніи никѣмъ еще незамѣченныя странности». (В. И. Шенрокъ, III, стр. 214).

Приведенныя нами сейчасъ справки указываютъ на то, что внѣшнія обстоятельства въ воспоминаніи Залѣскаго правдоподобны. Нужно думать, однако, что Гоголь разсказывалъ съ обычнымъ юморомъ комическіе эпизоды не только изъ жизни великоруссовъ, но и изъ быта другихъ народностей.

Извѣстная статьи Гоголя «О малороссійскихъ пѣсняхъ», напечатанная впервые въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» за 1834 г. (т. е. до сближенія съ Богданомъ Залѣскимъ), хотя и проникнута горячимъ чувствомъ любви къ родинѣ поэта, не заключаетъ, однако, въ себѣ ничего, напоминающаго сообщенія поляка-украйнофила. Могъ ли, однако, Гоголь написать статью, содержаніе и характеръ которой изложены Залѣскимъ въ интимномъ письмѣ его къ Духинскому? Мы думаемъ, что подобная статья могла принадлежать перу Гоголя. Впрочемъ, мы заранѣе оговариваемся, что Залѣскій повидимому значительно усилилъ рѣзкость ея.

Дѣло намъ представляется въ такомъ видѣ.

Гоголь, увлекавшійся народной малорусской поэзіей, ставившій ее чрезвычайно высоко, могъ не отдать должнаго поэзіи великорусской, сравнительно мало ему извѣстной. Для изученія малорусскихъ пѣсенъ онъ могъ привлечь уже богатыя тогда собранія пѣсенъ чешскихъ и особенно сербскихъ и довольно скудное количество пѣсенъ великорусскихъ. Выводы по отношенію къ послѣднимъ получались отрицательные, вслѣдствіе незнакомства автора статьи съ богатой по объему и содержанію великорусской лирикой. И конечно характеризовать великорусскую поэзію «дикой, угрюмой» и особенно «канибальской» въ настоящее время невозможно.

Если въ статьѣ Гоголя, о которой говоритъ Залѣскій, и мелькала мысль о превосходствѣ малорусскихъ пѣсенъ по сравненію ихъ съ великорусскими, то она являлась какъ бы отзвукомъ того умѣреннаго украйнофильства, которое можно подмѣтить въ нѣкоторыхъ письмахъ Гоголя особенно въ письмахъ къ его землякамъ.

Для доказательства того, что такое умѣренное украйнофильство не было чуждо Гоголю, мы приведемъ два-три отрывка изъ его писемъ къ М. А. Максимовичу, при чемъ подчеркиваемъ фразы, пропущенныя въ изданіи Кулиша, который повидимому призналъ ихъ довольно рѣзкими.

2 іюля 1833 года Гоголь писалъ Максимовичу. «Жаль мнѣ очень, что вы хвораете. *Бросьте въ самомъ дѣлѣ кацапію да пріѣзжайте въ гетьманщину.* Я самъ думаю то же сдѣлать и на слѣдующій годъ махнуть отсюда. Дурни мы право, какъ разсудишь хорошенько! *Для чего и кому мы жертвуемъ всѣмъ?* Ѣдемъ! сколько мы тамъ пособираемъ всякой всячины! все выкопаемъ!» (Письма Гоголя, с. с. т. I, стр. 253—254).

Въ письмѣ отъ 9-го ноября 1833 года читаемъ: «Теперь я принялся за исторію нашей *единственной, бѣдной* Украйны. Ничто такъ не успокаиваетъ, какъ исторія» (Письма, с. с., I, 263).

Въ декабрѣ 1833 года Гоголь писалъ: «Благодарю тебя за письмо, за мысли въ немъ, за новости и пр. Представь, я то же думалъ: туда, туда! въ Кіевъ, въ древній, въ прекрасный Кіевъ! *Онъ нашъ, онъ не ихъ—не правда ли?* Тамъ или вокругъ него дѣялись дѣла старины *нашей*. Я работаю, я всѣми силами стараюсь; но на меня находитъ страхъ: можетъ быть, я не успѣю! Мнѣ надоѣлъ Петербургъ, или, лучше, не онъ, но проклятый климатъ его: онъ меня допекаетъ. Да, это славно будетъ, если мы займемъ съ тобою кіевскія каѳедры: много можно будетъ надѣлать добра. А новая жизнь среди такого хорошаго края. Тамъ можно обновиться всѣми силами». (Письма Гоголя т. I, стр. 268).

А. А. Савичъ. *(Некрологъ).* 19 іюля скоропостижно скончался бывшій членъ окружного суда въ г. Лубнахъ А. А. Савичъ. Происходя изъ извѣстной дворянской фамиліи полтавской губ., покойный былъ большимъ патріотомъ и почитателемъ родной исторіи, языка и литературы. Будучи любителемъ рѣдкихъ книгъ, А. А. Савичъ имѣлъ громадную библіотеку, которая, къ сожалѣнію, въ послѣдніе годы его жизни попала въ разныя руки. Покойный занимался литературой и является авторомъ поэмы «Ганнуся», «На Вкраини» (вирши) и др. По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, послѣ покойнаго остался богатый литературный матеріалъ въ рукописяхъ и дневникахъ его.

Къ XII археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

15 августа состоялось торжественное открытіе XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ.

Печать внимательно слѣдила за подготовительными работами къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ, съ одной стороны знакомя съ тѣмъ, что сдѣлано организаторами съѣзда, съ другой—высказывая desiderata относительно имѣющихъ быть постановленій его, направленныхъ къ охраненію и разработкѣ предметовъ старины и, наконецъ, намѣчая мѣсто будущаго XIII съѣзда археологовъ.

Судя по газетнымъ сообщеніямъ, настоящій археологическій съѣздъ обѣщаетъ быть весьма интереснымъ по богатству и разнообразію матеріала въ различныхъ областяхъ археологіи, исторіи и этнографіи, такъ что выборъ мѣста для настоящаго съѣзда, вопреки опасеніямъ, оказался весьма удачнымъ. Г. Фурманъ, помѣстившій на страницахъ «Спб. Вѣдом.» (№ 212) большую статью «Къ XII археологическому съѣзду въ Харьковѣ», говоритъ по этому поводу слѣдующее:

Предстоящій харьковскій XII съѣздъ затронетъ цѣлую спеціальную область,—лѣво-бережную Украйну и охватитъ своими изслѣдованіями губерніи: харьковскую, полтавскую, черниговскую, воронежскую, курскую, екатеринославскую, области Войска Донского и кубанскую. Харьковская губ. въ археологическомъ отношеніи изслѣдована чрезвычайно мало; вслѣдствіе этого у многихъ сложилось убѣжденіе, что археологи не соберутъ здѣсь сколько-нибудь замѣчательной жатвы. Однако, дѣйствительность опровергла эти скептическія предположенія и оправдала надежды глубокаго знатока русской археологіи, проф. В. Б. Антоновича, настойчиво рекомендовавшаго устроить археологическій съѣздъ въ Харьковѣ, чтобы изслѣдовать по части вещественныхъ памятниковъ степную полосу, находящуюся между бассейнами Днѣпра и Дона. Къ съѣзду подготовленъ рядъ спеціальныхъ работъ, совершались экскурсіи, раскопки и пр.».

Давъ общій обзоръ результатовъ раскопокъ, произведенныхъ въ различныхъ уѣздахъ харьковской губерніи г.г. Багалѣемъ, Рѣдинымъ, Грифильевымъ, Покровскимъ, Городцовымъ, Мельникъ и др., авторъ статьи особенно отмѣчаетъ наиболѣе богатые результаты раскопокъ

Верхне-Салтовскаго могильника въ волчанскомъ у., открытаго учителемъ мѣстнаго народнаго училища Бабенкомъ. Верхне-Салтовскому могильнику, по мнѣнію г. Фурмана, придется сыграть видную роль въ русской археологіи.

—

Къ съѣзду въ аудиторіяхъ и актовомъ залѣ университета устроена выставка, состоящая изъ восьми отдѣловъ: древностей, добытыхъ изъ раскопокъ, церковныхъ древностей, историческихъ древностей, нумизматики, отдѣлъ этнографическій, старопечатныхъ книгъ, рукописей и картографическій. Особенно богаты два отдѣла: историческій и этнографическій. Историческій помѣщается въ семи аудиторіяхъ. Въ этомъ отдѣлѣ особое вниманіе обращаютъ на себя слѣдующіе предметы: рѣдкій портретъ Надаржинскаго (присланъ изъ Ахтырскаго монастыря), основателя троицк. церк., духовника Петра I; богатая коллекція оружія, составленна изъ предметовъ, присланныхъ: Олейнинымъ, Ткаченко (изъ Чугуева), Дзиковичемъ изъ Севастополя, св. Синельниковымъ изъ Кременчуга; въ этой коллекціи находится гетманская булава съ портретомъ Алексѣя Михайловича и гербами малороссійскихъ губерній (служила печатью). Здѣсь же выставлены: рѣдкая коллекція оружія, вывезенная изъ Осетіи М. М. Ковалевскимъ, снимокъ съ кары харьковскаго намѣстничества 1786 г., подъ нимъ помѣщены виды Харькова въ концѣ XVIII и началѣ XIX в., фот. Досѣкина, портретъ миѳическаго основателя г. Харькова—Харитона или Хорька и большая гравюра (найдена въ разорваномъ видѣ въ Полтавѣ и склеена проф. Е. К. Рѣдинымъ), изображающая Полтавскую битву, съ подробной реляціей внизу. Надпись на картинѣ имѣется слѣдующая: «Богомъ данному, Богомъ вѣнчанному, Богомъ хранимому, пресвѣтлѣйшему и великодержавнѣйшему Государю, Царю и Великому Князю Петру Алексѣевичу всея Велик. и Мал. и Бѣлой Россіи Самодержцу и проч., и проч. Православія поборнику, царства защитнику и расширителю, Малой Россіи Свободителю, гордыхъ супостатъ нашихъ Преславному Побѣдителю, побѣжденіемъ Льва Свѣйскаго, изобразившему въ себѣ Самсона, Давида, Даніила, отцу отечества нашего, Царю и Воину непобѣдимому, въ незабвенную память преславной его надъ свѣйскими войсками побѣды, принесе его Царскому Священнѣйшему Величеству нижайшій слуга и недостойный богомолецъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, училищъ кіевскихъ префектъ».

На первомъ планѣ картины—конная фигура Петра, а надъ нимъ ангелъ, вѣнчающій его вѣнкомъ и трубящій въ рогъ съ надписью: «Услышите сыя вси языцы, внушите вси живущыи поселенной». Картина эта была совсѣмъ неизвѣстна и не упоминается въ словарѣ у Ровинскаго. Тутъ же выставлены: рядъ портретовъ гетмановъ Малороссіи—Ивана Мазепы, Самойловича, Разумовскаго, Апостола, Полуботка, Скоропадскаго, Выговскаго, Брюховецкаго, Хмѣльницкихъ. Портретъ перваго ректора харьковскаго университета—Ивана Степановича Рижскаго (ректоромъ былъ съ 1805 г. по 1811 г., годъ смерти), портреты профессоровъ, писателей (Сковороды имѣется 6 портретовъ). Изъ памятниковъ искусства здѣсь помѣщенъ рядъ картинъ изъ церкви села Савенецъ, изюмскаго уѣзда, бывшаго помѣстья Самборскаго, духовника Павла I (былъ священникомъ посольства въ Англіи, женатъ на англичанкѣ,—на выставкѣ имѣется ея портретъ,—одно время надзиралъ за школой земледѣлія на дачѣ Бѣлозеркѣ, близъ Царскаго Села, занимался сельскимъ хозяйствомъ; имѣется на выставкѣ картина, изображающая, какъ онъ, снявъ ордена и повѣсивъ ихъ на дерево, показываетъ крестьянамъ употребленіе новаго плуга); коллекція англійскихъ гравюръ конца 18-го вѣка изъ усадьбы Стратиловки, имѣнія Хаджопула, наслѣд. Самборскаго, потомъ Палицына, литератора и ученаго начала 19-го вѣка, почетнаго члена харьковскаго университета въ первыя 10-лѣтія, снимокъ съ его имѣнія «Поповка» этой академіи наукъ—«Видъ моей пустыни». Этотъ Палицынъ покровительствовалъ талантливому архитектору Николаю Алферову, нѣсколько картинъ котораго находится на выставкѣ, въ томъ числѣ видъ пустыни и проектъ памятника Палицыну; изображеніе запорожца, играющаго на бандурѣ (все это относится къ отдѣлу мѣстной старины), и портретъ Шевченка, его собственной работы съ надписью: «та нема гирше такъ никому, якъ бурлаци молодому». Изъ выставокъ древностей—золотой поясъ Самойловича изъ села Казацкаго курской губ., изъ церкви, гдѣ много жертвовано гетманомъ; трубки малороссійскія, цѣнная коллекція вещей запорожской старины—мѣдныя чернильницы, трубки, бокальчики, бумажники, шитые шелками, большой бокалъ половины конца 18-го в.; изъ древнихъ вещей—водолей въ видѣ всадника въ рыцарскомъ костюмѣ, западной работы 12-го вѣка, найденный въ Кочеткѣ, зміев. уѣзда, возлѣ Донца; рядъ грамотъ, изъ нихъ особенно выдѣляются: грамота на дворянство (написанная на пергаментѣ), выданная послѣднему кошевому І. С. Гладкому Нико-

лаемъ I-мъ, и выданная Анной Іоанновной харьковскому коллегіуму на учрежденіе (1731 г.).

Въ остальныхъ аудиторіяхъ выставлены: оригиналы портретовъ харьковскихъ и бѣлгородскихъ архіереевъ изъ коллекціи харьковской духовной семинаріи, портреты первыхъ дѣятелей харьковскаго коллегіума—прот. Шванскаго, Іова, епископа переяславскаго, Симона годорскаго и много другихъ портретовъ разныхъ ученыхъ харьк. коллегіума.

Въ отдѣлѣ церковныхъ памятниковъ масса иконъ и предметовъ церковнаго употребленія: чаши, вѣнцы, рипиды, блюда, кадила и т. п. Иконы—исключительно XVIII в.—характернаго для южно-русск. церк. живописи—доставлены изъ селъ и городовъ харьков. губ. (немного изъ кур. и екатерин. губ.). Есть церковная старина запорожская, присланная изъ собора гор. Никополя, куда попала по закрытіи послѣдней запорожской церкви: напр., аналогій, украшенный перламутромъ, черепахой и костью; евангеліе, отдѣланное позолоченнымъ серебромъ; ризы, плащаница, съ слѣдующей надписью вышитою золотыми буквами: «Сія плащаница раба Божія Ивана Горкуши куреня Тимошевскаго». Среди мелкихъ вещей есть нѣсколько весьма любопытныхъ и интересныхъ, напр., символическая картина: изображеніе распятія расцвѣтшаго, Христосъ-недреманное око, икона на побѣды Петра I (взятіе Азова и Кизикирмена). Много есть кипарисовыхъ крестовъ; замѣчательна коллекція оловяныхъ чашъ и разнообразныхъ вѣнцовъ, начиная съ простого образа и кончая позолоченнымъ вѣнцомъ. Имѣются иконы на полотнѣ, царскія двери; очень интересны статуи Христа въ терновомъ вѣнцѣ (изъ собора г. Старобѣльска), распятаго, и пр. Здѣсь же — масса одеждъ церковныхъ, плащаницъ, воздуховъ, кипарисовыхъ, отдѣланныхъ въ серебро, запорожскихъ крестовъ. Выставлена масса (до 400 снимковъ) фотографій церковныхъ древностей харьк. епархіи, снятыхъ проф. Е. К. Рѣдинымъ во время его экскурсій 1900—1901 гг.

Къ выставкѣ обѣщано прислать чрезвычайно богатую коллекцію славянскихъ древностей великокняжеской эпохи, принадлежащую В. Н. и Б. И. Ханенко. Она состоитъ изъ предметовъ, найденныхъ въ Кіевѣ и его окрестностяхъ. Особенно выдается одинъ кладъ, найденный въ прошломъ году подлѣ Кіева, за который В. Н. и Б. И. Ханенко заплатили 25,000 рублей. Онъ состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ: золотая эмалированная діадема, украшенная драгоцѣнными

камнями и жемчугомъ, нѣсколько золотыхъ эмалированныхъ образковъ, золотое, украшенное эмалью ожерелье, 3 золотыя гривны, изъ которыхъ одна по своему типу представляетъ unicum, два золотыхъ эмалированныхъ колта (наушныя подвѣски), по своимъ размѣрамъ, являющіеся единственными изъ извѣстныхъ до сихъ поръ, много другихъ драгоцѣнныхъ вещей. Діадема въ средней своей части имѣетъ изображеніе Александра Македонскаго (поясное), возносимаго грифонами къ небу. Кладъ этотъ найденъ въ 2 глиняныхъ сосудахъ. Всѣ эти украшенія по единогласному опредѣленію археологовъ, безусловно принадлежали одному изъ кіевскихъ великихъ князей. Кромѣ того, изъ коллекціи, принадлежащей В. Н. и Б. И. Ханенко, будетъ выставлено много предметовъ великокняжеской же эпохи. Среди нихъ особенно интересно большое бронзовое позолоченное блюдо съ рѣзнымъ изображеніемъ Іисуса Христа.

Г. Гугель выставлено 19 ящиковъ прекрасно подобранныхъ ольвійскихъ ожерелій.

Этнографическій отдѣлъ раздѣляется на 20 частей:

1) Посвящена жилищу и вообще постройкамъ; между прочимъ, выстроена малороссійская хата съ полной обстановкой, какъ-то: печью съ лежанкой, пилъ (помость-кровать), люлькой, скрыней, по стѣнамъ рушники и шпалеры, посуда, мисникъ, пряха, дымарь, комора. Во дворѣ ея модели хатъ, рыболовныя принадлежности, выдолбленные челны, пасѣка; имѣется масса фотографій жилищъ харьк., полтавск., екатеринос. и черниг. губ.

2) Домашняя утварь, посуда, предметы освѣщенія и другія хозяйственныя принадлежности.

3) Манекены: a) малоруссовъ, b) великоруссовъ, c) одежда—головные уборы малорусскіе и великорусскіе; верхняя одежда: плахты, запаски, килимы, пояса и т. п., обувь.

4) Земледѣліе—орудія обработки полей.

5) Пчеловодство и домашнее изготовленіе восковыхъ свѣчей.

6) Рыболовныя снасти.

7) Издѣлія изъ дерева—бондарство.

8) Гончарныя издѣлія.

9) Выбойныя издѣлія.

10) Ткачество, коцарство (вымершій въ харьк. губ. промыселъ) и шерстобойство.

11) Ковальство—чеботарство.

12) Золотарство.

13) Народное искусство—орнаментъ, писанки (богатая коллекція проф. Сумцова) и вышивки.

14) Ритуалъ—свадьба и музыка.

15) Народная медицина (масса лѣкарственныхъ травъ).

16) Дѣтскія игрушки.

17) Чабанскія принадлежности, предметы куренія и нюханія табаку.

18. 19 и 20) Фотографіи, картины и литература.

—

«Харьк. Губ. Вѣд.» (№ 202), описывая ходъ подготовительныхъ работъ по устройству съѣзда, перечисляютъ рядъ драгоцѣнныхъ и интересныхъ коллекцій, поступившихъ на выставку отъ различныхъ лицъ и учрежденій, при чемъ упоминаютъ о томъ, что на выставкѣ составятъ особый отдѣлъ новѣйшія картины на историческія темы. Между прочимъ здѣсь выставлено нѣсколько картинъ академика Васильковскаго, представляющихъ памятники Запорожья и громадная картина художника Чирко «Карлъ XII и Мазепа въ Чигиринѣ». О картографическомъ отдѣлѣ «Харк. В.» говорятъ, что онъ также обѣщаетъ быть очень интереснымъ. Въ основу его будетъ положена богатѣйшая коллекція старинныхъ атласовъ, картъ, плановъ, относящихся къ району съѣзда и присылаемыхъ съ особо командируемымъ лицомъ главнымъ военнымъ штабомъ въ Петербургѣ; одни изъ нихъ относящіеся къ бывшей Слободской Украинѣ, другіе—Малороссіи, третьи—Запорожью и Новороссіи и т. д. Нѣсколько замѣчательныхъ чертежей XVII в. доставлено моск. архивомъ мин. юст. (въ томъ числѣ планъ Святогорскаго мон. XVII в.). Есть любопытныя карты, принадлежащія университетской библіотекѣ и историко-филологическому Обществу. Для жителей нашего края будутъ интересны старинныя карты харьковщины, планы Харькова и другихъ городовъ губерніи. Лица, занимающіяся исторіей сосѣднихъ областей, также найдутъ здѣсь для себя новые и важные источники.

Изъ того же военно-ученаго архива поступило много рукописей, относящихся къ исторіи Малороссіи и Слободской Украйны.

—

Харьковскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, вмѣстѣ съ изданіями по этнографіи, обычному праву и по другимъ предметамъ, переданъ предварительномукомитету по устройству XII археоло-

гическаго съѣзда и этнографической выставки составленный секретаремъ комитета В. В. Ивановымъ гербаріумъ по народной медицинѣ въ губерніи. Въ немъ собраны травы, которыми лѣчатъ наши знахари и знахарки или бабки. Спеціальная часть этого гербаріума, касающаяся лѣченія бѣшенства, была передана въ свое время профессору П. А. Гордѣеву и будетъ имъ возвращена для приложенія къ общему гербаріуму. Кромѣ коллекціи харьковскаго статистическаго комитета, на выставкѣ бдуетъ фигурировать еще коллекція г-жи Радаковой, касающаяся екатеринославской губерніи. («Придн. Кр.», 1528).

—

Членъ-сотрудникъ с.-петербургскаго археологическаго института В. Апухтинъ произвелъ раскопки обширнаго могильника, тянущагося на сѣверо-востокъ онъ станицы Горячеводской по берегу рѣки Подкумка. Разрыто г. Апухтинымъ до 40 кургановъ. О результатѣ раскопокъ будетъ подробно доложено имъ на съѣздѣ, а пока г. Апухтинъ сообщилъ «Южн. Краю» (№ 7458) слѣдующія свѣдѣнія. Курганы до 2-хъ аршинъ высоты имѣли погребеніе на материкѣ, костяки засыпаны были пескомъ, смѣшаннымъ съ гравіемъ, и огорожены со всѣхъ 4 сторонъ тоненькими брусьями и покрывались сверху тоненькою же доской. Въ лѣвой рукѣ каждаго мужского костяка лежали ножи (то длинные, то короткіе, широкіе или узкіе).

Въ ногахъ нѣкоторыхъ огниво для высѣканія, пряжки. У правой руки жемчужныя стрѣлки, костяныя привѣски. Съ правой стороны костяка кургана № 29 отрыта кривая шашка длиною $1^3/_4$ арш. и бронзовый мечъ. Женскіе костяки имѣли близъ череповъ бронзовыя серьги, кольца, привѣски костяныя. Въ ногахъ ножницы для стрижки овецъ и желѣзныя шильца и веретена. Въ курганѣ № 10 подняты остатки ткани 2-хъ сортовъ, перевитыя зеленоватымъ шнуромъ. Курганы до 5-ти арш. высоты имѣли погребеніе въ грунтовыхъ ямахъ на 3 арш. ниже уровня материка. Могила обкладывалась большими камнями на 1 арш., костякъ засыпался рѣчнымъ пескомъ съ валунами, а затѣмъ на 2 арш. до уровня материка забрасывался большими камнями. Въ головахъ стоялъ сосудъ изъ глины съ чуднымъ орнаментомъ, 3 маленькихъ сосудика, свѣтильникъ, колонки изъ алебастра. Съ лѣвой стороны костяка лежали двѣ шпильки, одна бронзовая, другая каменная, въ костяномъ футлярѣ и бронзовый маленькій сосудикъ.

Другой могильникъ расположенъ близъ аула *Канлы*, александровскаго уѣзда, ставропольской губ.; погребеніе здѣсь оказалось иное Курганы до 2 аршинъ высоты имѣли погребеніе въ ямѣ на 1 арш. глубины. Подстилкой служила береста. Костякъ кургана № 2 былъ весь покрытъ истлѣвшей шелковой тканью. Удалось собрать нѣсколько кусковъ. Во всѣхъ курганахъ при мужскихъ костякахъ оказались стремена съ широкой подножкой и весь конскій наборъ и пряжки. Въ лѣвой рукѣ сосудикъ изъ бронзы, покрытый желѣзной крышкой и скипѣвшимъ желѣзомъ. У праваго локтя поднята костяная привѣска.

—

Обращаясь къ статьямъ, посвященнымъ XII археологическому съѣзду, въ которыхъ намѣчаются, desiderata, мы должны прежде всего отмѣтить статью г. Мельгунова, помѣщенную на страницахъ «Рус. Вѣдомостей» (№ 222) относительно выработки мѣръ для сохраненія памятниковъ старины. Авторъ статьи съ чувствомъ вполнѣ понятной горечи говоритъ, что «хотя вопросъ о способахъ и средствахъ къ охраненію предметовъ отдаленной старины возбуждался еще въ XVII столѣтіи, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ (охрана церковныхъ древностей), и подтверждался не разъ уже указами XVIII и XIX столѣтій, однако и теперь еще, въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, лучшіе и самые древніе памятники русскаго прошлаго гибнутъ въ немаломъ количествѣ отъ ветхости и небрежнаго къ нимъ отношенія даже въ наиболѣе культурныхъ центрахъ, не говоря уже о захолустныхъ уголкахъ нашего обширнаго отечества. Если бы собрать въ одно цѣлое всѣ разрозненные факты, сообщаемые чуть ли не ежедневно по этому поводу періодическою прессой, то получилась бы яркая и печальная картина разрушенія. Если слова, сказанныя тридцать лѣтъ тому назадъ Погодинымъ, что «наша отечественная археологія только тогда начнетъ разрабатывать свои памятники, когда бо́льшая часть ихъ будетъ истреблена», къ счастью, не оправдались въ дѣйствительности, то извѣстная доля горькой истины, выраженной словами историка, и понынѣ сохранила свою силу». И въ подтвержденіе сказаннаго приводитъ цѣлый рядъ фактовъ послѣдняго времени, оглашенныхъ въ печати поразительно-варварскаго отношенія къ предметамъ старины, несмотря на несомнѣнно плодотворную дѣятельность археологическихъ обществъ, архивныхъ комиссій, епархіальныхъ древне-хранилищъ и коммиссій, областныхъ и всероссійскихъ археологическихъ съѣздовъ, несмотря, наконецъ, на существованіе спеціальнаго закона по данному предмету (11 марта 1889 г.).

Особенно часто подвергаются искаженію и даже совершенной гибели памятники церковной старины. Г. Рклицкій въ статьѣ «Погибающая старина» («Донская Рѣчь») указываетъ на то, что провинціальное духовенство, «боясь всякихъ отношеній, заявленій и другихъ бумагъ», обставляетъ дѣло такъ, «чтобы подъ видомъ незначительной передѣлки, ремонта получить простое разрѣшеніе изъ мѣстной консисторіи и постараться не безпокоить епархіальнаго архитектора». И подъ видомъ ремонта церковь перестраивается заново. Характерный случай приводитъ авторъ этой статьи изъ практики духовенства на его родинѣ. «Въ одной изъ древнихъ церквей обнаружены были фрески при перестройкѣ и... ихъ поскорѣе уничтожили во избѣжаніе лишней возни». Тамъ же, въ старыхъ церквахъ, «сохранились кое-гдѣ отдаленые слѣды католическаго вліянія въ видѣ художественныхъ изображеній страждущаго Христа, Богоматери съ мечомъ у сердца». Изъ побужденій «высшаго порядка»,—говоритъ авторъ,—все это уничтожается. Подвергается безпощадному уничтоженію старинная церковная утварь, какъ только она съ разрѣшенія высшаго начальства за ветхостью исключается изъ описи. Такимъ образомъ въ самое послѣднее время безвозвратно погибли памятники церковной старины въ Рязани, Костромѣ, Зарайскѣ и др. городахъ.

Къ перечисленнымъ авторомъ статьи фактамъ варварскаго уничтоженія памятниковъ древности мы можемъ прибавить еще одинъ, оглашенный въ печати на дняхъ («Харьк. Вѣд.» № 213) фактъ уничтоженія въ м. Никополѣ старинной запорожской церкви, описанной пр. Эварницкимъ и постройки на мѣстѣ ея новой. шаблонной.—«Да что-же?—разспрашивалъ авторъ замѣтки—валилась прежняя, что-ли?—Нѣтъ, просто купцы пожелали... народъ простой плакалъ, когда разбирали запорожскую святыню. Если любопытствуете, то иконостасъ и иконы сложены у старосты». Автору замѣтки показали домъ старосты.

«Много весьма интереснаго и своеобразнаго пришлось—говоритъ авторъ—видѣть въ устройствѣ царскихъ вратъ, діаконскихъ дверей и пр.; очень оригинальны были иконы и въ особености одна—«Въ началѣ бѣ Слово», превосходная по замыслу и наивности его толкованія, которая нашла-бы мѣсто въ любомъ музеѣ.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ выяснилось, что изъ остатковъ матеріала хотѣли соорудить вновь церковь на Чортомлыкѣ, который поэтому случаю предполагалось переименовать въ «Богомлыкъ» (sic).

Сооружена ли тамъ, въ этомъ пресловутомъ «Богомлыкѣ» церковь, что сохранено и уцѣлѣло отъ древней запорожской церкви,—неизвѣстно. Разрушеніе и уничтоженіе такого историческаго памятника, какъ древняя запорожская церковь, въ то время, когда археологическіе съѣзды и ученые археологи такъ заботятся и хлопочутъ о сохраненіи каждой ничтожной мелочи памятника прошлаго—явленіе достойное серьезнаго вниманія тѣхъ же археологическихъ съѣздовъ. Нѣтъ ли способовъ умѣрить такой безсознательный вандализмъ? Сколько вѣдь храмовъ и цѣнныхъ памятниковъ родной старины гибнетъ отъ него?»

Далѣе авторъ той же замѣтки въ «Харьк. Вѣд.» обращается за содѣйствіемъ къ обществу для разысканія дневника Крекшина.

«Въ словарѣ Брокгауза помѣщена коротенькая біографія Крекшина и прибавлено, что его знаменитый дневникъ утраченъ—говоритъ авторъ. Совершенно случайно одинъ изъ томовъ дневника Крекшина, касающійся похода Петра Великаго противъ шведовъ и славной Полтавской «баталіи», былъ мною пріобрѣтенъ въ д. Корульки изюмскаго уѣзда, въ мѣстной лавочкѣ. Изъ разспросовъ оказалось, что въ библіотекѣ мѣстнаго изюмскаго старожила Ив. Ал. Свѣта, бывшаго старосты или полковника военныхъ поселеній, было очень много подобныхъ по внѣшнему виду, книгъ. Возможно, что это были послѣдующіе томы исчезнувшаго дневника. За смертью полк. Свѣта, его имущество перешло къ какимъ то дальнимъ родственникамъ и какая судьба постигла эти книги—мнѣ неизвѣстно. Очень можетъ быть, что ненужный старый хламъ пошелъ на обертку сельдей и «цыгаркы»; это вѣроятнѣе всего. Но, можетъ быть, эти строки прочтетъ кто-нибудь изъ тѣхъ, кому попали эти книги и онѣ перейдутъ снова къ ожидающему ихъ тому «великославныхъ дѣлъ Петра Великаго», который мною переданъ уважаемому проф. Д. И. Багалѣю, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи археологическаго съѣзда въ Харьковѣ, книга эта была передана въ фундаментальную библіотеку харьковскаго университета».

Наконецъ, г. Мельгуновъ обращаетъ вниманіе общества на весьма обычный фактъ жалкаго состоянія памятниковъ на могилахъ представителей науки и литературы и для иллюстраціи указываетъ на совершенно затерянную могилу украинскаго поэта и этнографа И. Манжуры, на испещреніе памятниковъ на Волковомъ кладбищѣ циничными надписями.

Въ заключеніе своей статьи г. Мельгуновъ говоритъ: «въ высшей степени желательно, чтобы настоящій XII-й археологическій

съѣздъ въ Харьковѣ какъ можно серьезнѣе отнесся къ одной изъ своихъ существенныхъ задачъ. Въ отношеніи выработки мѣръ къ охранѣ памятниковъ старины харьковскій съѣздъ займетъ исключительное положеніе. На предъидущемъ кіевскомъ XI археологическомъ съѣздѣ вопросъ объ охранѣ древностей былъ особенно выдвинутъ; на съѣздѣ, между прочимъ, былъ предложенъ проектъ цѣлой системы такой охраны, которая возлагалась на археологическія общества подъ общимъ руководствомъ московскаго археологическаго Общества. На харьковскомъ съѣздѣ и долженъ быть рѣшенъ этотъ вопросъ. Если настоящій съѣздъ и не успѣетъ выработать окончательную форму охраны памятниковъ старины, которая гарантировала бы вполнѣ ихъ неприкосновенность, то будемъ надѣяться, по крайней мѣрѣ, что онъ внесетъ свою посильную лепту въ это дѣло и въ лѣтописи русской археологіи навсегда будетъ вычеркнута нелестная характеристика отношенія русскаго общества къ остаткамъ своего родного прошлаго, сдѣланная на предыдущемъ археологическомъ съѣздѣ, на которомъ вопросъ объ охранѣ памятниковъ старины былъ названъ «давно наболѣвшимъ и самымъ постыднымъ въ исторіи нашего просвѣщенія, науки и искусства».

—

Авторъ статьи, напечатанной въ № 151 «Курск. Вѣдом.», говоря о съѣздѣ, приглашаетъ провинціальную печать высказаться по вопросу, поднимавшемуся на кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ, затрагивающему научные интересы провинціи, именно по вопросу о сосредоточеніи въ нѣкоторыхъ центрахъ провинціальныхъ архивовъ. Не соглашаясь съ этимъ проектомъ, авторъ статьи горячо отстаиваетъ права провинціи на архивныя достоянія. «Архивы каждой мѣстности, говоритъ онъ, какъ собраніе такихъ или иныхъ показаній и свидѣтельствъ о мѣстномъ прошломъ, безусловно должны находиться именно въ этой мѣстности въ полномъ своемъ составѣ и навсегда. Если что-либо изъ нихъ необходимо для того или другого центра, то при желаніи всегда возможно снять съ мѣстныхъ документовъ копіи. Если въ прежнее, довольно отдаленное отъ насъ время поступали иначе и въ центры свозили архивные документы изъ провинціи, то это нисколько не убѣдительно для нашего времени: тогда, во-первыхъ, былъ совсѣмъ другой взглядъ на вещи, вызываемый состояніемъ исторической науки того времени и, что главнѣе всего, отсутствіемъ мѣстно-историческаго изученія въ нашей провинціи и мѣстно-историческихъ

учрежденій и изслѣдователей. Не обинуясь скажемъ, что бывшее давнымъ-давно сосредоточеніе провинціальныхъ архивовъ старины въ центрахъ заслуживаетъ, не смотря на свою ненаучность, полной благодарности. Этимъ мѣропріятіемъ было сохранено то, что при иныхъ условіяхъ, могло быть утрачено. Но развѣ это резонъ для нашего времени, о провинціальной научной любознательности котораго прежде всего свидѣтельствуетъ успѣхъ археологическихъ съѣздовъ (имѣемъ въ виду численность съѣзжающихся провинціальныхъ дѣятелей, несущихъ свои труды на съѣзды). Свидѣтельствуетъ объ этомъ и многое другое. И вдругъ въ такое время раздаются громкіе голоса, требующіе того, чтобы провинція и ея дѣятели были лишены матеріала для своихъ работъ. Намъ могутъ сказать: пожалуйте въ центры и тамъ работайте. Но въ 90 случаяхъ изъ сотни это оказывается невозможнымъ. Насколько мы знаемъ, мѣстно-историческіе дѣятели заняты службою и другими дѣлами, которыми они, по просту говоря, снискиваютъ себѣ и семействамъ своимъ пропитаніе, а досуги посвящаютъ научной работѣ, которая по крупинкамъ и мелочамъ, мало-по-малу созидаетъ большее и важнѣйшее. Что же будетъ, если основной матеріалъ для работы перенесутъ въ болѣе или менѣе отдаленные центры? Провинціальные труженики лишатся возможности работы, а въ центрахъ матеріалъ, чего добраго, десятки лѣтъ будетъ лежать безъ движенія. Нормально ли это? Мы, напр., знаемъ одного провинціальнаго любителя мѣстной исторіи, который напечаталъ около 200 статей и замѣтокъ по своей спеціальности; довольно многія изъ нихъ вызвали сочувственные отзывы критики; но если бы для него условіемъ работы было поставлено работать въ центрахъ, онъ не могъ бы дать и одной строчки, за неимѣніемъ средствъ и возможности оторваться отъ службы, ѣхать и жить въ центрѣ. Мы увѣрены, что читатели могутъ указать множество подобныхъ примѣровъ. Трудно себѣ представить, что будетъ и что станетъ, когда, напр,, изъ какого-либо города вывезутъ всѣ болѣе или менѣе старинныя бумаги въ предназначенный для того центръ. Надъ чѣмъ тогда работать? Гдѣ брать матеріалъ? А ѣхать въ центръ—нѣтъ ни средствъ, ни времени. Какъ легко у насъ забывается та истина, что мелкіе, незамѣтные труженики (да простятъ они намъ это выраженіе!), зачастую не имѣющіе никакой возможности попадать на съѣзды,—они то и горячо работаютъ на пользу мѣстной исторіи и приносятъ свою долю пользы, «не требуя наградъ за подвигъ благородный»... Удалите отъ нихъ собранія стариннаго матеріала—и они

очутятся въ положеніи рыбы, вынутой изъ воды и брошенной на песокъ. По нашему мнѣнію, предъ однимъ этимъ фактомъ блѣднѣютъ всѣ доводы нѣкоторыхъ ученыхъ, которые желаютъ сосредоточенія архивнаго матеріала въ центрахъ, какъ бы эти доводы ни были убѣдительны съ разныхъ точекъ зрѣнія. Три года тому назадъ у насъ въ Курскѣ бѣднячокъ-любитель мѣсяцевъ пять просидѣлъ въ одномъ изъ курскихъ архивовъ, собирая матеріалъ для характеристики одного замѣтнаго мѣстнаго дѣятеля. Собралъ онъ матеріалъ, составилъ статью, которая и была помѣщена въ одномъ изъ столичныхъ изданій, и на время пріостановился въ своей дѣятельности. Могла ли бы однако появиться статья этого почтеннаго любителя, если-бы ему сказали—для составленія ея пожалуйте въ Харьковъ. А у него ежедневная служба, и въ архивъ и изъ архива онъ ходилъ, боясь истратить пятачокъ на трамвай, по три версты пѣшкомъ, не взирая ни на жару, ни на морозъ! Въ каждой мѣстности есть своя (какая бы то ни была) флора и каждый любитель-ботаникъ можетъ изучить ее—какъ угодно. Ну, а представимъ себѣ, что всю мѣстную флору перенесли въ центры:—каково бы стало положеніе любителей ботаниковъ? Къ тому ведутъ любителѣй мѣстнаго прошлаго».

По вопросу о мѣстѣ будущаго XIII археологическаго съѣзда первымъ высказался «Приднѣпр. Край» (№ 1557), настаивая на томъ, чтобы будущій съѣздъ состоялся въ Екатеринославѣ. «Второй разъ, говоритъ газета, засѣдаетъ археологическій съѣздъ въ предѣлахъ Украйны, столь богатой историческими воспоминаніями. Онъ засѣдалъ въ стольномъ Кіевѣ, а сегодня открываетъ свои засѣданія въ другой украинской столицѣ—въ Харьковѣ. Циклъ не будетъ завершенъ и работы археологовъ въ Украйнѣ нельзя будетъ считать законченными, если слѣдующій съѣздъ минуетъ Екатеринославъ и историческое Запорожье.

Запорожьемъ держалась Украйна еще съ той поры, какъ тутъ пролегалъ древній путь «изъ Варяговъ въ Греки», описанный въ трудахъ императора Константина Багрянороднаго. Тогда наши пороги носили двойныя имена—славянскія и «рускія». До сихъ поръ неизвѣстно, какому племени принадлежалъ этотъ языкъ, который императоръ Константинъ называетъ «рускимъ». Названія, записанныя греческими литерами, не дали достаточной почвы для обоснованнаго научнаго изслѣдованія, и этотъ вопросъ остался неразрѣшеннымъ и доселѣ.

Если не для его разрѣшенія, то для изслѣдованія древняго торговаго пути, окаймленнаго цѣлыми рядами кургановъ и могильниковъ, для изслѣдованія болѣе близкой къ намъ козачьей старины,—чѣмъ и завершатся археологическія занятія въ Украйнѣ,—слѣдующій съѣздъ необходимо было бы созвать именно въ Екатеринославѣ. Мѣстные изслѣдователи Запорожья и его древностей оказали бы ему все свое содѣйствіе, городъ, съ своей стороны, сдѣлалъ бы все возможное для облегченія задачи съѣзда, такъ же какъ и земство, и губернскія власти. Екатеринославское научное общество съ многочисленными членами приняло бы на себя предварительную подготовку работъ, совмѣстно съ членами организаціоннаго комитета, и обширное и хорошо приспособленное помѣщеніе екатеринославскаго горнаго института, конечно, предоставлено было бы въ распоряженіе съѣзда для его занятій. Интересъ же нашего Запорожья настолько великъ и, въ археологическомъ отношеніи, оно такъ мало изслѣдовано, что уже это одно вызываетъ необходимость созыва съѣзда именно въ Екатеринославѣ.

Привѣтствуя археологическій съѣздъ въ день открытія его занятій, мы позволяемъ себѣ выразить надежду, что слѣдующій съѣздъ мы будемъ привѣтствовать здѣсь, въ нашемъ городѣ, у начала великаго пути, по которому русскіе князья нѣкогда ходили воевать Византію».

—

Совершенно непонятнымъ является сообщеніе прессы, что иностранные депутаты отсутствуютъ на археологическомъ съѣздѣ, благодаря тому, что имъ не было послано приглашенія, и единственное лицо, прибывшее изъ-за границы, будетъ на съѣздѣ въ качествѣ его члена. («Южн. Кр.», 7465).

Текущія извѣстія.

Народное творчество въ Малороссіи и попытки сохраненія памятниковъ этого творчества. Г. Оленичемъ-Гнененко помѣщенъ въ «Южномъ Краѣ» (№№ 7457—7460) рядъ очерковъ, въ которыхъ онъ бѣгло и въ общихъ чертахъ слѣдитъ за судьбою народной творческой мысли въ связи съ историческими и соціально-экономическими фактами и смѣнами явленій, происшедшими

въ исторіи украинскаго народа, начиная съ половины XVI в. до нашихъ дней. XVI—XVII в.в. были періодомъ найвысшаго расцвѣта народной творческой мысли вслѣдствіе необыкновеннаго подъема народнаго духа во всей Украинѣ. Съ концомъ перваго періода страшной борьбы народа за свободу начинается упадокъ народнаго творчества. Украина освобождается отъ ига польскаго и пріобрѣтаетъ сильнаго союзника въ лицѣ Московской Руси, но вмѣстѣ съ тѣмъ начинается разочарованіе народной массы въ своихъ любимыхъ героях, вслѣдствіе выясненія разлада между козачествомъ и народомъ, интересами козацкой старшины и народной массы, и народное творчество даже отказывается отъ нѣкоторыхъ изъ прежнихъ героевъ, считая ихъ недостойными памяти за измѣну общему дѣлу. Недовольный народъ не почтилъ пѣсней даже такихъ героевъ, какъ Богунъ и Сирко, не сумѣвъ отдѣлить ихъ дѣятельность отъ общихъ дѣяній массы. Помимо этого, на творческую мысль народа оказали вліяніе измѣнившіяся условія жизни въ лѣвобережной Украинѣ въ сторону развитія торговли и промысловъ, благодаря наступленью сравнительно мирной жизни, и въ народѣ послышались новыя пѣсни, воспѣвающія приключенія чумаковъ; потеря связи между кобзарской поэзіей и народной увеличилась еще болѣе. «Но вотъ послѣднимъ аккордомъ разорванной струны, говоритъ авторъ, прозвучало жалобное «руйнованія Сичи»—и кобзарское творчество смолкло. Необыкновенный подъемъ народнаго духа на правомъ берегу Днѣпра, выразившійся въ формѣ «Коліивщыны», далъ пищу кобзарскому творчеству. Наконецъ, общая во всѣхъ направленіяхъ жизнь украинскаго народа съ великорусскимъ, сдѣлавшая его интересы общими съ интересами всего русскаго народа, повела къ совершенному почти исчезновенію кобзарскаго творчества, такъ что одно время Остапа Вересая считали послѣднимъ представителемъ кобзарскаго искусства»; но кобзари еще существуютъ, и авторъ довольно подробно разсказываетъ о своей встрѣчѣ съ двумя кобзарями.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ пѣснямъ, сложившимся въ народѣ подъ вліяніемъ измѣнявшихся формъ соціально-экономическаго строя жизни, къ пѣснямъ о «панщинѣ», о «волѣ» и, наконецъ, останавливается на пѣсняхъ новѣйшаго времени, свидѣтельствующихъ объ упадкѣ народнаго творчества подъ вліяніемъ порчи нравовъ и фабрично-шахтерской цивилизаціи. Но авторъ вѣритъ, «что распространеніе образованія въ средѣ народной расширитъ умственный круго-

зоръ народа и его вдохновеніе забьетъ свѣжей струей, тѣмъ болѣе, что въ экономической жизни его появилась новая сторона, затрагивающая самыя живыя струны крестьянской души».

—

Въ то время, какъ г Оленичъ-Гнененко ограничивается одной вѣрой въ возможность подъема творческой мысли народа въ сферѣ его пѣсни, г. Ик. въ замѣткѣ «Къ вопросу о сохраненіи памятниковъ народнаго творчества», напечатанной въ «Земскомъ Сборникѣ Черниговской губ.» (№ 6, стр. 84—87), становится на болѣе практическую точку зрѣнія въ обсужденіи этого вопроса. Сказавъ кратко о глубоко-психологическомъ и высоко-воспитательномъ значеніи пѣсни для малообщительнаго и замкнутаго въ самомъ себѣ малоросса, и указавъ на общеизвѣстный фактъ упадка творчества и порчи народныхъ пѣсенъ и мотивовъ въ наше время подъ вліяніемъ фабрикъ, заводовъ и солдатчины, авторъ замѣтки говоритъ о необходимости способствовать всѣми силами сохраненію въ народѣ подлинной народной пѣсни; это—долгъ, нравственная обязанность каждаго мыслящаго человѣка. На вопросъ, какъ этого достигнуть, авторъ отвѣчаетъ ссылкой на примѣръ западныхъ славянъ. «Люди съ развитымъ чувствомъ общественности, говоритъ онъ, разрѣшили этотъ вопросъ легко. Славяне: словаки, лужичане, словенцы и особенно чехи—добавимъ мы отъ себя,—имѣютъ чуть-ли не въ каждомъ своемъ селѣ пѣвческіе кружки». Также точно по мнѣнію автора, возможно разрѣшить этотъ вопросъ и у насъ, тѣмъ болѣе, что нашъ народъ любитъ пѣніе и готовъ пойти за всякимъ въ этомъ отношеніи начинаніемъ. Организаторомъ дѣла могла бы явиться сельская интеллигенція въ лицѣ врачей, учителей, псаломщиковъ, землевладѣльцевъ, ихъ женъ, сыновей и дочерей. Такіе кружки, возстановляя и сохраняя подлинную народную пѣсню, совершенствовали бы эстетическое чутье въ немъ, содѣйствовали бы выработкѣ въ участникахъ началъ общественности и служили бы тѣмъ духовнымъ потребностямъ народа, которыя остаются у него почти безъ всякаго удовлетворенія. Авторъ замѣтки тутъ же предлагаетъ примѣрный проектъ устава сельскаго пѣвческаго кружка, состоящій изъ слѣдующихъ пунктовъ: 1) N.... сельскій пѣвческій кружокъ учреждается въ селѣ (такомъ то) и имѣетъ своею задачею пѣвческія хоровыя занятія. 2) Членами кружка могутъ быть лица обоего пола, безъ различія званія и состоянія. 3) Кружокъ открывается, съ разрѣшенія начальства, членами учредителями, въ числѣ не менѣе десяти, живущихъ въ томъ

же селѣ. 4) Лица, могущія пѣть и желающія вступить въ члены кружка, избираются по большинству голосовъ. 5) Кружокъ избираетъ изъ своей среды большинствомъ голосовъ и срокомъ на три года, предсѣдателя, казначея и особое правленіе. 6) Кружокъ приглашаетъ или избираетъ изъ своей среды регента. 7) Собирается кружокъ каждый праздничный и воскресный день въ зимнее время, а въ лѣтнее—по мѣрѣ надобности. 8) Средства кружка составляютъ пожертвованія и доходы, вырученные отъ устраиваемыхъ имъ концертовъ, спектаклей и т. д. и расходуются на собственныя его нужды. По постановленію общаго собранія кружка средства его могутъ быть расходованы и на дѣла благотворительности. При закрытіи кружка, всѣ его средства поступаютъ въ мірской капиталъ мѣстнаго сельскаго общества. 9) Помѣщеніе кружка нанимается въ одномъ изъ частныхъ домовъ или же устраивается для этого на средства кружка собственное зданіе.

Примѣръ извѣстнаго Охматовскаго хора, организованнаго д-ромъ Демуцкимъ и состоящаго изъ нѣсколькихъ сотъ душъ, указываетъ на полную осуществимость предлагаемаго г. Ик. проекта. Можемъ добавить, что и у насъ въ Кіевѣ, положено уже зерно къ образованію такого же народнаго хора, благодаря заботамъ директора народныхъ училищъ г. Лубенца. Какъ мы слышали, въ ближайшемъ будущемъ предполоэюено значительно расширить это дѣло, организовавъ правильно устроенный народный хоръ.

Передвижная выставка картинъ для крестьянъ Юго-Зап. края. Съ весны будущаго года по селамъ и деревнямъ Юго-Западнаго края начнетъ правильно функціонировать передвижная выставка картинъ, организуемая художникомъ В. Н. Розвадовскимъ.

Идея ознакомить крестьянское населеніе съ воспроизведеніемъ на полотнѣ историческихъ событій и современности зародилась у г. Розвадовскаго еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Съ цѣлью выяснить, возможенъ ли успѣхъ для такой народной передвижной выставки картинъ при современномъ культурномъ уровнѣ и развитіи крестьянскаго населенія, иниціаторомъ ея было произведено обслѣдованіе намѣченнаго для выставки маршрута. Встрѣтивъ сочувствіе среди нѣкоторыхъ лицъ изъ мѣстной интеллигенціи, заинтересовавшихся его планомъ и обѣщавшихъ, по мѣрѣ возможности, содѣйствовать симпатичному начинанію (подъ выставку будутъ безплатно предоставлены помѣщенія

сельскихъ и церковно-приходскихъ школъ, а также и дома помѣщиковъ, изъявившихъ, между прочимъ, и желаніе покупать картины). г. Розвадовскій получилъ разрѣшеніе и даже субсидію отъ Императорской академіи художествъ. Осенью выставка предварительно будетъ открыта за плату въ Петербургѣ, затѣмъ въ Кіевѣ и, быть можетъ, проѣздомъ остановится на нѣкоторое время въ Москвѣ Съ весны она двинется по намѣченному маршруту въ Юго-Западномъ краѣ и будетъ функціонировать въ районѣ Кіевъ—Бѣлая Церковь и Каменецъ-Подольскъ. Кромѣ обычныхъ остановокъ въ селахъ и деревняхъ, выставка посѣтитъ и сельскія ярмарки. Плата будетъ взиматься въ весьма незначительномъ размѣрѣ только на ярмаркахъ; въ селахъ же и деревняхъ осмотръ выставки будетъ безплатный. Объясненія картинамъ, исключительно историческимъ и бытовымъ, будутъ даваться въ предстоящей первой поѣздкѣ самимъ иниціаторомъ выставки, а впослѣдствіи—особымъ свѣдущимъ лицомъ, сопровождающимъ ее. Картины для этой выставки отчасти заготовлены петербургскими и одесскими художниками, а также и самимъ г. Розвадовскимъ. Онѣ будутъ по дорогѣ продаваться, но съ условіемъ удержанія на выставкѣ до окончанія ея. («Русск. Вѣд.»)

Первая международная выставка историческихъ и современныхъ костюмовъ и ихъ принадлежностей. Съ ноября мѣсяца текущаго года по апрѣль 1903 года предполагается устроить въ Петербургѣ въ Таврическомъ дворцѣ первую международную выставку псторическихъ и современныхъ костюмовъ и ихъ принадлежностей. Правила для экспонентовъ этой выставки утверждены уже давно и опубликованы въ особыхъ брошюрахъ. Основная цѣль выставки—ознакомленіе общества съ историческимъ ходомъ измѣненія одежды и ея принадлежностей, равно какъ и съ современнымъ положеніемъ техники въ соотвѣтствующихъ отрасляхъ промышленности. Одновременно съ этимъ выставка преслѣдуетъ и благотворительную цѣль: усиленіе средствъ состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ксеніи Александровны. «С.-Петербургскаго Общества Ясли».

Всеславянская выставка. Издано положеніе о всеславянской художественно-промышленной выставкѣ въ Петербургѣ, въ 1903 г. Вы-

ставка будетъ устроена славянскимъ благотворительнымъ обществомъ въ первыхъ мѣсяцахъ будущаго года въ Петербургѣ, въ залахъ Таврическаго дворца. Къ участію въ выставкѣ будутъ приглашены всѣ славянскія страны.

Эта выставка, по мысли иниціаторовъ ея, должна положить начало постоянному всеславянскому музею въ Россіи.

На-дняхъ въ «Русскомъ собраніи» сдѣлано о ней, по словамъ «Новостей», подробное сообщеніе, изъ котораго видно что выставка имѣетъ цѣлью содѣйствовать установленію непосредственныхъ сношеній и торговопромышленнаго обмѣна русскаго народа съ обитателями другихъ славянскихъ земель.

Выставка должна дать наглядное представленіе о современномъ бытѣ, племенныхъ особенностяхъ и хозяйственномъ положеніи всѣхъ славянскихъ народовъ; объ естественныхъ произведеніяхъ ихъ земель, объ ихъ промыслахъ и ремеслахъ, художествахъ и искусствахъ, а также должна служить посредникомъ и мѣстомъ ознакомленія съ соотвѣтствующими производителями и произведеніями Россіи.

Всѣ славянскія населенія какъ европейскихъ странъ, такъ и находящіяся въ другихъ частяхъ свѣта, приглашаются участвовать во Всеславянской выставкѣ присылкою на нее своихъ произведеній, а также сочиненій, описаній и числовыхъ свѣдѣній объ обитаемыхъ ими странахъ, хозяйственномъ ихъ положеніи, промыслахъ, художествахъ и производствахъ.

Издѣлія желательно получить, главнымъ образомъ, тѣ, которыя могутъ служить предметомъ торговли, какъ напримѣръ:

а) разнаго рода ткани;
б) вышивки, кружева и златошвейныя издѣлія;
в) мелкія издѣлія изъ дерева, также мебель;
г) издѣлія изъ металловъ, также оружіе и ювелирныя;
д) издѣлія изъ кожи;
е) керамическія издѣлія (фарфоръ, глина, стекло, хрусталь);
ж) музыкальные инструменты;
з) игрушки.
и) картины, художественныя произведенія;
к) и разныя мелкія вещи.

Естественныя произведенія желательно получить также, по преимуществу, такія, на сбытъ и торговлю которыми участники могутъ разсчитывать, напр.: полезныя ископаемыя, образцы подѣлочнаго лѣса;

что касается сырыхъ и полусырыхъ продуктовъ, то изъ нихъ могли бы быть присланы, напр., слѣдующіе: шерсть, волосъ, кожи, масла, табаки, вина и пр.

Желательно, кромѣ того, получить на выставкѣ этнографическія и историко-археологическія коллекціи различныхъ славянскихъ народностей. («Придн. Кр.», 1535).

Въ № 1537 той же газеты находимъ извѣстіе что генеральный комиссаръ этой выставки обратился къ начальнику Екатеринославской губерніи съ просьбой о содѣйствіи этому дѣлу. Г. начальникъ губерніи, по соглашенію съ предсѣдателемъ губернской управы, призналъ возможнымъ организовать при управѣ собраніе характерныхъ образцовъ національныхъ костюмовъ екатеринославской губерніи для проектируемой выставки, поручивъ открыть пріемъ въ управѣ такихъ костюмовъ и затѣмъ отсылку ихъ на выставку секретарю управы Ф. С. Голубовскому; для ознакомленія же населенія губерніи съ этой выставкой, будутъ разосланы всѣмъ предводителямъ дворянства губерніи, предсѣдателямъ уѣздныхъ земскихъ управъ, земскимъ начальникамъ и исправникамъ: означенное сообщеніе генеральнаго комиссара, затѣмъ классификація предметовъ этой выставки и правила для ея экспонентовъ.

Херсонская старина. Херсонъ обладаетъ цѣнными историческими памятниками: дворцомъ императрицы Екатерины II, основательницы города, Екатеринискимъ соборомъ, въ которомъ находится могила Потемкина. Дворецъ и соборъ находятся за городомъ, въ земляныхъ стѣнахъ старой Екатерининской крѣпости, заключающей также древніе монументы и могилы героевъ Очакова и Килія. Екатерининская крѣпость—живая старина русской исторіи прошлаго вѣка, когда Россія овладѣла черноморскимъ югомъ, и возникали одинъ за другимъ—Николаевъ (1788 г.), Херсонъ (1778 г.), Екатеринославъ (1787 г.), Аккерманъ (1792 г.,) Бендеры (1789 г.), Очаковъ (1788 г.); въ пустынныхъ областяхъ Юга зарождались промышленная жизнь, торговля, явилось русское парусное судостроеніе, а на водахъ Чернаго моря разростался понемногу русскій коммерческій флотъ. Признательные херсонцы, разсказываетъ «Истор. Вѣстн.», соорудили на могилѣ Г. А. Потемкина мраморную плиту съ надписями: «Основателю

Херсона—фельдмаршалу, свѣтлѣйшему князю, Григорію Александровичу Потемкину-Таврическому—благодарные граждане. 5 октября 1891 г.». Въ Екатерининскомъ соборѣ подъ почетнымъ балдахиномъ хранится кресло Екатерины II съ полуистлѣвшей бархатной матеріей, съ поблѣднѣвшими серебряными вышивками, каймами, не возобновляемое, дабы не нарушить его подлинности. Екатерининскому собору 113 лѣтъ. Соборъ выстроенъ Потемкинымъ; иконопись была выполнена крупнымъ художникомъ того времени В. Л. Боровиковскимъ; по желанію строителя собора, иконописецъ, какъ говорятъ, придалъ ликамъ нѣкоторыхъ святыхъ точныя изображенія императрицы и государственныхъ дѣятелей Екатерининскаго времени. Таково существующее преданіе. Осматривая иконопись собора, вы видите дѣйствительно значительное число образовъ старинаго письма, потемнѣвшихъ отъ времени; особенное вниманіе приковываютъ къ себѣ двѣ большія иконы, находящіяся въ центральной части храма, близъ входа, на поддерживающихъ соборъ массивныхъ колоннахъ. Это—иконы св. великомученицы Екатерины и св. великомученика Георгія. Онѣ помѣщены одна противъ другой: первая на правой колоннѣ, вторая на лѣвой. Вглядываясь въ лики этихъ святыхъ, вы видите дѣйствительно сходство св. Екатерины съ лицомъ Екатерины II, а великомученика Георгія съ Потемкинымъ. Иконы стали неотчетливы отъ времени, и ихъ давно покрыли лакомъ. Это возобновленіе нѣсколько повредило старинной живописи. До возобновленія лики святыхъ имѣли, какъ говорятъ, еще большое сходство съ лицами Екатерины и Потемкина, чѣмъ теперь. Замѣчательно, что въ Херсонѣ лишь немногіе знаютъ объ историческихъ сокровищахъ, хранящихся въ крѣпостномъ соборѣ. Въ Екатерининскомъ соборѣ хранятся старинныя священническія облаченія: одна риза собственноручной работы Екатерины II. Отъ времени она поблѣднѣла, полиняла, но и теперь еще отличается пышностью. Всѣхъ старыхъ ризъ въ соборномъ шкафу восемь; среди нихъ есть старыя ризы запорожскихъ церквей. („Одес. Л.“ № 210).

40-лѣтіе научной дѣятельности. 11-го августа исполнилось сорокалѣтіе научной дѣятельности одного изъ наиболѣе видныхъ русскихъ историковъ литературы, академика Александра Николаевича Веселовскаго. («Южн. Кр.», 7465).

Памятникъ И. П. Котляревскому. Работы по сооруженію постамента для памятника Котляревскому довольно быстро подвигаются впередъ. Болѣе двухъ третей постамента уже готово, а черезъ мѣсяцъ—полтора онъ будетъ совершенно законченъ. („Полт. В.“, № 170).

Прибавимъ, впрочемъ, что по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, открытіе памятника послѣдуетъ только въ 1903 году.

Къ постройкѣ народнаго дома. 21 августа состоялось засѣданіе совѣта кіевскаго общества грамотности, посвященное вопросу объ окончаніи постройки народнаго дома. Предсѣдательствовалъ предсѣдатель общества грамотности В. П. Науменко. Къ участію въ засѣданіи приглашены были—архитекторы Г. М. Антоновскій и В. В. Городецкій и строитель народнаго дома г. Гинзбургъ. Въ видахъ скорѣйшаго окончанія постройки народнаго дома, которая грозитъ не быть оконченной къ сроку, совѣтъ общества грамотности рѣшилъ повести работы въ двѣ смѣны, такъ, чтобы одна смѣна работала днемъ, а другая ночью. При такой постановкѣ дѣла можно разсчитывать на окончаніе постройки народнаго дома не позже 15 октября. Главный фасадъ народнаго дома предположено украсить бюстами двухъ писателей, уроженцевъ Малороссіи,—Н. В. Гоголя и Т. Г. Шевченка. («Кіев. Газ.», № 230).

Прототипъ П. И. Бобчинскаго. Какъ указываетъ „Русская Старина“, Бобчинскій дѣйствительно жилъ на бѣломъ свѣтѣ, и настоящая фамилія его была Гамалѣй. Въ одномъ изъ архивовъ хранится дѣло о его глупыхъ письмахъ императрицѣ Екатерины II.

Вотъ что пишетъ лицо, наводившее о немъ справки, Д. П. Трощинскому:

Милостивый Государь мой,

Дмитрій Прокофіевичъ.

Возвращая письмо Гамалѣи, дошедшее къ ея императорскому величеству, доношу объ немъ. Онъ въ отставкѣ ротмистръ, живетъ въ селѣ Борщевѣ, женатъ, имѣетъ дѣтей и болѣе двухсотъ за нимъ крестьянъ; ума скуднаго и въ домоводствѣ слабъ, зараженъ древностію дворянской своей породы, притомъ мнитъ себя вѣдающимъ Священное Писаніе и богомольнымъ. И все такое мечтаніе своего достоинства такъ имъ овладѣло, что, наконецъ, ему возмнилось весьма

необходимымъ дѣломъ, чтобы написать такого содержанія письмо къ ея императорскому величеству, о которомъ и нынѣ говорить онъ, смысла сокровеннаго, какъ-де и Священное Писаніе, въ томъ себя расположеніи, что онъ и самъ любитъ прославленіе всемилостивѣйшей государыни, но черезъ то, однакожъ, дабы знать дать, что онъ есть изъ рода Гамалѣевъ. Впрочемъ, оказалось, онъ былъ сперва по женитьбѣ щедръ, но впалъ оттого въ долги, не превосходящіе, однакожъ, его имѣнія, нынѣ же сталъ радѣтелемъ о домоводствѣ своемъ и нѣтъ отъ него ни своевольства, ни кому-либо обидъ, а только, какъ выше пишу, зараженъ знатностію своего происхожденія и желаетъ, чтобы былъ онъ извѣстенъ государынѣ.

Затѣмъ я есть съ истиннымъ почтеніемъ милостиваго государя моего, вашего высокородія, покорнѣйшій слуга Ларіонъ Алексѣевъ.

Декабря, 18-го дня,
1794 года.
Новгородъ-Сѣверскій.

Самыя письма Гамалѣя до того нелѣпы и безсмысленны, что журналъ не рѣшается ихъ печатать („Придн. Кр.“, 1551).

Волненія крестьянъ въ Галиціи. Вся восточная часть Галиціи — 13 уѣздовъ—въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ не переставала быть ареной ожесточенной борьбы рабочаго сельскаго населенія съ помѣщиками-поляками. Начавшись въ одной изъ гминъ галиційской Подоліи, броженіе въ теченіе 2—3 недѣль разрослось до грандіозныхъ размѣровъ. Броженіе возникло, главнымъ образомъ, на почвѣ экономическихъ отношеній, но несомнѣнно, что одними условіями экономическаго быта русиновъ въ Галиціи не исчерпываются причины волненій. Мрачная картина экономическаго положенія украинскаго населенія въ Галиціи неоднократно обращала на себя вниманіе русской прессы, интересующейся жизнью и судьбою западнаго славянства и въ частности русиновъ въ Галиціи. Бѣдственное положеніе крестьянъ въ Галиціи съ каждымъ годомъ усиливается вслѣдствіе пониженія цѣнъ на хлѣбъ, на ряду съ увеличеніемъ долговъ на крестьянской собственности, крайне низкой заработной платы — 20—15 крейцеровъ (около 15 коп.) за рабочій день въ обыкновенное время и небольше 30 кр. въ страдную пору,—наконецъ, вслѣдствіе съ каждымъ годомъ усиливающагося податного гнета, измельчанія крестьянскихъ участковъ

и, какъ слѣдствіемъ его, излишкомъ свободныхъ рабочихъ рукъ на рынкѣ труда. Къ перечисленнымъ нами главнымъ экономическимъ причинамъ присоединилась, кромѣ того, агитація націоналистическаго характера, организованная радикальными элементами народной партіи. Состоялся цѣлый рядъ публичныхъ собраній въ уѣздахъ, на которыхъ сельско-хозяйственные рабочіе призывались къ забастовкѣ. Совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ этихъ факторовъ и вызваны были волненія крестьянъ въ Галиціи, выразившіяся въ забастовкѣ, которая въ иныхъ мѣстахъ сопровождалась насиліями, какъ по отношенію къ крестьянамъ, нежелавшимъ примкнуть къ стачкѣ, такъ и по отношенію къ рабочимъ, приглашеннымъ помѣщиками изъ другихъ мѣстностей. Во многія деревни вызваны были войска. Судя по свѣдѣніямъ, извѣстнымъ въ печати, крестьяне, несмотря на свою малокультурность, повсемѣстно держали себя съ большимъ тактомъ. Требованія крестьянъ отличались самымъ скромнымъ характеромъ: они требовали 50 крейцеровъ поденной платы въ страдную пору и 40 кр. въ обыкновенное время. Несмотря однако на скромность этихъ требованій, помѣщики рѣшили не дѣлать никакихъ уступокъ. Такъ, управляющій гр. Лянцкоронскаго заявилъ, что онъ скорѣе дастъ хлѣбу сгнить на корню, чѣмъ уступитъ крестьянамъ. Австрійское правительство, въ виду автономности Галиціи, сначала все время оставалось въ положеніи сторонняго зрителя происходившей борьбы, предоставляя улаженіе недоразумѣній между крестьянами и помѣщиками взаимному соглашенію сторонъ. Наконецъ, размѣры волненій начали сильно безпокоить правительственныя сферы и правительство заявило, что оно выступитъ самымъ рѣшительнымъ образомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда забастовка перейдетъ въ насиліе или нарушеніе правъ собственности. Намѣстникомъ Галиціи, гр. Пининскимъ, было издано въ томъ же смыслѣ на двухъ языкахъ, польскомъ и украинскомъ, предупрежденіе. Въ роли посредниковъ между крестьянами и помѣщиками выступило духовенство въ лицѣ митрополита Шептыцкаго, издавшаго циркуляры къ духовенству съ предложеніемъ представителямъ духовенства дѣйствовать умиротворяющимъ образомъ на населеніе, а также общество (твердоруссовъ) «Русская Рада», обратившаяся съ воззваніемъ къ крестьянамъ не преступать границъ законности и не поддаваться вліянію преступной и злонамѣренной агитаціи.

Судя по газетнымъ сообщеніямъ волненіе улеглось; въ значительномъ большинствѣ случаевъ помѣщики вынуждены были уступить

требованіямъ рабочихъ, но до примиренія между враждующими двумя народностями, очевидно, далеко еще.

Къ выходу пословъ изъ Буковинского сейма. Въ предыдущей книжкѣ журнала былъ отмѣченъ фактъ оставленія русинскими послами сейма въ Буковинѣ. Начиная съ 6 іюля послы вновь начали посѣщать сеймъ, послѣ почти мѣсячнаго перерыва, причемъ старшина русинскихъ пословъ заявилъ, что русины вынуждены къ отчаянной борьбѣ.

Вѣче русинскихъ студентовъ во Львовѣ. Во второй половинѣ іюля состоялось во Львовѣ собраніе русинской молодежи при участіи нѣсколькихъ сотъ человѣкъ.

Программа вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію, обнимала слѣдующіе пункты: основаніе русинскаго университета во Львовѣ, «москалефильство» среди русинъ. Первый докладчикъ, студентъ Косѣвичъ, критиковалъ очень рѣзко политику русинскихъ депутатовъ, возмущался положеніемъ, занятымъ по отношенію къ проекту русинскаго университета частью польскаго общества и предложилъ резолюціи, въ одной изъ которыхъ говорится, что борьбу за русинскій университетъ слѣдуетъ замѣнить борьбой противъ силы и вліянія польской шляхты, каковую борьбу слѣдуетъ вести организованно, сообща съ народными массами. Въ томъ же засѣданіи принято, между прочимъ, постановленіе, что представители польской печати,—за исключеніемъ изданій соціалистическихъ,—не имѣютъ права присутствовать въ собраніи. («Спб. Вѣд.», № 201).

Библіографія.

Въ чаду́ мрій. Вирши и писни Ив. Федорченка. *Стор. 72, in 16°. Кыивъ; 1902.*

Г. Е. Сурмаченко. Нисенитныци. *Стор. 132, in 16°. Кыивъ, 1902.*

Въ доброе старое время говорили, что poëtae nascuntur, въ противоположность ораторамъ, искусство которыхъ открыто будто бы всякому желающему. Въ наше время эта старая истина отошла уже въ область преданія и въ дѣйствительности происходитъ совершенно наоборотъ: сдѣлаться поэтомъ теперь куда какъ легче, нежели ораторомъ. Всякій, у кого нѣтъ желанія или способностей заняться чѣмъ-нибудь серьезнымъ, легко можетъ обратиться къ собесѣдованіямъ съ музами въ надеждѣ покрыть свое чело неувядаемой славой, достигнуть извѣстности и почета за очень сравнительно дешевую цѣну. Чтобы пожинать поэтическіе лавры, не нужно обладать собственнымъ содержаніемъ,—его такъ легко вѣдь заимствовать у кого-нибудь изъ предшественниковъ, а то и вовсе пренебречь имъ, ссылаясь на то, что для поэта, молъ, важна форма, а не содержаніе; съ другой стороны не можетъ ставить особыхъ препятствій и форма, можно быть даже сосѣмъ невиннымъ по части правилъ версификаціи, стоитъ лишь нарядиться въ тогу строгой гражданственности; истинное чувство, наконецъ, можно замѣнить дѣланнымъ пафосомъ и готовымъ, давно придуманнымъ шаблономъ. Немного, правда, труднѣе, если содержанія нѣтъ, да и форма въ тоже время не легко дается, но и въ этомъ случаѣ положеніе не безвыходное. Стоитъ лишь придумать какое-нибудь пышное, въ большинствѣ случаевъ ничего собственно не означающее

заглавіе,—ну хотя бы и «Въ чаду мрій», или «Скалкы души»,—вооружиться затѣмъ, говоря иносказательно, лирой, а попросту—самымъ обыкновеннымъ, прозаическимъ перомъ и, призвавъ на помощь Музу нанизывать риѳмы, не заботясь особенно ни о смыслѣ, ни о красотѣ: въ концѣ концовъ изъ этого нанизыванія всегда получится—«поэзія». О дальнѣйшей судьбѣ этой, съ позволенія сказать, поэзіи уже не стоитъ заботиться: найдутся и покупатели, и читатели, и даже, быть можетъ, почитатели, такъ какъ, по нѣмецкой пословицѣ, нѣтъ той ограниченности (по-нѣмецки это, впрочемъ, нѣсколько сильнѣе выражено), которая не возбуждала бы удивленія среди еще болѣе ограниченныхъ людей...

Г. Федорченко начинаетъ съ гражданскихъ мотивовъ:

Про край нашъ роскишный, про край нашъ багатый,
Убраный то въ лантя, то въ пышніи шаты,
Повидаты де-що *навагу* я маю (стр. 3).

Это очень интересно—узнать, что̀ именно собирается намъ повѣдать г. Федорченко, хотя, признаюсь откровенно, приведенная фраза смутила было меня сначала страннымъ присутствіемъ въ поэтическихъ замыслахъ автора «наваги»—рыбы хотя и довольно вкусной, но въ поэзіи, насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ рѣшительно никакого примѣненія себѣ не находившей. Черезъ нѣсколько страницъ г. Федорченко приглашаетъ насъ

. . . . . Стежку добру правыть,
Ськаты идеала,
Шукать Бога, шукать правды (стр. 7).

Не дурно и это, хотя со словомъ «ськаты» у насъ обыкновенно возникаетъ представленіе вовсе не объ идеалахъ, а о нѣкоторыхъ болѣе низменныхъ созданіяхъ, о которыхъ въ порядочномъ обществѣ говорить не принято... впрочемъ, авторъ и самъ сейчасъ же называетъ свою «пораду»—«химерной». Какъ и подобаетъ истинному поэту, вначалѣ г. Федорченко какъ будто даже сомнѣвается, дѣйствительно ли есть у него о чемъ повѣдать:

Нема огню,—говоритъ онъ,—у грудяхъ лидъ.
Слова мои—дзвеняща мидь.
Що я скажу, колы нема
У мене *сливъ*, *въ* души питьма? (стр. 8)...

Сылы пирнулы
Десь або въ море,
Або въ ковбаню (стр. 11)...

Но можно думать, что это—свойственная лишь вообще поэтамъ скромность, или лучше сказать—реторическая фигура, такъ какъ затѣмъ происходитъ обычная у служителей Музы исторія, вполнѣ обнадеживщая г. Федорченка на поэтическіе подвиги: къ нему является Муза, проводитъ «тендитно по чоли ручыцею» (къ сожалѣнію, опять неточно передающее мысль автора слово: «ручыцею» называется нѣкоторая принадлежность вовсе не поэтическаго *воза*—и я,—говоритъ онъ,—воскресъ духовно

И сылъ мицныхъ въ души своій почувъ я повно,
Велыкыхъ сылъ спивця, кермача правозору (?!),
Свободы вистныка, безкрайнёи, якъ море (стр. 21).

Почувствовавъ въ душѣ своей громадный силъ запасъ, и будучи къ тому же, очевидно, человѣкомъ очень добрымъ и отзывчивымъ, г Федорченко не желаетъ пользоваться своими силами лично для себя только,—нѣтъ, онъ тотчасъ стремится весь міръ облагодѣтельствовать: «своимъ талаюмъ,—говоритъ онъ,—

Радъ всихъ даруваты.
Мій таланъ—се писня вильна та крылата.
Мошня (sic) моя вбога, та дума багата.
Радъ я зъ нею зъ свитомъ цилымъ подилытысь.
Гей, идить, хто хоче, зъ джерем напытысь! (стр. 55).

Эти гордыя слова, этотъ снисходящій къ людскимъ слабостямъ и немощамъ призывъ можетъ исходить лишь отъ человѣка, дѣйствительно увѣреннаго въ своемъ призваніи «глаголомъ жечь сердца людей» и подавать утѣшеніе въ скорбяхъ, а такъ какъ въ произведеніяхъ каждаго новаго автора всегда стараешся найти хоть капельку живой воды, то, ободренный милостивымъ призывомъ, я приникъ къ источнику г. Федорченка, но увы!—обѣщаной имъ живой воды не обрѣлъ и исканій свой не утомилъ. Не успѣлъ еще г. Федорченко ясно выразить свои гражданскіе идеалы, какъ сердцемъ его завладѣло, и на этотъ разъ уже безраздѣльно и безповоротно, новое, болѣе сильное чувство, на служеніе которому онъ и отдалъ свою лиру:

Писню заспиваю,
Писню що найлуччу,
Нею я красуню
Прямо въ серце влучу (стр. 11).

Итакъ, мы введены «навагой» г. Федорченка въ заблужденіе: передъ нами не гражданскій поэтъ, а пѣвецъ любви по преимуществу: оказывается даже, что любовь-то собственно и пробудила его спокойно пребывавшія въ «ковбанѣ» силы и понудила къ перу его руки:

Серце люблячее, мыла,
То велыка сыла:
И никчемнисть мого духа
Виршувать навчыла.
Гой, якъ бы жъ то таке серце
Було коло мене
Рокивъ зъ десять передъ сёго...
Щобъ зробывъ я, нене?! (стр. 53).

Въ крайнемъ случаѣ мы согласны и на это: любовь вѣдь—предметъ поэзіи вполнѣ достойный и даже поэтами преимущественно и эксплоатируемый; послушаемъ, что новаго и интереснаго повѣдаетъ намъ г. Федорченко изъ этой области. Вотъ, напр., онъ изображаетъ роскошный пейзажъ, на лонѣ котораго влюбленная парочка изъясняется слѣдующимъ не лишеннымъ своеобразной выразительности языкомъ:

Тутъ, Боже, гарно
Сыдить у купи.
Трохы чамриты,
Очыма лупать,
И наче чуты,
Якъ наши души
Въ одно злылыся,
Якъ въ наши уши
И въ ротъ, и въ очи
Духъ Божый входе (стр. 5).

Къ большому прискорбію нашему, Духъ Божій, вхожденіе котораго «въ уши, и въ ротъ, и въ очи» такъ обстоятельно и картинно описано г. Федорченкомъ, не научилъ героя его поэтическихъ произве-

деній языку боговъ: съ устъ его поминутно срываются такія выраженія, какъ «въ твои рожеви губы *вципывсь* палко» (стр. 7), «Ивась женыхается зъ дивчыною другою, *сучою паплюою*» (стр. 30), или:

Палко, серце, я тебе жадаю,
Огнемъ страсти я горю (,) палаю.
У твоихъ обіймахъ я зотлію
И въ *маруди*, въ *омроци* (?) зомлію (стр. 63).

Но, повидимому, страсть, изображенная столь сильными и смѣлыми штрихами даже избранницѣ внушаетъ какія-то, правда, для читателя не совсѣмъ ясныя сомнѣнія, по крайней мѣрѣ, герой наставительно произноситъ, предупреждая невысказанныя возраженія:

Ты думаешъ, въ мене немае огню?
Та я юнака ще за поясъ заткну (стр. 52),—

и Боже васъ сохрани, читатель, не повѣрить, г. Фодорченку: онъ вообще очень предусмотрителенъ и напередъ парируетъ всѣ сомнѣнія и возраженія.

Хто кохавъ (,) той знайде въ моихъ писняхъ чуття,
Не кохавшому въ ихъ повно тилькы нытття.
Я спиваю не тымъ, хто кохання не знавъ,
А тому, хто въ жыттю щастя й мукы 'тси мавъ...
Хто кохавъ (,) тому ладъ у писняхъ йе моихъ,
Не веселыхъ, палкыхъ, а найбильше сумныхъ;
Хто кохання жъ не знавъ, той не знайде складу (стр. 48).

Я бы многое желалъ сказать какъ по поводу этихъ, такъ и всѣхъ вообще стихотвореній г. Федорченка: я бы указалъ, напр., на слишкомъ прозрачную неоригинальность ихъ, доходящую до того, что г. Федорченко лишь своими словами (да и то большею частью совершенно неудачно) пересказываетъ другихъ поэтовъ, заимствуя и образы, а подчасъ и цѣлыя фразы; на неумѣстность въ поэзіи многихъ имъ излюбленныхъ выраженій (въ родѣ: «ковбани», «наплюгы», «очамы лупать» и т. п.), слишкомъ вульгарныхъ для изображенія такого нѣжнаго чувства, какъ любовь; на довольно безцеремонное обращеніе автора съ украинскимъ языкомъ (примѣровъ достаточно въ цитатахъ); на крайнюю наивность нѣкоторыхъ стихотвореній (особенно—«До Франка» и заключительное въ сборникѣ), на совершенное, наконецъ,

отсутствіе у г. Федорченка данныхъ даже «сдѣлаться» поэтомъ,—все это я могъ бы сказать, но въ виду открытаго авторомъ ключа къ пониманію его произведеній, не рѣшаюсь. Я боюсь, что обнаруживъ свое непониманіе высокихъ достоинствъ поэзіи г. Федорченка, я дамъ ему поводъ обратиться ко мнѣ съ нѣкоторыми вопросами черезъ-чуръ деликатнаго свойства, на которыя я не сумѣю дать надлежащаго отвѣта... Впрочемъ—будь, что будетъ,—еще одно замѣчаніе. Вполнѣ соглашаясь съ авторомъ на счетъ обновляющей роли любящаго сердца и даже искренно соболѣзнуя, что онъ не нашелъ его лѣтъ десять тому назадъ, я обязанъ все-таки сказать, что на этомъ любящемъ сердцѣ лежитъ и великій грѣхъ: зачѣмъ оно внушило г. Федорченку праздную и совершенно неосновательную мысль, что поэтомъ можно сдѣлаться, не имѣя къ тому ровно никакихъ данныхъ?

Г. Сурмаченко въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляетъ собою прямую противоположность г. Федорченку. На сколько послѣдній полонъ горделивой увѣренности въ своемъ призваніи служить источникомъ утѣшенія для всей вселенной, на столько первый отличается скромностью, можетъ быть, даже излишнею. Уже то обстоятельство, что онъ назвалъ свои творенія «Нисенитницями», говоритъ именно въ пользу его скромности, хотя съ другой стороны, если авторъ увѣренъ, что произведенія его не больше, какъ «нисенитницы», то къ чему же въ такомъ случаѣ онъ и представляетъ ихъ, такъ сказать, на судъ общественный: очевидно, что было бы несравненно удобнѣе, и для автора, и для читателей, если бы «нисенитницы», именно въ качествѣ «нисенитницъ», оставались никому неизвѣстными. Дарованіе нашего автора, дѣйствительно, болѣе чѣмъ скромно; поэтическіе его рессуры крайне ограничены во всѣхъ отношеніяхъ; стихотворенія его на возвышенныя темы слишкомъ туманны, а бытовыя картинки черезъ-чуръ вульгарны и прозаичны; рифмы и размѣръ сильно страдаютъ невыдержанностью; часто встрѣчается довольно дикое въ граматическомъ отношеніи расположеніе словъ (напр.,—«наче, *мынулы що*, гадкы-видрадонькы» «*Про*, серце що кынувъ, *спокій*» и т. п.); еще ниже стихотвореній стоитъ помѣщенная драма «Хусточка». Словомъ, употребляя собственное сравненіе г. Сурмаченка, Муза его облечена въ «билымы ныткамы латаную свыту» и своимъ неряшливымъ одѣяніемъ способна возбудить къ себѣ, даже помимо авторской рекомендаціи, только отрицательное отношеніе въ читателѣ. или, какъ ожидаетъ г. Сурмаченко,

Будуть нытки били очи турбуваты (sic);
Будуть зъ тебе, свыто, люды реготаты...

Впрочемъ, мы умѣемъ цѣнить истинную скромность и не будемъ, поэтому, слишкомъ придирчивы къ г. Сурмаченку, вполнѣ сознающему бѣдность своего поэтическаго достоянія, тѣмъ болѣе что въ сборникѣ его найдется 2—3 стихотворенія, нелишенныхъ нѣкоторой искренности. Конечно, этого слишкомъ недостаточно для какихъ-нибудь надеждъ въ отношеніи г. Сурмаченка,—едва-ли онъ даже «сдѣлается» когда-нибудь поэтомъ, и потому вполнѣ справедливы его сѣтованія и упреки по адресу Музы, понапрасну соблазнившей его на яко-бы поэтическія упражненія:

Жартъ негарный твій, музо моя;
Ты звелила на струны заграты,
Та, покынувшы ципъ на току,
Зъ перелазу панивъ выглядаты...
Я за дни невесели прынисъ,—
Въ котри марно про счастя марылось,—
На ворота твои зъ-пидъ колисъ
Дѣгтю, щобъ ты вся соромомъ вкрылась (стр. 24—25).

Вотъ только наказаніе для такой деликатной особы, какъ муза, слишкомъ ужъ неделикатное и при томъ практикуемое обыкновенно за спеціальные грѣхи, въ которыхъ, быть можетъ, муза г. Сурмаченка и не повинна... Тѣмъ не менѣе мы вполнѣ присоединяемся къ мысли, выраженной въ другомъ обращеніи къ той же музѣ:

Заховаймося жъ мы й заснемо...
Тымъ никому не вчынымъ мы тугы (стр. 35).

Да, если г. Сурмаченко со своей музой исчезнутъ съ поэтическаго горизонта, то непріятности этимъ, дѣйствительно, никому не причинятъ,—въ крайнемъ случаѣ исчезновеніе ихъ, какъ и существованіе, останется незамѣченнымъ среди читателей, а для рецензентовъ, ex officio обязанныхъ читать всевозможныя «писенитныци», даже спокойнѣе будетъ...

С. Е—мовъ.

Ю. А. Яворскій. Изъ этнографической тетрадки 1830-хъ годовъ. *Львовъ, 1902. Изданіе «Галицко-Русской Матицы», стр. 1—15, in 8°.*

Г. Яворскому удалось найти между бумагами извѣстнаго галицкаго писателя и поэта, автора первой галицко-русской грамматики, Іосифа Левицкаго—старую тетрадку этнографическихъ матеріаловъ средины 30-тыхъ г.г., содержащую 12 записанныхъ самимъ же Левицкимъ колядокъ и щедривокъ, а также нѣсколько его «оувагъ» (замѣчаній) о рождественскихъ обычаяхъ и обрядахъ. Этотъ матеріалъ отчасти использовалъ въ свое время Головацкій, помѣстивши во 2-й части своихъ «Народныхъ пѣсенъ» семь №№; остальной матеріалъ, интересный не только по своему содержанію, но также какъ одинъ изъ первыхъ опытовъ этнографическаго изученія галицко-русской народной словесности, опубликованъ г. Яворскимъ впервые. Наиболѣе интересны двѣ колядки: «Ой рано, рано куройки пилы» и «Тамъ за вороты, за новейкими трава мурава зеленейкая»,—оригинальныя, спеціально галицкія произведенія народнаго творчества, и отрывокъ вирши о «козѣ», къ сожалѣнію, слишкомъ краткій и туманный. Въ Прикарпатской Руси обычай «водить козу», равно какъ и соотвѣтствующія пѣсни, почти вовсе неизвѣстны, такъ что, по мнѣнію г. Яворскаго, печатаемый имъ отрывокъ представляетъ чуть ли не единственный и, можетъ быть, послѣдній ихъ слѣдъ.

Нельзя тѣмъ не менѣе, не пожалѣть, что матеріалъ, сообщаемый г. Яворскимъ, появляется не въ спеціальныхъ галицкихъ этнографическихъ и др. научныхъ изданіяхъ, какъ «Етнографичний Збірник», насчитывающій въ настоящее время XII т.т., или «Записки Наукового Товариства ім. Шевченка», гдѣ въ одномъ изъ послѣднихъ томовъ помѣщены были стихотворныя произведенія того же Іосифа Левицкаго, а въ мало кому извѣстныхъ и въ мало и неудобочитаемыхъ мелкихъ изданіяхъ-брошюрахъ «Галицко-русской Матицы». Впрочемъ, въ отношеніи удобочитаемости, брошюра г. Яворскаго «малоросса, говорящаго по русски» (или по крайней мѣрѣ пишущаго) представляетъ, надо думать, исключительное явленіе: хотя мы и читаемъ (стр. 4) «проявился на внѣ[illegible] «политическихъ бурей», «на который-то приходъ былъ переведенъ», но въ общемъ все же замѣтно, что авторъ добросовѣстно изучалъ литературный русскій языкъ.

В. Д.

В. Н. Мочульскій. Малороссійскія и петербургскія повѣсти Н. В. Гоголя. *(Къ исторіи художественнаго творчества). Одесса 1902 г., стр. 1—20.*

Вступительныя строки даютъ право ожидать большаго, чѣмъ въ дѣйствительности находитъ читатель въ этой статьѣ. Такъ, на 1-й и 2-й стр. мы читаемъ, что до сихъ поръ критика серьезно не останавливалась на разборѣ малороссійскихъ и петербургскихъ повѣстей Гоголя и что авторъ намѣренъ поэтому остановиться на, выясненіи постепеннаго роста художественнаго таланта Гоголя, т. е.—«какъ изъ художника натуралиста-этнографа Гоголь постепенно вырабатывался въ художника соціальной общественной жизни съ глубокимъ психологическимъ проникновеніемъ въ самоё жизнь»; между тѣмъ, въ дѣйствительности мы видимъ въ статьѣ только краткое указаніе на общеизвѣстные факты писемъ Гоголя къ матери съ просьбою присылать ему разныя описанія костюмовъ, обрядовъ, повѣрій и проч., какъ матеріалъ для будущихъ малороссійскихъ повѣстей, и ни слова не сказано, какъ и при какихъ условіяхъ Гоголь ступилъ на этотъ путь въ своемъ творчествѣ, а это, по нашему мнѣнію, должно быть исходнымъ пунктомъ при разработкѣ поставленнаго г. Мочульскимъ вопроса. Далѣе, авторъ, передавая краткое содержаніе малороссійскихъ повѣстей, вездѣ старается указать, какъ внесеніе Гоголемъ фантастическаго элемента въ разсказъ, помогаетъ ему раскрыть психологію дѣйствующихъ лицъ. Въ большинствѣ случаевъ эти разъясненія ничего новаго не даютъ, а по поводу повѣсти «Страшная месть», кажется, вводятъ автора въ область гадательно-туманную, такъ какъ онъ готовъ видѣть въ разсказѣ аллегорическое изображеніе борьбы украинской народности, и въ частности козачества, съ польскими вліяніями, вносившими измѣну въ семью и въ родную землю. Для такого толкованія этой повѣсти, намъ кажется, въ самой повѣсти данныхъ мало, и потому здѣсь прежде всего и нужно было-бы остановиться на анализѣ въ творчествѣ Гоголя Такъ-же искусственнымъ представляется намъ выводъ, сдѣланный авторомъ изъ повѣсти «Вій»,—что будто не спроста Гоголь вѣдьмой сдѣлалъ дочь богатѣйшаго малороссійскаго сотника: этимъ онъ хотѣлъ выразить народную мысль, что «если старшины и оплотъ малорусскаго народа свяжутся съ нечистой силой, то никакая мудрость и хитрость не можетъ спасти человѣка (на Украинѣ) отъ погибели».

Основной выводъ изъ всѣхъ этихъ разборовъ малороссійскихъ повѣстей авторъ дѣлаетъ такой: «Гоголь уже на первыхъ порахъ своей художественно-творческой дѣятельности незамѣтно для себя, почти безсознательно, становился на путь народной психики и, работая въ этомъ направленіи, въ сравнительно короткій періодъ времени достигъ высшаго искусства въ психологическомъ анализѣ человѣческой души». Мысль эта вполнѣ вѣрна, но едва-ли она требуетъ для выясненія себя такихъ далекихъ аллегорическихъ толкованій, какія мы видѣли въ приведенныхъ выше выдержкахъ.

В. В.

Отчетъ благотворительнаго Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ за 1901 годъ. *С.-Петербургъ, 1902, стр. 1—72,* in 16°.

Упомянутое Общество существуетъ въ Петербургѣ уже четвертый годъ. Истекшій 1901 годъ, какъ видно изъ отчета, отмѣченъ значительнымъ расширеніемъ издательской дѣятельности Общества. Въ теченіе года выпущено въ свѣтъ 6 новыхъ брошюръ и закончено изданіе 3 брошюръ, появившихся въ продажѣ уже въ текущемъ году (всего, по настоящее время, благотворительное Общество издало 17 брошюръ). Брошюры эти слѣдующія: «Оповидання про Антона Головатого та про початокъ Чорноморського війська», М. Комаря; «Оповидання про Тараса Шевченка»—О. Конискаго; «Розмова про сельське хазяйство, кн. IV—Виноградъ», Е. Чикаленка; «Розмова про сухоты на рогатій худоби», С. Ваганова; «Выговщына», П. Кулиша; «Оповидання про Богдана Хмельницького», М. Комаря; «Видъ чого вмерла Мелася», г. Коваленка; «Оповидання про Ивана Котляревського», Б. Гринченка; «Розмова про сельське хазяйство, кн. III.—Сіяни травы, кукуруза та бурякы» Е. Чикаленка. Изъ перечисленныхъ брошюръ двѣ («Видъ чого вмерла Мелася» и «Розмова про сельське хазяйство», кн. III) представляютъ второе изданіе, остальныя впервые изданы Обществомъ по оригинальнымъ рукописямъ. Двѣ изъ брошюръ—«Розмова про сельське хазяйство, кн. IV—Виноградъ» и «Розмова про сухотына рогатій скотыни»—получили одобреніе Ученаго Комитета Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ для пользованія въ подвѣдомственныхъ этому Министерству низшихъ школахъ малорусскихъ губерній.

Благодаря успѣшному приливу денежныхъ средствъ, Правленіе Общества имѣло возможность увеличить количество экземпляровъ выпускаемыхъ имъ изданій, чѣмъ, въ свою очередь, обезпечивало ихъ дешевизну въ продажѣ. Со стороны общества замѣчается усиленіе интереса, выражающееся въ оживленномъ приливѣ членскихъ взносовъ (въ теченіе 1901 года поступило новыхъ членовъ 192) и пожертвованій въ различной формѣ (между прочимъ, два литератора, имена которыхъ въ настоящее время не подлежатъ оглашенію, предоставили Обществу право литературной собственности на ихъ произведенія, переходящее къ Обществу послѣ ихъ смерти). Не будь болѣе или менѣе значительныхъ денежныхъ пожертвованій со стороны лицъ, интересующихся развитіемъ Общества и его задачами, и субсидій, отмѣченное въ началѣ расширеніе издательской дѣятельности не могло бы быть достигнуто съ помощью однихъ членскихъ взносовъ.

Въ общемъ итогѣ результатъ дѣятельности Общества за отчетный годъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

Поступило въ кассу Общества	3126 р. 80 к.
Всего, съ остатками отъ 1900 г.	3954 р. 1 к.
Израсходовано.	3539 р. 67 к.
Въ остаткѣ къ 1902 г.	414 р. 34 к.

Общее число членовъ—558, въ томъ числѣ почетныхъ—9, членовъ-сотрудниковъ—14, дѣйствительныхъ—520. Засѣданій Правленія было 8. Общее собраніе одно—годичное. Въ конечномъ итогѣ «Благотворительное Общество» за 3 года своего существованія обзавелось крупнымъ имуществомъ въ изданныхъ имъ брошюрахъ (всего на номинальную сумму 7954 р.), такъ какъ дѣйствительныя затраты, произведенныя на эти изданія, составляютъ въ общей сложности 4131 р. 48 к., т. е. на 40% ниже продажной стоимости книгъ, то, очевидно, выручка отъ продажи изданій Общества, въ общемъ, вполнѣ достаточна для покрытія какъ издержекъ по изданію, такъ и коммиссіоннаго процента и другихъ накладныхъ расходовъ.

Въ теченіе 1-го года дѣятельности Общество для своихъ операцій располагало лишь членскими взносами, тогда какъ въ 1900 г. и 1901 г. членскіе взносы—лишь половина общаго итога поступленій, а другая состояла преимущественно изъ разныхъ видовъ пожертвованій, а также выручки отъ продажи изданій, въ общей сложности доходъ 1900 г. почти вдвое превысилъ цифру 1899 г.; а поступленія 1901 г.—на 120% выше итога предыдущаго года. Что касается расходовъ, то

они росли еще въ большей пропорціи. Увеличеніе расхода спеціально на изданіе брошюръ въ 1900 году составляло 143% противъ предыдущаго года, а въ 1901 г.—уже почти 313%, образовавъ въ бюджетѣ Общества значительный дефицитъ, покрытый остатками отъ прежнихъ лѣтъ.

При такихъ условіяхъ трудно, къ сожалѣнію, признать матеріальное положеніе Общества уже вполнѣ упрочившимся; если установить нормальный годовой расходъ въ 3000 р., то, даже въ предположеніи, что выручка отъ продажи изданій будетъ быстро прогрессировать, годовой бюджетъ едва-ли можетъ быть покрытъ безъ экстренныхъ поступленій. Такимъ образомъ и въ ближайшемъ будущемъ Правленіе Общества обязано заботиться о приливѣ въ его кассу денежныхъ средствъ.

Содѣйствіе въ этомъ случаѣ должны оказать во-первыхъ, сами гг. члены Общества, обыкновенно несвоевременно и неаккуратно производящіе годичные взносы, а затѣмъ и всякій сочувствующій цѣлямъ и задачамъ Общества, привлеченіемъ въ число членовъ возможно большаго количества лицъ, которыя бы своими взносами увеличивали бюджетъ симпатичнаго Общества. Пожелаемъ же, чтобы энергичное, полезное Общество въ самомъ близкомъ будущемъ не чувствовало матеріальныхъ затрудненій и развивало свою плодотворную дѣятельность какъ можно шире, какъ можно интенсивнѣе!..

В. Д.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. т. XLVI и XLVII. *У Львові, 1902, II и III в.*

Настоящіе два тома заключаютъ въ себѣ одну статью изъ области археологіи «*Мандаленське майстерство на Україні*» Хв. Вовка, и три изслѣдованія изъ области исторіи литературы и этнографіи.

Въ первой статьѣ авторъ, извѣстный знатокъ археологіи и этнографіи, останавливаетъ свое вниманіе на нѣкоторыхъ изъ находокъ г. Хвойки на Кирилловской ул., въ Кіевѣ, а именно на предметахъ изъ костей мамонта, свидѣтельствующихъ объ обработкѣ ихъ человѣкомъ. Сравненіе орнамента и рѣзьбы кіевскихъ находокъ съ соотвѣтствующими западно-европейскими даетъ полное основаніе признать кіевскую стоянку относящейся къ періоду Madelein. Предметовъ этого

періода у насъ до сихъ поръ не встрѣчалось. По мнѣнію автора, въ Кіевѣ, а можетъ быть и вездѣ на Украинѣ, мы имѣемъ дѣло съ позднѣйшей эпохой маделенскаго періода, когда у насъ жилъ не сѣверный олень, а еще мамонтъ.

Въ изслѣдованіи «*Святий Климент у Корсуні. Причинки до історії старорускої легенды*» (помѣщено только начало—введеніе и 2 главы), авторъ, д-ръ Иванъ Франко, ставитъ своей задачей критическій разборъ легенды о св. Климентѣ. Легенда эта въ особенности интересна для слависта тѣмъ, что совершенно неожиданно сплетается съ исторіей первыхъ славянскихъ апостоловъ, Кирилла и Меѳодія, съ нашимъ лѣтописнымъ разсказомъ о крещеніи Руси, а нѣкоторыя ея вѣтви достигаютъ позднѣйшаго періода,—княженія Ярослава. Тексты различныхъ версій и развѣтвленій этой легенды являются древнѣйшими памятниками русской письменности.

Въ первыхъ главахъ авторъ останавливается на выясненіи личности св. Климента и разборѣ повѣсти псевдо-Климента. Въ первомъ случаѣ онъ приходитъ къ тому выводу, что Климентъ легенды—авторъ посланія къ Коринѳянамъ, лицо, занимавшее довольно видное мѣсто въ римской церкви, но, вѣроятнѣе всего, не бывшее епископомъ, а тѣмъ болѣе—папой.

Цѣннымъ вкладомъ въ область изученія старо-украинской литературы является изслѣдованіе Володимера Гнатюка «*Угроруські духовні вірші*», важное не только для выясненія нѣкоторыхъ сторонъ угрорусской литературы XVII—XVIII ст., но и для характеристики вообще нашей поэзіи въ этотъ періодъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ XVII—XVIII ст. просвѣщеніе въ Угорской Руси стояло очень высоко и распространялось на всѣ слои русскаго народа. Вліяніе мадьяръ, съ одной стороны, Польши (черезъ Галичину), съ другой,—давали возможность угорскимъ русинамъ въ кутьтурномъ отношеніи стоять не ниже своихъ сосѣдей; сношенія съ Галицкой Русью были прочнѣе и интенсивнѣе. Само собою, и національное самосознаніе, не въ новомъ, конечно, значеніи этого слова, было гораздо выше, чѣмъ въ настоящее время. О состояніи образованія не только интеллигентныхъ сферъ, но и народныхъ массъ на Угорщинѣ, свидѣтельствуютъ тѣ рукописи, которыя въ послѣднее время удалось разыскать. Ученые почти не обращали вниманія на литературное достояніе этой небольшой вѣтви украинскаго народа, оставившей столь цѣнное литературное наслѣдіе.

Въ настоящей статьѣ авторъ даетъ описаніе и знакомитъ съ содержаніемъ 12 найденныхъ имъ рукописей. Большая часть ихъ не оригинальны, а передѣлки иностранныхъ произведеній; но нѣкоторыя вещи въ этихъ рукописяхъ вполнѣ оригинальны и самобытны, въ особенности по отношенію къ духовнымъ стихамъ. Очевидно, составителями этихъ сборниковъ были интеллигентныя лица, прежде всего священники. При разсмотрѣніи рукописей замѣчается, что болѣе древнія изъ нихъ—написаны прозой, новѣйшія же заполнены преимущественно духовными стихами. Свѣтскихъ стихотвореній не встрѣчается совершенно, за исключеніемъ 1—2, хотя въ галицкихъ рукописяхъ они попадаются часто. Кромѣ того, въ угро-русскихъ пѣсенникахъ находится огромное количество Господнихъ и Богородичныхъ виршей, а мало-посвященныхъ святымъ. Это также отличаетъ ихъ отъ галицкихъ.

Въ дальнѣйшихъ частяхъ статьи помѣщено пока 127 №№ духовныхъ стиховъ.

Не малый интересъ представляетъ статья д-ра Ів. Франка «*Козак Плахта. Українська народня пісня друкована в польській брошюрі з р. 1625*».

Документальныя свидѣтельства о формѣ и мелодіи нѣкоторыхъ украинскихъ пѣсенъ и стихотвореній мы имѣемъ лишь съ XVII ст., преимущественно со 2-ой его половины (наиболѣе древній пѣсенникъ съ нотами опубликованъ В. Перетцомъ въ 1901 г.) Авторъ сообщаетъ текстъ украинской пѣсни, напечатанной польскими буквами въ одной польской брошюрѣ первой четверти XVII ст., принадлежащей перу нѣкоего Яна Дзвоновскаго. Пѣсня записана въ формѣ діалога между дивчыною Кулыною и козакомъ Плахтою, подговаривающимъ первую ѣхать съ нимъ на Запорожье:

Ой козаченьку, пане жъ мій,
Далекъ же маешъ домыкъ свій?

Козакъ.

Пры берези пры Дунаю
Тамъ я свою хыжу маю:
Лисъ зеленый оздобленый
Краснымъ цвитомъ, густымъ лыстомъ,
То димъ мій, то покій... (всего 92 строчки).

Наиболѣе полные и многочисленные варіанты этой пѣсни сохранились въ Галичинѣ. У насъ пѣсня эта перешла на лѣвый берегъ Днѣпра и извѣстна лишь въ 2-хъ искаженныхъ варіантахъ (у Гринченка), да еще въ отрывкѣ у Кулиша. Наиболѣе древній, самый полный по содержанію и наиболѣе красивый по формѣ—это именно варіантъ Дзвоновскаго.

Въ отдѣлѣ болѣе мелкихъ статей и «Miscellanea» слѣдуетъ отмѣтить: тепло написанный проф. М. Грушевскимъ некрологъ А. М. Лазаревскаго; текстъ украинской пѣсни, сочиненной польскимъ агитаторомъ въ 1848 г. («Гей, русыны, рука въ руку, зъ ляхомъ въ згоди, бо ляхъ братъ!»); замѣтку Б. Барвинскаго «Кимъ сьвідчився Отокаръ» (Галицко-Волынск. Лѣтопись подъ 1257 годомъ: «отца си папу и 12 пискупа, на послушьство»),—въ которой онъ доказываетъ, что въ свидѣтели авторъ призывалъ *своего* отца, а не папу; матеріалъ для біографіи Юрія Гуцы (Венелина); 6 писемъ пок. Исидора Шараневича 1862—1864 г.г.

Отдѣлъ библіографіи по обыкновенію содержитъ множество солидныхъ отзывовъ о различныхъ періодическихъ и отдѣльныхъ изданіяхъ, касающихся Украины.

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Вѣстникъ Европы, № 8; 2) Міръ Божій, № 8; 3) Историческій Вѣстникъ, № 8; 4) Рус. Старина, № 8; 5) Рус. Мысль, № 7; 6) Научное Обозрѣніе, № 7; 7) Новое Дѣло, № 6 и 7; 8) Университетскія Извѣстія, № 7; 9) Труды Кіев. Духовной Академіи, № 8; 10) Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, № 7; 11) Книжки Восхода, № 7; 12) Земскій Сборникъ Черниговской губ., № 6; 13) Літературно-Науковый Вістникъ, № 8; 14) Журналъ для всѣхъ, № 7 и 8; 15) Český Lid, № 6—10; 16) Slowanský Přehlend, № 5 и 8; 17) Wisła, кн. 1,2 и 3; 18) Biblioteka Warszawska, № 2—7; 19) Kwartalnik Historyczny, № 1 и 2.

Вѣстникъ Европы, № 8.

Въ отдѣлѣ «Литературное Обозрѣніе» помѣщена статейка (стр. 813—817) по поводу книги *Д. Н. Вергуна* «Червонно-русскіе от-

звуки». Львовъ. 1901 г. Дѣлая общую оцѣнку поэзіи Вергуна со стороны проглядывающихъ въ ней мыслей, а также и со стороны языка, яко-бы литературно-русскаго, авторъ статьи г. Д. касается и вопроса о положеніи въ Галиціи двухъ политическихъ и литературныхъ партій.

Міръ Божій, № 8.

Н. Котляревскій. Николай Васильевичъ Гоголь 1829—1842 гг. (Продолженіе, стр. 1—39). Здѣсь, въ главѣ 9-й, идетъ рѣчь о занятіяхъ Гоголя исторіей Малороссіи, объ его увлеченіи малорусскими пѣснями, о неоконченной повѣсти «Остраница» и о повѣсти «Тарасъ Бульба» (стр. 13—21, 27—28). Въ главѣ 10-й разсматриваются повѣсти «Вій», «Старосвѣтскіе помѣщики», «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ» (стр. 30—32).

Историческій Вѣстникъ, № 8.

Херсонская старина (отд. «Смѣсь», стр. 649). Маленькая замѣтка объ историческихъ памятникахъ въ Херсонѣ временъ Екатерины 2-й. *(См. текущія извѣстія).*

Некрологъ А. А. Андріевскаго (стр. 655—656).

Русская Старина, № 8.

Прототипъ Бобчинскаго (стр. 248). Маленькое сообщеніе интереснаго письма къ Д. П. Трощинскому.
(См. въ текущихъ извѣстіяхъ).

Русская Мысль, № 7.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ данъ краткій отзывъ о книгѣ *В. Шенрока* «П. А. Кулишъ. Біографическій очеркъ. Кіевъ 1902 г.» (стр. 239)

Новое Дѣло, № 7.

Проф. А. Н. Красновъ. «По русскому югу. II. Харьковщина» (стр. 35—57). Настоящая статья является продолженіемъ путе-

выхъ впечатлѣній автора изъ посѣщенія харьковской губерніи. Давъ краткое описаніе природы края, авторъ останавливается, главнымъ образомъ, на характеристикѣ населенія съ цѣлью нарисовать болѣе или менѣе подробную картину современнаго быта нашего народа. Указавъ на трудность и даже невозможность сдѣлать общую характеристику современнаго сельскаго населенія, и предоставивъ это дѣло .«людямъ верхоглядствующимъ», авторъ рѣшилъ дать рядъ отдѣльныхъ очерковъ. Данный очеркъ посвященъ описанію жилища, обстановки въ немъ, одежды и убранствъ; наконецъ, авторъ дѣлаетъ попытку характеристики общественнаго строя современнаго малороссійскаго села, классификаціи сельскаго населенія и его духовнаго облика.

Университетскія Извѣстія, № 7.

А. С. Грушевскій. «Очеркъ исторіи Турово-Пинскаго княжества въ составѣ Литовско—Русскаго государства XIV—XVI в.» (стр. 1—40). Статья представляетъ собою очеркъ исторіи Турово-Пинскаго княжества, начиная съ первой четверти XIV в., когда Пинское Полѣсье вошло въ составъ Литовскаго государства Гедимина, до половины XVI ., когда Туровъ послѣ смѣны ряда владѣтелей отошелъ во владѣніе короны въ составѣ сначала Троцкаго, а послѣ 1564 г.—Берестейскаго воеводства, а Пинскъ, вмѣстѣ съ Городкомъ—по оставленіи королевой Боной Польши.

М. В. Довнаръ-Запольскій. Приложенія къ сочиненію «Государственное хозяйство Литовской Руси при Яггелонахъ» (XXXVII—LXVIII), содержатъ въ себѣ данныя по исторіи тарифа, уставы и универсалы о мытѣ, акцизѣ и другихъ источникахъ доходовъ государства.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. № 7.

Е. Ѳ. Будде. «Значеніе Гоголя въ исторіи русскаго литературнаго языка» (стр. 1—27).

Чтобы опредѣлить мѣсто въ исторіи русскаго литературнаго языка для каждаго даннаго писателя по языку его произведеній, нужно установить критерій для оцѣнки языка литературныхъ произведеній. Такимъ критеріемъ, или нормою при оцѣнкѣ и сравненіи языка каждаго литературнаго произведенія авторъ при-

знаетъ языкъ Пушкина, принимая его вмѣстѣ съ исправленіями и добавленіями, принятыми позднѣйшимъ литературнымъ языкомъ. Степень отклоненія отъ этой нормы у даннаго писателя опредѣлится научнымъ анализомъ морфологіи, синтаксиса и лексикологіи даннаго писателя, при чемъ историческая хронологія формъ словоизмѣненія, формъ словосочетанія и лексикологіи должна точно опредѣлить намъ тѣ условія, при которыхъ допустимы данныя формы въ ихъ эволюціонномъ движеніи въ языкѣ послѣ Пушкина, и тѣ условія, при которыхъ данныя формы являются анахронизмомъ или регрессирующимъ элементомъ языка для даннаго періода его жизни. Съ такою мѣркою авторъ подвергаетъ разбору со стороны языка «Мертвыя души» Гоголя, указывая, что въ языкѣ Гоголя обусловлено состояніемъ современнаго ему языка литературы, и за что онъ, слѣдовательно, не отвѣтственъ, затѣмъ, въ чемъ онъ регрессировалъ, и что онъ внесъ въ языкъ новаго и удачнаго.

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 6.

Г. Ик. Къ вопросу о сохраненіи памятниковъ народнаго творчества (стр. 84—87). (См. отдѣлъ «Текущія извѣстія»).

Н. Василенко. Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка. 1729—1730 г. (Приложеніе, стр. 33—64).

Літературно-Науковий Вістник, кн. VIII.

Із поезий Надії Кибальчич.—Із поезий Івана Плешкана.—Із поезий Митра Короля.—На старі теми, Івана Франка.—Поворот, повість Вол. Лаврівського (конець буде).—На рідному перелозі, Олександра Журбенка. І. Ти побідив... П. Неждана рецензия.—Мінятури: І. На річці, В. Поточного. П. Штрьоф (кара), Ілярія Карбулицького. Ш. На провесні. А. Веретельника.—Із словінських письменників. Переклад Гриця Тимощука.—Із ескізів Зофки Кведерової: І. І то любов, П. Нужда і Ш. Криниця. — Із оповідань Франка Мешка: Пізнане.—Із «диялогів» Джакомо Леопарди. Переклад П. Карманського:—І. Розмова Землі з Місяцем, ІІ. Розмова вчителя гум. наук та Саллюстія.—Із англійських поетів. Перекл. П. Грабовського.—Дмитро Маркович. Літературна характеристика С. Волоха,—Раси

Европи і їх історичні взаемини, Д-ра Владислава Олехновича. Переклав В. Г.—І. Арийське питанне з точки погляду фільольогії і історії (далї буде).—Із славянських літератур. Огляд за рік 1901: І. Болгарська література въ р. 1901. Перекл. Остапа Луцького.—Новини нашої літератури: І. Вікъ 1798—1898, Ів. Франка. ІІ. Палій воскреситель правобережної Украіни. Історичне оповіданя. Рецензія Вільхівського.—Уряд і горілчана монополія—В. Мировця.—Хроніка і бібліографія.

Slovansky prehled. Годъ IV (1902), вып. 5 и 8.

Володиміръ Гнатюкъ. Изъ галицкой Руси. Разсказавъ исторію извѣстнаго столкновенія студентовъ русиновъ львовскаго университета съ профессорами изъ-за правъ малорусскаго языка и за малорусскія каѳедры, авторъ характеризуетъ отношеніе польской журналистики и польской молодежи къ этому спору и отмѣчаетъ, что студенческая польская молодежь большею частью стала на сторону недовольныхъ. Авторъ придаетъ этому факту большое значеніе для будущаго (вып. 5).

Wisła. Томъ XVI (1902), вып. 1, 2 и 3.

Яр. Равита-Гавронскій сообщаетъ записанныя въ Тарнавѣ подъ Добромилемъ двѣ малорусскія сказки о чортѣ: 1. Хитрый мужикъ. 2. Какое зерно сѣетъ Господь Богъ, а какое чортъ? (Вып. 2, смѣсь).

Г. Лопацинскій. Древнѣйшія административныя дѣленія нынѣшней люблинской губерніи (съ картой). (Вып. 3).

Biblioteka Warszawska. Годъ 62 (1902), вып. 734—738.

Д-ръ Бронславъ Лозинскій. Два историческихъ упыря. Генералъ Бенедекъ и староста Брейнль (Галичина въ 1846 г.) Разсказана печальная трагедія неудавшагося польскаго возстанія въ 1846 г. и послѣдовавшей за нимъ рѣзни въ зап. Галичинѣ. (Вып. 737 и 738).

Kwartalnik historyczny. RocznikX VI. Zeszyt I и II.

Jan Leszczyński. Cesya wschodnio-galicyjska na rżecż Rosyi. На основаніи архивныхъ матеріаловъ авторъ даетъ исторію переговоровъ объ уступкѣ Австріей Россіи части восточной Галичины съ населеніемъ въ 400 тысячъ душъ на территоріи повѣтовъ Золочовскаго, Бережанскаго, Тарнопольскаго и Залещицкаго. Къ уступкѣ этой Австрія обязалась шенбрюнскимъ трактатомъ 14-го октября 1809 года. Исторія управленія Россіи въ восточной Галичинѣ представляетъ для автора исключительный историко-политическій интересъ и этому вопросу онъ намѣренъ посвятить цѣлое изслѣдованіе, часть котораго составляетъ настоящая статья (№ 1).

Д-ръ Владиславъ Абрагамъ. Латинскія епископства въ Молдавіи XIV и XV ст. (Очень осторожное и цѣнное изслѣдованіе темнаго вопроса, составленное частью по архивнымъ даннымъ). (№ 2, стр. 172—207).

Антоній Прохаска Львовскій рокошъ 1537 г. (Продолженіе, № 2, Стр. 208—242).

Каролъ Потканскій. О происхожденіи славянъ. По поводу работъ проф. Нидерле (№ 2, стр. 243—261).

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ

Въ обзорѣ статей за прошлый мѣсяцъ въ нашемъ журналѣ [1]) была отмѣчена статья г. Лотоцци «Родной языкъ въ народной школѣ», а также и вызванная ею статья «Въ защиту хохликовъ» «Одного изъ Енко». Несмотря на давность предмета полемики, многократное и всестороннее освѣщеніе его въ печати со стороны теоріи и практики людьми науки и литературы, полемика не ограничилась только двумя названными статьями. Въ «Спб. Вѣдом.» (№ 220) появилась весьма обстоятельная отвѣтная статья «Одному изъ Енко» со стороны г. С. Л., подъ заглавіемъ «Языкъ и школа», а затѣмъ въ защиту правъ роднаго языка въ народной школѣ на страницахъ «Новаго Дѣла» (№ 30) г. Гофштетеръ помѣстилъ прекрасную статью «Малорусская грамота».

---

[1]) Кіев. Ст. № 7—8, стр. 86.

О достоинствахъ полемическихъ пріемовъ «Одного изъ Енко» мы уже упоминали въ прошлый разъ и теперь скажемъ, что самымъ лучшимъ отвѣтомъ на подобнаго сорта статьи нужно было бы признать молчаніе. И вотъ почему. Читая подобныя статьи, затрудняешься дать себѣ отвѣтъ на вопросъ: «плодомъ чего явилась подобная статья?» Если устами этихъ «енковъ» говоритъ незнаніе, исключающее возможность пониманія какъ самого предмета спора, такъ и аргументаціи, то спорить тутъ нечего. Если же мы имѣемъ дѣло не съ дѣйствительнымъ невѣжествомъ, а съ притворнымъ непониманіемъ того, что совершенно понятно и ясно, то здѣсь споръ оказывается лишнимъ. И та и другая категорія чаще всего, взамѣнъ серьезной аргументаціи, прибѣгаетъ къ пріемамъ остроумничанья и къ красивымъ фразамъ. Это импонируетъ и производитъ впечатлѣніе на широкую публику, особенно тамъ, гдѣ эта публика не можетъ противопоставить развязности автора провѣренныхъ строгой критической мыслью знаній. Поэтому, имѣя въ виду не «енковъ», а читателей, приходится вооружаться терпѣніемъ и повторять то, что твердилось уже десятки и сотни разъ... Такую неблагодарную работу и вынужденъ былъ выполнить г. С. Л., въ своей отвѣтной статьѣ «Языкъ и школа», и справедливость требуетъ признать, что взятая на себя задача выполнена г. С. Л. прекрасно. С. Л. останавливается, главнымъ образомъ, на томъ мѣстѣ статьи г. «Енко», гдѣ онъ силится доказать, что литературная дѣятельность на украинскомъ языкѣ равносильна «искусственной, добровольческой прищепкѣ или окулировкѣ» на стволѣ русской литературы новой вѣтки, которая можетъ лишь «ослабить плодоносящую силу племени», но, очевидно, предвидя возраженія въ видѣ ссылокъ на фактъ существованія еще многихъ другихъ родственныхъ вѣтокъ, дѣлаетъ оговорку такого рода: «было бы жестоко, неразумно и даже невозможно не только свести на нѣтъ, но остановить дальнѣйшее развитіе такихъ языковъ, какъ польскій, чешскій, сербскій», а потому—«невольно приходится мириться съ естественно установившимися границами, съ укрѣпившимися вѣтвями расы»; что же касается украинскаго языка, то г. «Енко» не хочетъ съ нимъ мириться ни вольно, ни невольно, вѣроятно, потому, что онъ «вуличный», забывая, очевидно, тотъ фактъ, что великій Пушкинъ рекомендовалъ учиться великорусскому языку на московскихъ улицахъ, и признаетъ вполнѣ разумнымъ и возможнымъ «сведеніе его на нѣтъ».

С. Л. пришлось по этому поводу кратко коснуться исторіи украинскаго языка съ цѣлью показать, что малорусская литература, какъ органическая вѣтвь славянскаго корня, возникла, развивалась и упрочилась давнымъ давно, начиная съ «Слова о полку Игоревѣ», актовъ литовско-русскаго княжества, перевода священнаго Писанія (Скориною) и т. д., вплоть до «Энеиды» Котляревскаго, которой начинается новый періодъ развитія украинской литературы. Перейдя къ новой украинской литературѣ, С. Л. говоритъ, что эта литература не только не являлась какимъ-то искусственнымъ наростомъ на тѣлѣ русскаго литературнаго языка, но, напротивъ, она умѣла идти своей дорогой и говорить свое слово. «Черпая свое содержаніе изъ народной жизни, малорусская литература неизмѣнно была демократическою и дала въ повѣстяхъ Квитки образцы народническаго направленія задолго до «Деревни» Григоровича. Такая причина—близость къ народной жизни—обусловила преобладаніе въ малорусской литературѣ здороваго реализма. Въ лицѣ Шевченка малорусская литература нашла высшаго выразителя народнаго духа, творчество котораго дало бы намъ, быть можетъ, произведенія міровой величины, если бы его геній не былъ сломанъ внѣшними условіями». Коснувшись «внѣшнихъ условій», С. Л. говоритъ, что «эти условія не переставали сопровождать развитіе малорусской литературы съ самаго того времени, когда ея размѣры начали тревожить воображеніе предшественниковъ г. «Енка». Любопытно,—добавляетъ С. Л.—что и тогдашніе «защитники хохликовъ» были также, по выраженію г. «Енка», «отпрысками сѣраго хохла», и эти отпрыски такъ усердно заботились о своихъ землякахъ, что скоро малорусское слово сдѣлалось въ предѣлахъ Россіи опальнымъ и гонимымъ».

Трактуя о языкѣ школы, г. «Енко» говоритъ, что «хохлику» на каждомъ шагу нуженъ въ практической жизни чистый русскій литературный языкъ, а потому «чѣмъ раньше хохликъ начнетъ имъ заниматься, тѣмъ быстрѣе и основательнѣе изучитъ его». На этотъ старый, избитый аргументъ С. Л. возражаетъ, что задача народной школы должна заключаться не въ обученіи только русскому языку, а «въ начальномъ образованіи и просвѣщеніи вообще, и что только съ помощью родного языка первоначальное обученіе можетъ идти легко, свободно, а усвоеніе знаній прочно и умственное развитіе дѣтей нормально». Теоретическое обоснованіе этой истины давно уже дано въ замѣчательномъ изслѣдованіи Потебни «Мысль и языкъ», а практическія доказатель-

ства не менѣе давно приводились и продолжаютъ приводиться людьми практики—народными учителями въ ихъ отчетахъ и статьяхъ; наконецъ, самымъ яркимъ доказательствомъ крайне печальныхъ послѣдствій принятой въ малорусскихъ губерніяхъ системы обученія является статистика грамотности новобранцевъ: почти всѣ губерніи съ малорусскимъ населеніемъ дали (въ 1874—1883 г.г.) процентъ безграмотности значительно выше средняго: Черниговская—81, 17, Екатеринославская—82, 24, Харьковская—85, 95; Кіевская—86, 10; Полтавская—87, 05; Волынская 87, 56; Подольская—88, 64; тогда какъ въ губерніяхъ великорусскихъ процентъ безграмотныхъ, большею частью, ниже средняго: такъ, въ Ярославской—36, 58; Московской—47, 36; Владимірской—57, 66; Тверской—58, 52; Калужской—67, 18 и т. д. Приведши эти печальныя статистическія цыфры, С. Л., пользуясь образнымъ выраженіемъ г. «Енко», назвавшаго русскій языкъ «крыльями для хохликовъ», могущими ихъ нести по пути прогресса, съ горечью замѣчаетъ: «плохими, очевидно, крыльями служитъ русскій языкъ для учащихся хохликовъ». Въ заключеніе же своей статьи С. Л. говоритъ: «если культурный подъемъ народной массы имѣетъ какую-либо цѣну для государственнаго организма, то въ основу народнаго образованія должна быть положена раціональная школа, однимъ изъ условій которой является начальное обученіе на родномъ, материнскомъ языкѣ; лишь этимъ путемъ могутъ быть устранены тормазы, затрудняющіе школьнику доступъ къ просвѣщенію и обусловливающіе культурную отсталость малорусской крестьянской массы, сравнительно съ великорусской. Если желательна разработка «таящихся въ черноземной хохлацкой силѣ богатыхъ залежей таланта и ума», то нужно вынуть палки, вставленныя въ колеса малорусской литературы, въ которой находятъ свое естественное выраженіе духовныя силы малорусскаго народа. Если же нужна не столько разработка, сколько «переработка» этихъ силъ, то надо имѣть смѣлость открыто подать руку братьямъ по духу, «педагогамъ» прусской Польши»...

Съ неменьшимъ интересомъ читается прекрасно написанная статья г. Гофштетера въ отвѣтъ «Одному изъ Енко». Такъ какъ г. «Енко» заявилъ, что отрицательное его отношеніе къ правамъ украинской литературы на существованіе и желаніе полнаго упраздненія ея вытекаютъ изъ совершенно безкорыстнаго желанія послужить общерусскому прогрессу, цивилизаціи и интересамъ малорусской массы, то г. Гофштетеръ и начинаетъ свою статью съ уличенія г. «Енко» въ не-

пониманіи смысла употребляемыхъ имъ словъ «цивилизація», «прогрессъ» и т. п. и въ полномъ невѣдѣніи той органической связи, какая существуетъ между исторіей народа и его языкомъ и литературой. «Мы какъ-бы забываемъ, говоритъ г. Гофштетеръ, что языкъ народа.— это выраженіе національной души, носитель своеобразнаго типа мышленія, ядро, изъ котораго постепенно развивается духовная индивидуальность націи. Съ точки зрѣнія культурной въ немъ нужно выше всего цѣнить именно эти внутреннія, глубокоскрытыя, но тѣмъ не менѣе богатыя перспективы. Все, что пережито народомъ, все, что воспринято имъ изъ окружающей жизни и природы за цѣлыя тысячелѣтія,—все отпечатлѣлось въ его языкѣ, и заставить его забыть свой языкъ, во имя общенаціональной цивилизаціи или общечеловѣческаго прогресса значитъ, въ сущности, обезличивать эту цивилизацію, обкрадывать этотъ прогрессъ», ибо «цивилизацію нельзя понимать, какъ нѣчто похожее на аракчеевское подведеніе всѣхъ подъ одинъ ранжиръ; она требуетъ неустаннаго живого творчества, всякое же творчество требуетъ не самообезличенія, а напротивъ—возможно широкаго и свободнаго раскрытія, смѣлаго обнаруженія своей внутренней личности. Для духовнаго развитія человѣчества необходимо возможно болѣе богатое разнообразіе психическихъ элементовъ. Основаніемъ этой дифференціаціи служатъ расовыя различія, выработавшіяся подъ вліяніемъ географическихъ условій, а залогомъ ея въ грядущемъ—множественность племенныхъ нарѣчій, живыхъ носителей пережитой исторіи, зародышей цѣлыхъ легіоновъ новыхъ психическихъ типовъ, новыхъ строевъ мысли, новыхъ міросозерцаній». Прекрасно выяснивъ глубокую органическую связь между исторіей народа и его литературой, г. Гофштетеръ объясняетъ тѣ логическія противорѣчія, въ которыхъ путается «Одинъ изъ Енко», благодаря незнанію этой связи, иначе нельзя было бы объяснить того, что отрицая существованіе въ нынѣшнемъ и возможность существованія въ будущемъ украинской литературы, г. «Енко» признаетъ, однакоже, Т. Шевченка. «Можно подумать, говоритъ г. Гофштетеръ, что послѣдній упалъ съ неба, словно какой-то литературный аэролитъ, а не выросъ исторически изъ народной почвы и не имѣлъ до себя множества безвѣстныхъ поэтовъ, создавшихъ тысячи чудныхъ малороссійскихъ легендъ, сказаній, пѣсенъ, эту устную литературу народа». Что же касается увѣренія г. «Енко» будто-бы и самаго украинскаго явыка, на которомъ говоритъ многомилліонный народъ, вовсе не существуетъ, и что его только еще

хотятъ создать Кропивницкій со Старицкимъ, то г. Гофштетеръ называетъ его не болѣе какъ очень смѣлымъ, но болѣе, чѣмъ рискованнымъ парадоксомъ..

Ни въ какомъ случаѣ не желая дать своего согласія на признаніе законности существованія народной школы съ украинскимъ языкомъ, г. «Енко» требуетъ господства московскаго говора на томъ основаніи, что «московскому говору посчастливилось» занять господствующее положеніе. Въ высшей степени удачно замѣтивъ по поводу этого аргумента г. «Енко», что рѣшеніе судьбы языковъ не имѣетъ ничего общаго съ игрой въ «орлянку» или въ «четъ и нечетъ», г. Гофштетеръ говоритъ, что государственное единство и государственное значеніе русскаго языка вполнѣ совмѣстимы съ существованіемъ и развитіемъ остальныхъ славянскихъ нарѣчій и поднарѣчій. Что это такъ, онъ ссылается на примѣръ дѣятельности А. Н. Милютина въ Польшѣ, который, приступая къ объединенію гражданскаго управленія полуавтономной Польши съ Россіей, счелъ своимъ долгомъ провести законъ, по которому преподаваніе въ начальныхъ школахъ производилось бы непремѣнно на языкѣ мѣстной народности, безразлично, кто-бы ни населялъ данную округу: поляки, малороссы, литовцы, латыши, эсты и даже нѣмцы.

Свою статью г. Гофштетеръ заключаетъ слѣдующими словами: «нельзя забывать, что по сложности своего племенного состава Россія немножко похожа на любимую москвичами настойку «сорокатравку». Желаніе непремѣнно привести всѣхъ къ одному знаменателю при такихъ условіяхъ потребуетъ отъ нея непосильной затраты труда, которая будетъ на руку только ея западному противнику. Закономъ ея нормальной гражданской жизни, роста и развитія должно быть политическое единство съ полной этнографической свободой. Естественному процессу проникновенія хохла русскими государственными принципами не можетъ помѣшать ни малорусская школа, ни малорусская литература, ни законное пристрастіе ко всему родному. А между тѣмъ не такъ еще далеки отъ насъ времена, когда любовь малоросса къ своей родинѣ считалась чуть-ли не измѣной отечеству»; въ настоящее же время «у насъ книги и газеты издаются на польскомъ, грузинскомъ, армянскомъ, латышскомъ, татарскомъ, финскомъ языкахъ, чему нисколько не мѣшаютъ призраки сепаратизма, а есть ли въ Россіи хоть одна малорусская газета?»

По словамъ «Бирж. Вѣд.» (№ 222) извѣстный собиратель древностей Т. Кибальчичъ, составивъ опись древнихъ храмовъ и другихъ религіозныхъ и гражданскихъ памятниковъ, хранящихся въ монастырскихъ ризницахъ и приходскихъ церквахъ Россіи, въ настоящее время приступилъ къ составленію описи примѣнительно къ существующей сѣти желѣзныхъ дорогъ и водныхъ сообщеній. Цѣль составителя этой первой описи древняго государственнаго имущества—дать возможность ученымъ и художникамъ болѣе удобно обозрѣвать и изучать древніе отечественные памятники и развить въ обществѣ любовь къ путешествіямъ по Россіи, сохраняющей въ своихъ предѣлахъ памятники искусства: греко-римскаго, древне-христіанскаго, византійскаго, татарскаго, генуэзскаго и чисто русскаго. Опись эта, опубликованная во всеобщее свѣдѣніе, можетъ быть также полезна въ дѣлѣ охраны древнихъ сооруженій отъ искаженій и уничтоженія, которыя такъ часто повторяются въ послѣднее время. Частный трудъ этотъ по мѣрѣ изготовленія, предполагается къ выпуску частями.

Памяти скончавшагося сотрудника нашего журнала А. А. Андріевскаго посвящено было не мало некрологовъ, изъ которыхъ, кромѣ напечатанныхъ за 12 іюля въ мѣстныхъ газетахъ, отмѣчаемъ слѣдующіе: въ «Рус. Вѣд.» № 200; въ «Югѣ» № 1248; въ «Южномъ Обозрѣніи»—№ 1871 и 1877, въ «Одес. Лист.» № 209.

Въ № 1265 газеты «Югъ» напечатана краткая библіографическая замѣтка г. Ков-Кол. на «Драмы и комедіи» Б. Гринченка. Въ № 1270 той же газеты помѣщена замѣтка того же автора на три тома сборника «Викъ».

Издателю-редактору выходящаго въ гор. Ригѣ журнала «Сѣверо-Западная Недѣля» И. И. Высоцкому разрѣшено перенести изданіе журнала въ гор. Кіевъ, переименовать его въ «Юго-Западную Недѣлю» и выпускать по новой программѣ. («Бирж. В.» № 205).

Старшему врачу одесской городской больницы И. Ѳ. Сабанѣеву разрѣшено издавать въ гор. Одессѣ, съ дозволенія предварительной цензуры, подъ его редакторствомъ, еженедѣльный журналъ подъ на-

званіемъ: «Южныя Записки», по программѣ: 1) Правительственныя сообщенія. 2) Статьи научныя по всѣмъ отраслямъ знанія. 3) Статьи историческія и экономическія. 4) Хроника важнѣйшихъ событій русской и заграничной жизни. 5) Литературныя обозрѣнія и изящная словесность. 6) Театръ и искусство. 7) Корреспонденціи. 8) Библіографія и біографія. 9) Объявленія. Срокъ выхода еженедѣльный. („Югъ“ 1266).

Спб. славянскому благотворительному обществу разрѣшено возобновить изданіе ежемѣсячнаго безцензурнаго журнала „Извѣстія с.-петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества“ подъ редакторствомъ В. Н. Кораблева. („Бирж. В.“, № 201).

Въ газетѣ „Югъ“, (№ 1252) напечатана статья А. Гри „Дидъ Каланчакъ“. 130-лѣтній старикъ, житель Карантиннаго острова, Михаилъ Комаровъ, по прозванію Каланчакъ, уроженецъ александрійскаго у. с. Колонтаева Давъ довольно подробную біографію Комарова, авторъ говоритъ, что иногда онъ вспоминаетъ эпизоды изъ своего дѣтства, полнаго крайне интересныхъ исторій о козачествѣ, о мѣстной жизни, иногда, впрочемъ, онъ собственную фантазію и слышанные имъ въ юности фантастическіе разсказы про всякую «чертовщину» искренно принимаетъ за факты дѣйствительной жизни, и разсказываетъ о нихъ такъ, какъ будто онъ самъ или его ближайшіе родственники были свидѣтелями сообщаемаго; особенно много любитъ дѣдъ говорить о зарытыхъ въ окрестностяхъ Херсона и островахъ кладахъ запорожскихъ и турецкихъ. Каждый кладъ въ его устахъ имѣетъ свою особую исторію, на половину взятую изъ дѣйствительной жизни, на половину изъ міра фантазіи и сказокъ. На вопросъ слушателя, почему дѣдъ самъ не добываетъ извѣстныхъ ему кладовъ, онъ обыкновенно объясняетъ, что самому добывать ихъ не сподручно, такъ какъ его спроста не достанешь. Нечистая сила по словамъ дѣда—крѣпко бережетъ эти клады и нужно имѣть надежнаго и храбраго человѣка себѣ въ товарищи, чтобы пойти на такое дѣло. А между тѣмъ богатствъ зарыто въ землѣ несмѣтное количество. Въ иномъ мѣстѣ всѣ богатства цѣлаго турецкаго города лежатъ да ждутъ хорошаго человѣка, кому Богъ назначилъ ими владѣть. Только никто не знаетъ, гдѣ они закопаны, и что нужно сдѣлать, чтобы ихъ достать. Пробовалъ было старый подыскать себѣ

товарища и начать раскопки. Разъ даже взялъ къ себѣ въ компанію самую опытную ворожку, которая сама нечистымъ ворочала, да и это не помогло. Какъ только дорылись они до каменной плиты, подъ которой находится кладъ, ворожка не выдержала. «Якъ пишла страховына, якъ почалось, якъ почалось», разсказывалъ дѣдъ, «повыходылы зъ земли вси туркы й турчанкы зъ малымы дитьмы, що булы поризани козакамы, та поставалы вси на краю выкопанои намы ямы. А зъ ихъ ранъ тече гаряча кровъ прямо въ яму, и залывае іи зъ верхомъ. А бусурманы на насъ мовчкы та такъ гирчно дывлятся». Не выдержала такого ужаса и сама ворожка, особенно когда почувствовала и увидала вокругъ себя въ ямѣ горячую красную жижу и пустилась на утекъ. Тогда вся нечистая сила захохотала дѣду прямо въ лицо и такъ-же быстро исчезла, какъ и появилась. Все попрежнему было тихо и спокойно, и дѣдъ пошелъ разыскивать своего трусливаго товарища въ юбкѣ, которая «зъ переляку ажъ...», и ни за какія блага въ мірѣ не желала снова заводиться съ нечистыми.

Далѣе авторъ говоритъ, что кромѣ этихъ фантастическихъ разсказовъ, онъ не разъ слышалъ изъ устъ дѣда и правдивыя, удивительно ярко воспроизводимыя имъ исторіи изъ жизни козачества и позднѣйшихъ военныхъ поселеній. Одна изъ нихъ „Роковая козацкая заутреня“ была напечатана въ пасхальномъ № „Юга“ за 1900 г. Г. Гри обѣщаетъ подѣлиться съ читателями еще кой-чѣмъ изъ разсказаннаго ему „дидомъ Каланчакомъ“.

Въ № 1539 «Приднѣпр. Края» помѣщена большая статья П. Безобразова подъ заглавіемъ „Запорожкая старина“. Авторъ статьи знакомитъ читателей по Эварницкому съ исторіей, бытомъ и строемъ Запорожья. Въ заключеніе статьи г. Безобразовъ высказываетъ пожеланія, чтобы образованные жители Екатеринославщины заинтересовались многочисленными историческими памятниками, разсѣянными по екатеринославской губ., полюбили родную старину и чтобы Екатеринославъ считалъ своимъ роднымъ дѣломъ храненіе и изслѣдованіе ея.

Въ № 165 «Волыни» г. Эм. помѣстилъ небольшую замѣтку подъ заглавіемъ: «Обжынкы» въ житомирскомъ уѣздѣ».

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Архивъ кн. Куракина. Т. X. Москва, 1902.

Богдан Лепкий. Щаслива година. (Збірка оповідань) стр. 131.

Богословскій Вѣстникъ. Т. III. вип. III. 1902.

Bronisław Dembiński. Źródła do dzejów drugiego i trzeciego rozbioru Polski. T. I—Polityka Rossyi i Prus wobec Polski od początku sejmu Czteroletniego do ogłoszenia constytucyi 3-go maja (1788—1791). Lwów 1902 r.

Добромъ все пересилишь. Переводъ съ малорусскаго. Изд. Харьковскаго Комитета Грамотности № 76. Харьковъ, 1901. стр. 46, ц. 3 коп.

Душа Гоголя. Избранныя мѣста изъ писемъ Н. В. Гоголя и его статей автобіографич. характера. Сост. Г. Русановъ. Изд. «Посредника». Москва, 1902. Ц. 25 к.

Извѣстія Общества любителей изученія Кубанской области. Екатеринодаръ, 1902.

Карбулицький Іларій. Ахтемій. Оповіданне. Видан. тов. «Руськоі Бесіди» в Чернивцях, ч. 165. Чернивці. 1902, стр. 19; ціна 12 сотиків.

Кужела Антон. Три Коломийки на фортепян. Ціна 1 к. 50 с. Черни́вці.

Левицький В. Матеріяли до фізичноі терминольогиі. Часть 4. Відбитка з VIII т. II вип. Збірника матем.-природ.-лікар. секциі. Львів. 1902, стор. 12.

Левицький В. Матеріяли до математичноі терминольогіи. Відбитка з VIII т. II вип. тіеіж секциі. Львів. 1902, стор. 33.

Марко Вовчокъ. Оповидання т. I и II. Кыивъ, 1902. Цина кожного тому 50 к.; на кращ. пап. 75 к.

Мезіеръ А. В. Русская словесность съ XI по XIX ст. включительно. Библіографическій указатель произведеній рус. словесности въ связи съ исторіей рус. литературы. Ч. II съ предисловіемъ Н. А. Рубакина. СПБ. 1902, Стр. VI+650+II. Ц. 4 р.

Сурмаченко. Г. Е. Нисенитныци. 132 стр. Кіевъ. 1902 г. Ц. 40 к.

Третій випускъ розпочатого «Станіславськимъ Бояномъ» видавництва музичного. Ціна випуску 1 кр.

Труды Владимірской ученой архивной комиссіи. Кн. IV. Владиміръ, 1902. Стр. II+86+106+28+38+99+39.

Угро-руськи народны спѣванкы. Т. I (20 аркушів, 900 співанок, записаних з уст марамарошських русинів) Будапешт. Ціна з пересилкою 3 кр. 45 с., а в Росиі 2 р.

Федорченко Ив. Въ чаду мрій. Вирши и писни. Кыивъ, 1902. Ц. 10 к., на лишшимъ папери 15 коп.

Шестаковъ Д. П. Памяти Т. Г Шевченка (Къ 40 лѣтію кончины поэта 26 февраля 1861—1901 г.). Ц. 15 коп.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

—(на)—

ПОЛНЫЙ СВОДЪ РѢШЕНІЙ

ГРАЖДАНСКАГО

КАССАЦІОННАГО ДЕПАРТАМЕНТА ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА,

(начиная съ 1866 г.)

Съ подробнымъ предметнымъ алфавитнымъ и постатейнымъ указателями,

СОСТАВЛЕННЫМИ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ОПЫТНЫХЪ ЮРИСТОВЪ.

Изданіе кандидата правъ Л. М. РОТЕНБЕРГА.

Все изданіе будетъ выходить полутомами въ форматѣ и размѣрѣ энциклопедическаго словаря Брокгауза и Ефрона. Цѣна полутома 1 р. 75 коп., съ пересылкой—2 руб. Для лицъ, подписавшихся до 1-го января 1903 года и внесшихъ задатокъ въ размѣрѣ *пяти рублей* (которые будутъ засчитаны при первыхъ полутомахъ), цѣна полутома 1 р. 50 к., съ пересылкой—1 р. 75 к., и, кромѣ того, всѣ подписчики *получатъ безплатно подробный предметный алфавитный и постатейный указатели*, цѣна коимъ въ отдѣльной продажѣ 10 рублей. При групповой подпискѣ, въ количествѣ не менѣе 5 экземпляровъ, пересылка принимается за счетъ издателя.

Все изданіе выйдетъ въ теченіе *2-хъ лѣтъ*.

Издатель приложитъ всѣ старанія, чтобы дать точный снимокъ съ подлинныхъ рѣшеній Сената, чего онъ надѣется *достигнуть самой тщательной корректурой, выдержанной не менѣе пяти разъ*.

Рѣшенія Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената за нѣкоторые годы совершенно распроданы и сдѣлались библіографической рѣдкостью, а между тѣмъ, безъ сенатскихъ рѣшеній въ судебныхъ и административныхъ дѣлахъ шагу нельзя ступить.

Подписка принимается въ конторѣ книгоиздательства **Л. М. Ротенберга,** въ г. Екатеринославѣ, тамъ-же продаются *собственныя изданія* юридическихъ книгъ.

Проспекты, по первому требованію, высылаются безплатно.